

Н. ПЕНТРЕ

**МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ЧТЕНИЯ**

ДЛЯ X КЛ.

-2340

Н. ПЕНТРЕ

МАТЕРИАЛ

ДЛЯ

ЧТЕНИЯ

ДЛЯ X КЛАССА

ARJIVKOGU

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1962

Утверждён Министерством просвещения
Эстонской ССР.

ARHIIVKOGU

ПОВЕСТЬ О ПУШКИНЕ.

По В. Воеводину.

Я помню море пред грозю:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!..

(«Евгений Онегин», глава I, XXXIII.)

Как удивительна жизнь! Пушкин ехал на юг, с отчаянием в душе, на тоску, на прозябание, а жизнь приготóвила ему на первых порáх суший праздник. Обиды недавних дней утратили свою горечь, в смене новых впечатлений душá точно обновилась.

Приднепровский городок, Екатеринослав, весь в садах, весь из выбеленной глины. Пыль, духотá, убогие корчмы. Таков центр всего южного края.

Только и было отрадой любовáться величественным бегом Днепрá, кострами, разожжёнными на плывущих плотáх, да три-четыре раза на день барáхтаться в ещё холодной весённой воде.

Лихорадка — петербургское наследство — не замедлила напомнить о себе после этих купаний.

И вот — «Мандрыковка», слободка над Днепром, в которой Пушкин снял себе глиняный нищий домик, и он лежит в жару и в бреду на грубом, из досок сколоченном диване, и никого нет около него, кроме Никиты. Да недописанные стихи на столе, да кувшин прохладительного питья с ломтями лимона — всего

отчаяние — meeleheide
прозябание — kiratsemine
на первых порáх — esialgu
суший (настоящий) — tõeline
обида — solvang
утрачивать (терять) — kaotama
утратить*
горечь — kibedus
(вы)белить — valgeks tegema
духотá — leitsak
убогий (бедный) — armetu

корчма — kõrts
отрада (радость) — rõõm
(раз)жечь — süütama
плот — parv
(по)барáхтаться — gabelema
лихорадка — külmõbi, palavik
наследство — pärand
бред — sonimine
прохладительное питьё — karastav
jook
ломоть — lõik, tük

и лека́рств. Непло́хо для начала захватить злейшую горячку, ни на что не надéяться, ничего не ждать, как вдруг распахивается дверь и на поро́ге товарищ — Николай Раевский. Раевский, какими судьба́ми? Вот случай!.. Но то был вовсе не случай. Товарищ ехал с отцом и младшими сёстрами на Кавказ, на Горячие воды, и ещё в Петербурге в кругу́ их общих друзей было реше́но, что он разыщет Пушкина по пути. И сразу же появи́лся лекарь; жар на ночь спал: утром больной был уже на нога́х, осу́нувшийся, небри́тый — и счастли́вый выше меры...

Дальше ехали вместе через степь в двух карéтах и в коля́ске: сам генера́л Раевский — «слава наших дней», Николай, его сын, две младших дочери, Мария и София, с няньками и с английской мисс, да слуги. Лихора́дка не проходила. Полуденная степь дышала зноем, как печка, а его трясло́, зноби́ло; генера́л посади́л его в свою карéту. Впрочем, сухой степно́й воздух и хинные порошкí сделали своё дело, через неде́лю он в самом деле был здоро́в. И всё, что было дальше, пока он не разлуча́лся с этой семье́й, было счастьем.

Прежде всего — сам генерал, Раевский-старший. Как не любить людей, когда на свете существу́ют такие люди, как этот пятидесятиле́тний воин, прямоду́шный, испо́лненный достоинства, сочета́вший в себе ясный ум с такой нравственной красотой, которая даже врагов России заставля́ла смотреть на него с восхище́нием! Сам Наполео́н говорил о Раевском, что он создан из того матери́ала, из которого делаютс́я маршалы. Он, славный в наро́де герой, отказáлся принять графский титул, которым хотел его пожа́ловать царь, с него было доста́точно собственной чести!

Мария... Ей было тогда пятнадцать лет. Смуглая, с чуть взде́рнутым носом, пожалуй даже некрасивая собой подро́сток-девочка, живость которой ещё оттеня́ла неразлучная с ней и тощая, как подоба́ет английской гувернантке, мисс Мятен. Мария первой увидела море, это было где-то близ Мариу́поля. Она выскочила из кареты, бросилась бежа́ть через степь, не замечая того, что Пушкин последовал за нею.

Море голубе́ло под солнцем. Далекó-далекó по горизонту громозди́лись над ним иссиня-чёрные грозové тучи; было

горячка — лихорадка
 распахиваться (открываться) — ava-
 neta
 распахну́ться *
 лекарь — врач
 жар спал (температура спала) — pa-
 lavik langes
 осу́нувшийся (похудевший) — kõhnu-
 nud
 зной (жарá) — kuumus
 его зноби́ло (лихоради́ло) — tal oli
 palavik

прямоду́шный — otsekohene
 досто́инство — väärtus
 сочета́ть что? с чем? — kooskõlastama
 нравственный — vooruslik
 восхище́ние — vaimustus
 титул — tiitel, seisus
 смуглый — tõmmu
 взде́рнутый нос — nõbinina
 подро́сток — pooruk
 неразлучный — lahutamatu
 тощая — kõhn
 (на)громозди́ться — kuhjuma

душно, в степи всё живое притайлось и приумолкло, ветер упал, только волны шумели и пенились. И смуглая девочка играла с ними, то устремлялась к ним, то с хохотом убежала от догнавшей её волны, вся в брызгах, искрившихся на её курчавых волосах, стройная и гибкая в каждом своём движении.

А он стоял поодаль и вдруг у него даже дыханье стеснилось, всё его существо наполнил восторг. Он не замечал ни этой предгрозовой тишины, ни этих угрюмых туч, которые вырастали в полнеба, тесня и обгоняя друг друга. Только и было в ту минуту что беспредельный простор, солнце, запах морских трав, выброшенных на берег волной, да девочка, играющая с волнами, которые ласкались к её ногам.

Это было видение, остановившееся раз навсегда и с годами ставшее ещё отчётливее. Нежность и грусть будит оно в душе. Но пока их кареты всё дальше и дальше катились на юг степными дорогами, разве можно было грустить? Всё было новым, каждый день путешествия: природа, селения, людской обычай, и всё это была Россия, умом непостижимая в своей необъятности и многообразии.

Три недели счастья! Иначе как счастьем не назвать эту свободную, беспечную жизнь среди цветущей природы, в кругу милого семейства, с таким радушием приютившего изгнанника. В своей семье никогда он не знал прелести этих любовных отношений, которые связывали между собой всех членов семьи Раевских, они были незнакомы для него. Старшие дочери генерала, Екатерина и Елена, были совершеннейшие красавицы, однако Мария, смуглый подросток, не теряла своего очарования и рядом с красавицами сёстрами. Жизнь в самом деле текла беспечально, дни проходили в блаженном безделье: купался в море, съедал винограду без счёту. Проснувшись среди ночи, вновь и вновь с наслаждением вслушивался в голоса прибоя. Поутру выходил в сад. Всё так влекло к себе в этом благословенном краю, в этой славной семье, что даже старый кипарис в саду казался приятелем, который всякий раз желал ему доброго утра, склоняя навстречу свою острую вершину.

(при)тайться — end varjama
 (за)пениться — vahutama
 устремляться к кому? к чему? —
 sööstma
 устремиться*
 брызги — piisad
 (за)искриться — kiirgama, särama
 курчавый (кудрявый) — lokkis
 стройный — sale
 гибкий — paindlik
 дыхание стеснилось — hing jäi kinni
 восторг (восхищение) — vaimustus
 (по)теснить — pigistama, suruma

беспредельный (безграничный) —
 piiritu
 видение — nägemus
 отчётливый — selge
 непостижимый умом — mõistmatu
 многообразие — mitmekesisus
 беспечный (беззаботный) — muretu
 радушие — külalishakus
 изгнанник — pagulane, väljasaadetu
 очарование — võlu
 прибой — (mere)tõus
 благословенный — õnnistatud
 кипарис — küpress
 вершина — latv

Однако бездѣлье было мнимым, с книгами он не расставался. Николай вместе с сѣстрами обучал его английскому языку. Мятѣжный гений англичанина Байрона (которого он мог теперь читать в подлиннике) приводил его в трепет.

Подходила порá проститься с чудесным семейством, с которым он был так счастлив. Он всё-таки был не вольный гость в этих краях — путешественник и поэт, а всего лишь чиновник иностранной коллегии, гостивший здесь с разрешения добряка начальника Инзова.

*

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

(«И. И. Пушкину».)

Шёл пятый год его ссылки. Эти годы обид, унижений, подчас нужды, не были потеряны и для счастья. Быть счастливым — талант, а этим талантом Пушкин обладал в избытке. Надо только очень любить людей и всё самое человеческое в них. Счастье только с людьми и только в людях, а люди были с ним и в скитаниях. С ним в его мыслях был Раевский, герой, человек, вся жизнь которого — одно высокое служение отчизне. С ним был майор Владимир Раевский, молодой офицер, ум, сердце и воля которого в согласном движении устремлялись к великим целям политического преобразования России. С ним, пусть мимоходом, была Мария, подросток-девушка, так и лучившаяся молодостью, резвостью, красотой своей ещё не раскрытой души. Наконец Инзов, добряк, который сажал его порой под арест и сам же приходил к нему развлекать разговорами про испанскую революцию, — все они были возле него, к ним он тянулся мысленно в своём теперешнем одиночестве.

Он всё реже и реже выходил из дому. Стихи не удавались. Уже не осенний дождик, а зимняя вьюга шумела по крыше,

мнимый — ettekujutatav; näiline
мятѣжный (свободолюбивый) — mäs-
suline
подлинник — algteos
приводил его в трепет — pani teda
väriseма
порá — время
вольный — свободный
с разрешения, с позволения — loal
унижение — alandamine
нуждá — puudus

в избытке — külluses
скитание — gännak
отчизна — родина
преобразование — ümberkujundamine
мимоходом (временно) — lühiajaliselt
излучать(ся) — kiirgama
излучить*
резвость (живость) — elavus
развлекать чел? — meelt lahutama
развлечь*

стучала в окно, точно путник на огонёк. От брата из Петербурга он требовал рому, горчицы, чего-нибудь в укусе и книг, книг, как можно больше книг. Не пустынных романов, предназначенных коротать время, но исторических сочинений, свидетельств современников о мировых событиях. И слушал нянины сказки и со старушкой вдвоём запивал печаль наливкой домашнего приготовления.

И никого не ждал к себе. Сто вёрст сугробов от Михайловского до Пскова, триста — до Петербурга ...

Уже рассвело, и девушки в няниной комнате уже сидели за пьальцами, однако Пушкин не спешил ещё вставать с постели, лежал, по обыкновению придвинув к себе чернильницу и бумагу. Долгий день предстоял ему, хорошо, если занятый. И вот тогда-то послышался колокольчик. Звук его приближался, кони неслись во весь опор; сквозь запорощенное снегом окно послышался крик: «Стой, стой!», и упряжка с разгона влетела в ворота. В чём был, в одной ночной сорочке, открывавшей его босые ноги, он выскочил на крыльцо. Кто-то в заиндевелой шубе поднялся из застрявших в сугробе саней, он узнал это лицо, ничего не сказал, только медленно-медленно поднял руки. А потом его схватили в охапку и уволокли в дом.

Пушин прижимал его к своей мёрзлой шубе, морозный пар валом валил со двора в коридор, а он не чувствовал холода. Пушин целовал его, всматривался в его изменившиеся за пять лет разлуки черты; оба не находили слов, слёзы стояли у обоих на глазах. Выбежала няня и поначалу ничего не могла понять — кто этот гость и почему Александр Сергеевич выскочил на мороз чуть не нагишом, потом поняла только то, что в доме нежданная радость и бросилась сама обнимать гостя.

Потом они сидели рядом, попыхивая трубками, и всё ещё всматривались друг в друга. Прежняя резвость сквозила в Пушкине: движения, несравнимый его смех — всё было прежнее, однако гость видел: Александр уже не тот, что пять лет назад. Взгляд стал строже, серьёзней, в нём чувствовалась какая-то скрытая перемена.

Беседа, немыслимая в первые минуты свидания, наконец

путник — gändur
 ром — gumm
 горчица — siner
 укус — äädikas
 пустынный — tühine
 коротать время — проводить время
 сугроб — lumehang
 рассвело — valgenes
 пьальцы — väljaõblemisraam
 во весь опор — tuhatnelja
 (за)порошить (занести) — kinni tuis-
 kama

с разгона — jooksu pealt
 сорочка — рубашка
 заиндевелый — härmatanud
 застревать — kinni jääma
 застрять *
 в охапку — kaenlasse
 уволокивать — ära tirima, rebima
 уволочь *
 валом валить — pilvena tulvama
 нагишом — paljalt
 несравнимый — võrratu
 скрытый — varjatud

завязалась. Пушкин говорил о себе, о том, что труд — единственное, что помогает ему сносить тяжесть нынешнего его существования.

Заговорили о том, что у каждого из них лежало на сердце, — о России. Были сказаны заветные слова: т а й н о е о б щ е с т в о .

Ещё в Петербурге, по выходе из лицёя, Пушин вступил в «Союз благоденствия» — тайное политическое общество, поставившее своей целью широкое государственное преобразование России. Другу он не открылся тогда, несмотря на все его домогательства. Теперь скрывать свою принадлежность к политическому заговору не было смысла.

— Не я один, — сказал Пушин, — поступил в это новое служение отечеству.

Пушкин вскочил в волнении: завеса, годами скрывавшая от него истинный характер деятельности его друзей, наконец приподнялась. Он хотел знать всё: кто они? В чём их цели? Как далеко они зашли в своём подкóпе под самодержавную власть? Но ведь правительство подозревает их. Он вскрикнул:

— Верно, всё это в связи с майóром Раевским, которого пятый год держат в Тирáспольской крепости и ничего не могут выпытать!

Но Пушин молчал. Он видел, как меркнут прекрасные глаза друга, как недоумение сменяется в них болью, и всё-таки молчал. Вот он отворачивается от него.

— Я не заставляю тебя говорить, любезный Пушин, — тихо говорит он. — Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям.

И опять Пушин промолчал. Нет, не недостаток доверия связывал его молчанием, — кто мог не верить Пушкину! — но разные были у них жизненные пути. Светлой судьбы он желал поэту, хотел сберечь его поэтический гений. Себе же брал тяжкий труд — тайно, упóрно, в постоянной опасности для жизни готовить России иное будущее.

Вот почему в ответ он лишь молча поцеловал друга, и тот, как бы поняв его, уж больше не спрашивал ни о чём. Обнявшись, они ходили по комнате, каждый погружён в свои мысли. Но подали обед, и оба снова развеселились. У Пушина в санях были припасены три бутылки шампанского, хлопнула пробка, одна, другая, чокнулись за Русь, за лицей, за друзей, которых не было с ними, наконец за неё — за свободу! Няню тоже потчевали шампанским.

беседа завязалась — jutt hakkas sobima

заветный — самый дорогой
домогательство — pealekäämine

завеса — eesriie

подкóп — õbnestamine

(вы)пытать — välja uurida

(по)меркнуть (гаснуть) — kustuma
доверие — usaldus

погружаться (в мысли) — sukelduma
погрузиться *

чокаться — klaase kokku lööma

чокнуться *

(по)потчевать — kostitama

Потом, когда убрали со стола, оказалось, что Пушкин за-
пáлся для встречи не только шипúчим. Питóмец «лицейской рес-
пúблики», он знал, что такое истинный пир. С ним была ру-
копись новой комéдии Грибоéдова. Пушкин привёз рукопись тому,
кто, как никто другой, мог оценítь и глубочáйшую правду и
поэтíчность комедии.

Пушкин раскрыл «Горе от ума». Он читал вслух, особую
прелесть приобрéтали в его чтении лёгкие грибоéдовские стихи,
живые, выведенные в комéдии лица. Он хохотáл, радуясь каж-
дому острому слову, и улыбáлся гость, смеялась няня, присéв-
шая в сторóнке с неизмéнным чулкóм и спицами в руках, а
в печке потрэскивали сухие дрова, и когда совсем смерклось,
ровным светом затéплились свечи. Свобода, за которую они
пили, не назывáя её по имени, таинственная она была с ними.
Как вдруг за окнóм опять послышался скрип полóзьев, кто-то
подъезжал к крыльцú. Пушкин даже не успел спросítь — кто
это, как «Горе от ума» исчéзло из рук его друга и на столе ока-
зáлись раскрытые жития святых.

Но уже поздно было и спрашивать, в двери протíснулся
низкорóслый, рыжевáтый из себя монашек и сразу же сам пред-
стáвился новому лицу: это был настоятель сосéдного Святогóр-
ского монастыря.

Монах хитрил, рассказывая, что, прослышав о приезде гос-
подина Пушкина, подумал, не его ли знакомец из Велико-
лúцкого уезда? Пушкин велел подáть чаю и рому, который
монашку, по-видимому, был очень по вкусу. Вскоре он распро-
щáлся.

Жалко было смотрétь на поэта. Куда девáлось всё его
оживлénие?

— Перестáнь, любéзный друг, — сказал он, когда Пушкин
выразил ему свою досáду, что накликáл ему неожиданного гостя.

— Ведь он без того бывáет у меня, я поручен его наблюдé-
нию. Что говорить об этом вздоре!

Стало быть, он был несвобóден и в четырёх своих стенах!
Но едва посетítель ушёл, жития святых исчéзли со стола и
вновь появилáсь на свет рукопись вольной комéдии. Уже совсем
стало темно, они всё продолжали чтение и споры. Из нежилой
половины дома потянуло угáром, это няня ради гостя распоря-
дýлась затопítь печи. Пушкин очень рассердýлся на неё. Из
эконóмии в дровах держáть дом нетопленным, даже в бильярд-

шипúчее — шампанское
питóмец (воспитанник) — kasvandik
рукопись — käsikiri
выводítь (изображать) — kujutama
вывести *
неизмéнный — alaline
спицы — sukavardad
(за)тéпиться (загорéться) — sütti-
ma

скрип — kriuksumine
полóзья — (saani)jalased
монах (монашек) — munk
настоятель монастыря — kloostri-
ülem
по вкусу — meelt mööda
(на)кликать — välja kutsuma
угáр — ving

ной не топить — в бильярдной, которая могла бы хоть сколько-нибудь скрасить ссыльному поэту его досуги! Он совсем сконфузил добрую старушку.

Время было уже далеко за полночь, ямщик уже запряг лошадей. Перед прощаньем хлопнула третья пробка. Но то было печальное вино, точно каждый из них знал, что это последняя их встреча в жизни. Выпили, крепко обняли друг друга. Пуштин накинул шубу и выбежал из комнаты.

Уже в санях он обернулся: Пушкин стоял на крыльце с непокрытой головой, высоко подняв зажжённую свечу. Кони вынесли за ворота, из темноты донеслось: «Прощай, друг!» Жёлтый огонёк долго светил позади, наконец погас и он, — изгнанник вернулся в свой дом.

*

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы ...
(«В Сибирь».)

В ту пору в Москве славился дом княгини Зинаиды Волконской. Уже по внутреннему своему убранству дом этот заметно отличался от иных знатных домов, москвичи прозвали его в шутку «палаццо у Тверских ворот»; здесь вечерами собиралась вся образованная Москва — учёные и писатели, музыканты и певцы; сама Волконская совмещала в себе множество талантов: она сочиняла романы и изучала археологию, её критические статьи об искусстве в самом деле не лишены были интереса.

В этом доме Пушкин бывал часто.

26 декабря 1826 года проездом в Сибирь, на Нерчинские рудники, у Волконской остановилась её родственница Мария Волконская, урождённая Раёвская. Вечером в числе прочих приглашённых пришёл Пушкин.

Шесть лет назад он оставил в Гурзуфе смуглого подростка-девушку, тогда уже пленившую его не только своей живостью, но таким ещё лишь угадывавшимся в ней богатством внутреннего мира, равного которому он не встречал ни в ком. Через все эти годы скитаний время от времени он неодолимо тянулся к ней воспоминанием. Вновь и вновь видел её, играющую с волнами

скрашивать — kaunistama, kergendama

скрасить *
(с)конфузить (смущать) — segaduse viima

изгнанник — maapagulane
(про)славиться — kuulus olema
княгиня — vürstitar

внутреннее убранство — обстановка, мебель

(со)вмещать в себе — siin: peituma

проездом — läbisõidul

рудник — kaevandus

урождённый — sündinud

угадываться — aimama

угадаться *

на прибрежном песке, счастливую, беззаботную, прекрасную в своих лёгких юных движениях. И тогда складывались стихи...

Все думы сердца к ней летят,
О ней в изгнании тоскую...

И вот теперь его встречала двадцатилетняя женщина (ровно три дня назад ей минуло двадцать лет), и нельзя было смотреть на неё без сожаления, надрывавшего сердце, без восторга, близкого благоговению...

Всё, что с ней произошло, он знал.

Муж Марии генерал Волконский часто покидал свою молодую жену, всегда — в разъездах, цели которых она даже не подозревала. В декабре прошлого года однажды он вернулся домой далеко за полночь, разбудил жену и, растопив камин, стал жечь бумаги.

На её вопрос — что случилось, он ответил:

— Пестель арестован.

Так ей стало известно, что её муж — один из руководителей Южного общества. Вскоре арестовали и его.

Два месяца после родов Мария лежала в злейшей горячке; опасались за её жизнь. Но она выздоровела и немедленно уехала в Петербург добиваться свидания с мужем, которого заключили в Петропавловскую крепость. Приговор стал известен лишь через несколько месяцев: Сибирь, двадцать лет каторги. Однако Мария узнала о судьбе мужа лишь через год — брат её, Александр Раёвский, лукавый и осторожный человек, перехватывал все письма к ней: родня, зная её, боялась, что она последует за мужем в Сибирь.

Так и случилось. Напрасно сам император Николай, который не допускал даже мысли о том, что жены осуждённых мятежников могут смотреть на своих мужей иначе как на самых чёрных злодеев, пугал её условиями, чудовищными по своей жестокости. Она должна была отказаться от своего ребёнка. Она лишалась права вернуться в Россию, теряла состояние и звание. Но решение её оставалось непреклонным. В декабре 1826 года она собралась в путь.

... За тысячи и тысячи вёрст от Москвы, за тысячи и тысячи вёрст дикой, ушедшей в снега тайги, месяцы спустя, в

прибрежный — kaldaäärne
надрывать (сердце) — (südant) ängistama
благоговение — hardumus
подозревать — kahtlustama
роды — sünnitus
злейшая горячка (опасная лихорадка) — äge külmtoibi
опасаться за что? — kartma, mures olema
приговор — kohtuotsus

каторга — sunnitöö
лукавый — хитрый
(по)следовать — järgnema
осуждать — hukka mõistma
осудить*
мятежник — mässaja
чудовищный (страшный) — hirmus, kole
звание — seisus
непреклонный — järeleandmatu

страшных подземельях Благодатского рудника она увидит своего мужа и упадёт перед ним на колёни, целуя кандалы на его ногах. . . Два года спустя умирающий старик Раевский скажет, указывая на её портрет: «Вот самая удивительная женщина, которую я знал!» Это всё в будущем. А в день, когда Пушкин вновь увидел её, с волнением вглядывался в такие милые и такие изменившиеся черты её прекрасного лица, она не хотела думать и не хотела говорить о своей судьбе. Светились свечи. В домашнем театральном зале Волконских пела скрипка. Волконская созвала в этот вечер лучших певцов и музыкантов, чтобы проводы Марии остались в её памяти светлым праздником искусства.

Мария не выходила в зал. Она сидела за дверью, вслушиваясь в голоса певцов и в пение скрипок.

— Ещё, ещё! — просила она. — Подумайте только, я никогда больше не услышу музыки!

Пушкин склонился к её руке, ни одним словом он не говорил ей о том, что переполняло его душу. Говорил только, что задумал написать сочинение о Пугачёве, что поедет на Урал; переберётся в Сибирь, увидит её там, в Нерчинских рудниках. И читал ей стихи, обращённые к тем, кто были его друзьями.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

В ту же ночь Мария уехала, шлагбаум на Владимирском тракте опустился за её коляской, и Пушкин никогда больше не видел её в своей жизни.

Он испытывал чувство огромной и неопределимой утраты, но ещё и сам не знал, как часто будет возвращаться мыслью к образу этой самоотверженной, истинно русской женщины, какие новые слова подскажет ему воспоминание о ней . . .

Может быть, самая большая любовь в его жизни — любовь, которая могла бы быть, прошла мимо него.

Минули многие месяцы. В далёком Забайкалье люди с измождёнными лицами, с наголо обритыми головами, дробили в забоях свинцовую и серебряную руду, тяжко переступая ско-

подземелье — maa-alune ruum
кандалы (цепи, оковы) — ahelad
склониться к руке — kummarduma
(kää kohale)
склониться*
руда (рудник) — kaevandus
скорбный (горестный) — грустный
стремленье — püüdlus

шлагбаум — tõkkepuu, sulgpoom
тракт (шоссе) — postitee
утрата — kaotus
измождённый — kurnatud
наголо обритый — paljakspüगतud
(раз)дробить — killustama
забои — murrukoht kaevanduses
руда — maak

ванными ногами, толкали в гору гружёные тачки. В рудниках была тьма.

А люди с бородами каторжников, поднимаясь на поверхность из своих чёрных нор, улыбались друг другу и говорили:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Послание Пушкина «В Сибирь» разошлось по всем рудникам, заводам и поселениям, где томилась осуждённая декабристы. Александр Одоевский ответил ему от всех них словами, полными пылкой веры в грядущее:

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя —
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Где и когда прочёл Пушкин эти строки, слагавшиеся, может быть, в те часы, когда молоток каторжника дробил руду, или когда спящие, тяжело дыша, лязгали со сна кандалами и повторяли в бреду дорогие им имена? За тысячи и тысячи верст донеслись к нему эти слова:

Из искры возгорится пламя . . .

Через годы и годы, через десятилетия и десятилетия дошли до нас эти слова, когда-то обращённые к Пушкину, и ожили вновь на заре нашей, нами творимой истории. Их повторил и новым значением, глубочайшей своей мыслью наполнил Ленин. Размноженные в подпольных типографиях, повторённые на каждом выпуске боевой ленинской «Искры», отозвались они в миллионах русских сердец.

Всё сбылось! Искра возгорелась пламенем. Над миром полыхает это неугасимое пламя Свободы, Разума, Справедливости.

(с) ковать — aheldama
гружёный — laaditud
тачка — kagu
оковы (кандалы, цепи) — gauad,
ahelad
темница (тюрьма) — vangla
лязгать — klirisema
лязгнуть *

бред — sonimine
размножать — paljundama
размножить *
(за)полыхать (сильно гореть) — lõk-
kele lõõma, leegitsema
неугасимый — kustumatu

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец. . .

(«Мадонна».)

... Это был 1828 год, когда на балу в Москве он впервые увидел девушку, которой едва минуло шестнадцать лет. Золотой обруч стягивал её гладко зачёсанные волосы, лицо её мало было назвать красивым — оно было прекрасным, взгляд выражал застенчивость, печаль и, когда их познакомили, ему показалось — робкое любопытство. Тогда же он сказал одному из бывших с ним друзей, что участь его решена.

Балагур братец Лёвушка, увидев его однажды на гулянье возле коляски Гончаровых, тут же сочинил экспромт:

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован.

Действовал он стремительно. Одного своего знакомца уприсл быть его ходатаем у матери Гончаровой, женщины властной и своенравной. Ответ был неопределённым — ни да ни нет и, однако, как он сам признавался потом, едва не свёл его с ума. В ту же ночь, никого не спросясь, он уехал на Кавказ в армию — с Турцией шла война.

Из Москвы в действующую армию Паскевича Пушкин уезжал, не видя ничего вокруг себя, печальными мыслями весь позади, весь с ней. Он в самом деле на этот раз полюбил.

А Грузия была прекрасна.

Кавказ пленил его воображение ещё девять лет назад, когда впервые из Горячих вод он, ссыльный поэт, увидел снежную вершину Эльбруса.

Второй раз смотрел он на них, теперь уже не юноша, но тридцатилетний человек, искушённый в жизненной борьбе. Воспоминания овладевали им. Всплывали в памяти милые образы тех, с кем девять лет назад делил он здесь своё изгнание. Может быть, один девичий образ опять носился перед его мысленным взором, когда он слагал стихи:

минуло — исполнилось
обруч — võru
застенчивость — häbelikkus
робкий (несмелый) — arglik
балагур — naljahammas
экспромт — eksprompt
приковывать — aheldama
приковать *
очаровать — võluma
ходатай — eestkostja

властный — valitsushimuline
своенравный — isekas
пленять — vangistama
пленить *
ссыльный — väljasaadetud
искушённый — karastatud
овладевать кем? чем? — oma võimusesse haarama
овладеть *
слагать стихи — luuletama

Всё тихо. На Кавказ ночная тень легла,
 Мерцают звёзды надо мною.
 Мне грустно и легко. Печаль моя светла,
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой...

Но не одни воспоминания, как бы ни светла была печаль, владели им, когда он путешествовал теперь по дорогам Кавказа. Ему было тридцать лет. Взгляд его был зорок.

Несколько дней спустя, когда он, догоняя армию Паскевича, скакал по семьдесят вёрст в сутки, произошла грустная встреча. Близ крепости Гергери два понурых вола медленно тянули арбу по крутой горной дороге. Пушкин остановил коня. Должно быть, что-то необычное было и в этой скрипучей арбе и в лицах грузин, её сопровождавших.

— Откуда вы?

— Из Тегерана.

— Что вы везёте?

— Грибоёдова, — сказал грузин.

Пушкин в смятении смотрел на скрипучий возок, медленно поднимающийся в гору. Там лежал труп одного из умнейших людей России, человека, с которым он виделся в Петербурге год назад и тогда вновь и вновь оценил его дружбу — дружбу писателя, комедия которого «Горе от ума» «поставила его наряду с первыми нашими поэтами». Жертвой каких обстоятельств он пал — русский посол в Тегеране? Невежества? Вероломства? У него не было ответа своим мыслям.

На другое утро он пересёк Арпачай — прежнюю государственную границу — и вскоре вошёл в палатку Раёвского.

Николай Раёвский, двадцатисемилетний генерал, разделил с ним свою палатку. Его с восторгом встретили офицеры — друг по лицу Михаил Пущин — брат томившегося в Сибири «Жанно», родной брат Лёвушка — наконец все те, кого он знал прежде и кого не знал. Все они были людьми его поколения, его сверстники и почитатели его дара. Многие из них — участники декабрьского заговора, отправлены были на Кавказ в надежде, что турецкая пуля завершит правосудие.

Командующий Паскевич встретил гостя благосклонно — поэт при штабе полёзен: фельдмаршал был честолюбив.

Гость в их стане, он рвался делить с ними все трудности

(за)мерцать (сиять, блестя) — vil-
 kuma, sārama
 зоркий (зорок) — terane
 понурый — norgus
 вол — veohārg
 арба (телёга) — vanker
 скрипучий — kriuksuv
 невежество — harimatus, juhmus
 вероломство — reetlikkus

поколение — põlvkond
 сверстник — vanusekaaslane
 почитатель (поклонник) — austaja
 завершать — lõpetama
 завершить *
 правосудие — kohtumõistmine
 благосклонно — heatahtlikult
 честолюбивый — auahne
 стан — laager

и опасности войны. Солдаты, замечая в походных колоннах странного господина верхом на коне, в чёрном сюртуке, покрытом буркой, и в цилиндре, принимали его за полкового попа. Каково же было их изумление, когда этот поп в одной из стычек с турецкими всадниками вдруг вырвал пику из рук раненого казака, дал шпоры коню и один, с пикой наперевес, устремился к сражению! Офицер, которого в страхе за друга послал вдогонку Раевский, насилу захватил его и вытащил из передовой казачьей цепи. Да понапрасну был страх — турки, не приняв боя, повернули назад.

Но в Арзруме закончился его поход. Паскевич решительно невзлюбил незваного гостя, слишком дорожившего дружбой с неблагонадёжными офицерами; однажды он сказал ему:

— Господин Пушкин, мне вас жаль, жизнь, ваша дорога для России.

Это был приказ покинуть армию. Приказ, и турецкая сабля в подарок. Он вынужден был подчиниться.

Пушкин примчался к Гончаровым прямо с Кавказа, себя не помня; раздеваясь в прихожей, всё швырял: калоши, шляпу, шинель.

Встреча была ужасна. Но этот раз его встретили даже не уклончивым ответом, а прямым отказом. Наталья Николаевна, когда ей разрешено было выйти к нему из своей комнаты, смотрела равнодушно.

Он был унижен, раздавлен, в отчаянии простился с Москвой.

Прошло несколько месяцев. Одно приветливое слово из Москвы, переданное ему приятелем, — только то, что на Никитской его вспоминают, кланяются ему, — и он бросил всё, всё забыл, даже испросить у Бенкендорфа разрешение на отъезд. Нет, он не мог, не смел явиться прямо к Гончаровым, как это было по его возвращении с Кавказа полгода назад. Но первое лицо, которое он увидел, очутившись вечером на каком-то концерте, было её лицо, сиявшее такой необычайной прелестью, что говор стоял вокруг, когда она проходила по залу! Он смотрел на неё с упоением и видел, себе не веря: взгляд её, обращённый к нему, выражал ласку и радость.

Ярко сверкало в Москве апрельское солнце, когда он шёл к Гончаровым. Одна беда — фрак чуточку жал под мышками,

странный — imelik
 бурка — плащ из козьей и овечьей шерсти
 стычка — kokkurõge
 пика — piik
 наперевес — ettekallutatult
 невзлюбить — mitte armastama
 неблагонадёжный — ebakindel
 подчиняться кому? чему? — alistuma
 подчиниться*
 себя не помня — meeletu millestki

швырять — pilduma
 швырнуть*
 уклончивый — põiklev
 отказ — äraütlemine
 унижать — alandama
 унижить*
 отчаяние — meeleheide
 упоение — joovastus
 (с)жать — pigistama
 под мышками — kaenla alt

не было у него своего фрака, пришлось надеть с чужого, хотя и с дружеского плеча. И ни о чём его не нужно было спрашивать, когда он вернулся от Гончаровых к другу, всё и так было ясно. Он хохотал. Белозубая его улыбка сверкала. Он прыгал по своему обыкновению, бил в ладоши — «Ай да Пушкин!», шекотал друга и дурачился, как мальчишка. Он только просил подарить ему этот фрак — волшебный фрак, который приносит счастье. В этот день Гончарова-мать дала ему своё согласие на его брак с дочерью.

*

Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный, чудный дар
И для потехи возбуждали
Чуть затаившийся пожар? ..

(М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».)

Петербургская зима сыпала снежок на фонари, на конские попоны, на кавалергардские кивера и дамские капоры. Самый иней в дворцовых окнах казался праздничным убранством. В Петербурге было весело.

Видели Пушкина на балу у княгини Бударо. Великолепие этого праздника поражало даже привычных петербуржцев: гостиные были обращены в сады, уставленные редкими цветами и растениями. Звучала музыка невидимого оркестра, в глубь стен и зеркал уходили отсветы бальных огней.

Пушкин проходил один мимо зеркал, колонн, узорчатых пальм, распластавших по стенам свои колеблющиеся тени. Он был мрачен, сторонился толпы; в высокие окна, в темноту зимней ночи уходил его взгляд.

А потом из толпы гостей вырвался красавец кавалергард Дантес. Он бродил по залам, взгляд его кого-то искал, румяное, чуть пухлое его лицо выражало тревогу. Видели, как вдруг он вышел из дальней гостиной и под руку с ним была она, Пушкина, первая красавица Петербурга. Делали рассеянный вид, когда они проходили мимо, и с любопытством тянули шеи им вслед, напрягая слух, ловили его шёпот:

— Уехать! .. Думаете ли вы об этом? .. Я этому не верю, вы этого не сделаете ...

Все видели обих их — в танце, в раззолоченной, всеми цве-

с дружеского плеча — *sõbra õlgadelt*
(по)шекотать — *kõdistama*
волшебный — *võlu-*
попона — *hobusetekk*
капор — *daami talvine peakate*
убранство — *ehe, kaunistus*
великолепие — *toredus*

обращать (превращать) — *muutma*
обратить* *во что?*
отсвет (отблеск) — *helk*
распластать — *laiali sirutama*
(по)колебаться — *kõikuma*
раззолоченный — *kullatud*

та́ми перелива́ющейсѣ бальной суетѣ. И в четырёхуго́льнике высокаго окна́ — оди́нокую фигу́ру с заложёнными за спину рука́ми, лицомъ к окну. Все видели, а кто не видел, тому ука́зывали кивкомъ головы́.

Кто такой был Дантэс? Француз, бежавший из своего отечества после революціи 1830 года. Бродяга, котораго подобрал где-то по доро́ге в сво́ю карету голландскій посолъ в Россіи барон Геккерн. «Ропотъ гвардіи», о котóром писалъ Пушкин в своёмъ дневникѣ, не помешалъ зачислить Дантэса в кавалергардскій полк. Но как же он служилъ своимъ новымъ хозяевамъ, этотъ баловень и бездѣльник? Четыре года службы — сорокъ четы́ре взыска́нія. Какое кому́ дело — он украшалъ собойъ дворъ, белоку́рый красавецъ, остро́словъ и весельча́къ.

Кто такой был Геккерн, посолъ королевы Голландіи, усыновившій Дантэса? Геккерн былъ богатъ. Человекъ безнравственный, бесчестный, он не стеснялся использовать свои высокіе полномочія посла́ иностранны́й державы́ для того, чтобы умножать своё состоя́ние.

Пушкин былъ чужимъ среди этой своры, окружа́вшей тронъ, и былъ слишкомъ вели́къ, чтобы его можно было просто не замечать, откazyвать ему в достоинствѣ и в уваженіи. Стало быть, его ненавидели.

Не всё ли равно, чья рука написала подлый паскви́ль, котора́я 4 ноября почтальо́н принёсъ ему на кварти́ру? Сам ли Геккерн (въ чём убеждёнъ былъ Пушкин) или князь Долгору́кий (что утвержда́лъ сто лет спустя́ по сличенію почерковъ судёбный эксперт) написалъ эти грязныя слова́ — они родились и вылетели из той сплочённой толпы́ враговъ, которая окружа́ла его со всехъ сторо́н. Самъ министръ Ува́ров распростра́нял по знакомымъ списки этого́ письма́. Бездѣльники, завсегдата́и гости́ной голландскаго посла́ передава́ли ихъ из рукъ в руки. Они приходили́ во дворе́цъ, приходили́ къ друзья́мъ и знакомымъ Пушкина.

Первая его мыслъ была о Дантэсе. Дантэс, это он зналъ, былъ влюблёнъ въ его жену́.

Но былъ и друго́й смыслъ въ этомъ письме, ещё́ более отвратительный: намекали́ на друго́го. Царь — вотъ кого́ связывали́ с именемъ его жены́.

То, о чёмъ говорилосьъ въ письме́, имело́ некоторыя основанія́

перелива́ться — sillerdama
киво́къ головы́ — peanoogutus
оте́чество — родина
бродя́га — hulkur
ропотъ — purin
баловень — lemmik
бездѣльникъ — logeleja, logard
вяза́ние — karistus, trahv
остро́словъ — остроу́мный человекъ
весельча́къ — весёлый человекъ
безнравственный — ebavooruslik

полномочія́ посла́ — saadiku õigused
свора — jõuk
досто́нство — väärikus
подлый — alatu
паскви́ль — paskvill
сличеніе — võrdlemine
сплочённый — ühteliidetud
завсегдата́й — alaline külastaja
отвратительный — vastik
основа́ние — alus

за собою. Царь, как прапорщик, гарцевал на коне под окнами его квартиры. Царь сажал рядом с собою его жену на ужинах, его пожаловал камер-юнкером, лишь бы его жена танцевала на балах. Вот за что и ухватились клеветники.

Ни на минуто — это утверждал он сам, это утверждали все близкие ему — не подозревал он жену, верил ей, любил её, верил её любви к нему. Но точно так же он знал, что по всем петербургским гостиным имя его повторяют со злорадным смехом, что где бы он ни появился теперь, за его спиной будут перешептываться, шуриться и значительно поднимать брови.

Он должен был поступить так, как в таких случаях поступают люди чести. И ответить за клевету должен был Дантес.

Вызов был послан. «Чем кровавей, тем лучше», — сказал он потом своему секунданту. Бешенство его не знало меры, на него было страшно смотреть.

Не только это письмо было причиной тому — ярость копилась в нём годами. Тут всё смешалось, всё слилось воедино; постоянный гнёт, борьба с цензурой, зависимость, нужда, досада на пустоту той жизни, на которую обречало его придворное звание, тревоги за жену, за семью, наконец самое горькое — ужасающая, чудовищная картина произвола и бесчестья вокруг, равнодушия к России, ненависти к России, которая стояла перед его глазами. Всё в нём кипело, всё возмущалось, всё его нравственное существо напряжено было до крайности. Терпение его истощилось, когда пришло это письмо, — хороший рассчитанный, точный удар.

Граф Соллогуб говорил потом: «В лице Дантеса он искал смерти или расправы с целым светским обществом».

*

(про)гарцевать (на коне) — ratsuta-
та
ухватываться за что? — haarama
ухватиться *
клеветник — laimaja
утверждать — kinnitama
утвердить *
злорадный — kahjurõõmus
бешенство — gaev, viha
ярость (гнев) — gaev
воедино — ühte
гнёт — surve

обречь на что? — määrama mille-
legi
обречь *
произвол — omavoli
бесчестье — ebaausus
равнодушие — ükskõiksus
возмущаться чем? — nõrdima
возмутиться *
напрягать — pingutama
напрячь * (г//ж)
истощаться — lõppema, katkema
истощиться *
рассчитанный — arvestatud
расправа — arveteõidamine

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде ... и убит!

(М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».)

Как Пушкин провёл свой последний день, помнили многие. Он был очень спокоен, давно не видели его в таком ровном расположении духа. С утра он работал над своим «Современником», когда время было уже за полдень, написал письмо одной писательнице, которая сочиняла хорошие книги для детей. Письмо было деловое, однако и в этом письме нашлось у него несколько ласковых, одобриительных слов, в которых нуждается всякое подлинное дарование. Потом переоделся с ног до головы во всё чистое. Вышел по обыкновению в бекеше, однако на улице было морозно, вернулся и надел шубу. В четыре часа дня в кондитерской Вольфа на Невском его встретил Дантес. Ящик с пистолетами лежал в санях.

Ещё были надежды у друга остановить то, что должно было произойти и произошло час спустя. Ни о каких уговорах и просьбах нечего было и думать, надежда была только на случай, на слепой случай, на вмешательство со стороны друзей, семьи, правительства — всё равно. Когда они выехали на Дворцовую набережную, сама жена Пушкина попала навстречу им; достаточно было одного её взгляда в их сторону, чтобы остановить сани, и всё могло бы сложиться иначе. Но она была близорука и не разглядела их, а Пушкин в рассеянности смотрел на строения по тому берегу Невы. И он, Дантес, не смел, не мог её окликнуть, он вынужден был молчать!

Противники съехались одновременно. Секунданты (с Дантесом приехал атташе французского посольства Д'Аршиак) отошли выбрать место для поединка. В те времена на Чёрной речке был сосновый лесок подаль от проезжей дороги за гумнами и сараями — место уединённое, никем не посещаемое. Лежал глубокий, по колёно, снег. Секунданты вытоптали с обеих сторон площадки, протоптали дорожки к барьерам. Всё было готово.

Противники стояли лицом к лицу за двадцать пять шагов

расположение духа — meeleolu
«Современник» — литературный и общественно-политический журнал, который основал Пушкин. Выходил с 1836 года по 1866 год
одобриительный — heakskiitev
подлинный (настоящий) — tbeline
дарование (талант) — anne
бекеша — ungaripärane palitu (taljega)

Дантес К. К. — лицейский товарищ Пушкина
уговор — veenmine
вмешательство — vahelesegamine
близорукий — lühinägelik
рассеянность — hajameelsus
гумно — gehealune
(вы)топтать — ära tallama

друг от друга. Дантэс подал сигнал сходитья. Пушкин быстро подошёл к барьеру и поднял пистолёт. Дантэс выстрелил с хода.

Пушкин упал лицом на шинель, которая обозначала барьер.

— Кажется, у меня раздроблено бедро, — сказал он. Когда секундэнты бросились к нему, он сделал усилие приподняться и остановил их. — Постойте. Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Ещё незамутнённые его глаза смотрели в упор на противника. Дантэс встал боком к нему, защитив грудь пистолётом, как это разрешали дуэльные правила. Поединок продолжался. Друзья рассказывали потом: «Ужас сопровождал их бой. Они дрались, и дрались насмерть».

Пушкин лежал на снегу, опираясь на левую руку, в правой был пистолёт. Он целился долго, рука была тверда. Когда он выстрелил, Дантэс упал.

— Bravo! — сказал Пушкин. На какую-то долю минуты сознание покинуло его; придя в себя, он только спросил: — Убил я его?

Прицел был верен, рука — тверда, но пуля, пробив противнику локоть, ударила о пуговицу его мундира и только раздробила ему ребро.

А Пушкин лежал на снегу и уже не слышал, что говорят секундэнты. Вокруг стояли сосны. Только и было вокруг: сосны, снег и тишина.

В шесть часов его уже привезли на Мойку. Он не мог двигаться, боли были ужасны, весь низ живота был у него разворочен пулей. Никита, верный товарищ его скитаний, вынес его из кареты на руках, как маленького.

— Грустно тебе нести меня? — сказал Пушкин. Женé он велел всё объяснить, но не пускать её к нему, пока его не уложат и не разденут.

Когда пришёл врач, он лежал на диване в своём кабинете. Он спросил:

— Что вы думаете о моей ране? Скажите мне — смертельная?

Врач ответил:

— Считаю долгом этого не скрывать.

с хода — käigu pealt
обозначать — tähistama
обозначить *
(раз)дробить — purustama
бедро — puus
(с)делать усилие — pingutama
незамутнённый (ясный) — selge
(по)смотреть в упор — üksisilmi vaata
опираться на что? — teotuma
опереться *

прицел — sihtimine
локоть — küünarnukk
ребро — ribi
разворачивать — purustama, katki
kiskuma
разворотить *
Никита Козлов — камердинер Пушкина
скитание — hulkumine

— Спасибо, — сказал Пушкин. — Вы поступили, как честный человек.

Его спросили, не хочет ли он повидать своих друзей. Взгляд его медленно обходил книжные полки.

— Прощайте, друзья! — сказал он книгам.

Но жизнь ещё не покидала его.

Съехались близкие: Жуковский, Вяземский, Александр Иванович Тургенев. Придворный врач привёз записку от императора (всего несколько слов — последняя милость), которую велено было, однако, увезти после прочтения обратно во дворец. Он велел вынуть из стола какие-то бумаги и сжечь их при нём. Спросили его последние распоряжения, он ответил:

— Всё жене и детям.

Иногда он подзывал к себе жену, говорил ей:

— Будь спокойна, ты невинна в этом. Не укоряй себя моей смертью.

Потом просил, чтоб она пошла к себе отдохнуть. Она уходила, а когда он начинал дремать, снова подкрадывалась к дверям его кабинета, стояла у дверей, и достаточно было лёгкого шороха её платья, чтобы он узнал её.

Так прошла ночь. Боли по временам были невыносимыми, но он глушил стоны, чтобы жена не услышала его мук.

Потом он сказал, что хочет проститься с близкими. Они входили к нему один за другим, каждому он пожимал руку и говорил: «Прощай. Будь счастлив». Некоторые, не в силах удержатъ рыдания, выходили из комнаты, другие плакали здесь же, возле него.

Детей к нему принесли полусонных, он каждому клал руку на голову, смотрел в глаза.

Так прошёл ещё день и еще вечер. Двери в его квартиру не запирались. Приходили какие-то незнакомые люди, толпились в передней, спрашивали шёпотом — что Пушкин? Есть ли надежда? Весть о том, что он при смерти, облетела город. Никто не знал, что это за посетители, иногда бедно одетые, в студенческих и чиновничьих мундирах, но они входили и входили, притихшие, с тоской и надеждой в глазах. В передней уже было не протолкаться, пришлось отворить двери в буфетную, пропустить часть посетителей туда. Какой-то старичок сказал: «Боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, но этого не было!»

И опять подошла ночь, вторая ночь его страданий. Врач,

придворный врач — õukonna-arst
милость — heategu, armulikkus
укорять кого? чем? — ette heitma
укорить *
подкрадываться — hiilima
подкрасться *
шорох — sahin

заглушать — sumbutama
заглушить *
рыдание — nuuksumine
при смерти — suremas
протолкаться — läbi trügima
протолкнуться *
буфетная — lauapõude hoiuruum

старый человек, отойдя от него, сказал: «Я был в тридцати сражениях, я видел много умирающих, но мало видел подобного».

Народ всё прибывал. Уже пришлось отворить двери в залу. Вся набережная Мойки под его окнами была запружена толпой, кареты не могли подъехать к дому.

К полудню сознание всё чаще покидало умирающего. Тогда он сжимал руку друга, сидящего подле него, бормотал:

— Ну подними же меня, пойдём, да выше, выше, — ну пойдём.

Очнувшись, он сказал:

— Мне было пригрёзилось, что мы с тобой поднимаемся по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

А ещё час спустя он сказал:

— Кончена жизнь.

Самый переход его от жизни к смерти был таким тихим, что друзья даже не заметили, как он перестал дышать.

Гроб с его телом установили в гостиной. Он был в любимом своём коричневом сюртуке. Лицо было очень спокойным, каким не видели его давно: он перестал страдать, тоска, гнев — всё, что отравляло ему жизнь последние годы, кончилось. В молчании стояли друзья вокруг него. Веки опущены, губы плотно сжаты.

А незнакомые люди всё шли и шли проститься с ним; в недоумении смотрели друзья на этот нескончаемый поток посетителей, и мало-помалу, даже в горькие эти минуты, радостно становилось у них на сердце. Шли старики, женщины, чиновники, студенты, беднота, голь в шинелишках на рыбьем меху, даже в простой овчине. Это шёл народ. Это шли все те, к кому донеслось его могучее поэтическое слово, которое вывел он на просторы России. Не было никакой возможности вместишь в маленькой гостиной всю эту толпу; гроб, обитый красным бархатом, перенесли в переднюю. Не с парадного — с чёрного хода шёл к гробу народ, со двора, через дверь, на которой углем было нацарапано: «Пушкин». Сколько их, не узанных им при жизни друзей, прошло через эту дверь? Считали — тридцать две тысячи. Иностранцы наблюдали говорили: пятьдесят тысяч. А они всё шли, шли, день-ночь, день-ночь, и некоторые из них даже отрывали куски сукна от его сюртука — память о мёртвом, а некоторые, отходя от гроба, сжимали кулаки, проклинали его убийц и вслух говорили о возмездии.

запружать что? чем? — ummistama, sulgeta
запрудить *
(при)грёзиться — viirastuma, näima
сюртук — pikk-kuub
отравлять кому? что? чем? — mürgitama
отравить *

в недоумении — arusaamatuses
поток — vool
голь — kehvikud
на рыбьем меху — õhuke
овчина — lambanahk
вмещать — mahutama
вместишь *
возмездие (месть) — kättemaks

В этот день на набережной возле дома Пушкина видели молодого гусарского офицера. Он был бледен. Когда знакомый литератор, только что вышедший от Пушкина, сказал ему, что поэта уже нет, умер полчаса назад, он долго стоял у перил, поражённый страшной вестью. Потом ушёл, а наутро по городу разнеслись в списках гневные, поистине пушкинской силы стихи:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Несколько дней спустя Лермонтов приписал к своим стихам «На смерть поэта» ещё шестнадцать строк — самых гневных. «Надменные потомки известной подлостью прославленных отцов», — их, окружавших трон, он в лицо обвинял в убийстве, им он грозил:

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь.
И вы не смёте всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Газетам было строжайше запрещено что-либо печатать о его смерти. Только одна успела в траурной рамке поместить всего лишь несколько строк: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невознаградимой потере и всякое русское сердце будет растёрзано...»

Отпевание предполагалось в Исаакиевском соборе, но в ночь пришёл приказ — перенести гроб в церковь на Конюшенной. Толпа, собравшаяся на другой день возле собора, нашла собор пустым; хлынули на Конюшенную, запрудили соседние улицы. Внутри церкви не пускали никого, только особо приглашённых. Друзья вынесли гроб из церкви, вперёд шли Крылов и Жу-

перёла — käsipuud
поражать чем? — gabama
поразить *
гневный — gaevukas
невольник — ori
пасть (погибнуть) — hukkuma
(о)клеветать — laimama
молва — kuulujutt
свинёц — tina
поникать головой — langetama pead
поникнуть *
надменный — ülbe
потомки — järelsugu
подлость — alatus

прославленный — kuulsaks tehtud,
ülilistatud
(по)грозить — ähvardama
прибегать к чему? — kasutama
прибегнуть *
злословье — laim
траурный — leina-
во цвете лет — parimates eluaastates
поприще — tegevusala, tööpõld
невознаградимый — asendamatu
(рас)терзать — puruks kiskuma
отпевание — matusetalitus
церковь — kirik
хлынуть — järsku voogama

кóвский. Кто-то ничкóм лежал на ступéнях, всем телом вздрагивая от рыданий, — это был Вяземский.

Гроб внесли в подвёл соседнего дома.

А ночью по тёмным улицам Петербурга проехали сани, на которых лежало что-то длинное, обёрнутое рогожей. Сидел на санях ящик, сидел закутанный в тулуп Никита Козлов. Позади скакал жандарм, а ещё дальше ехали другие сани.

Тело Пушкина приказано было вывезти из города тайно. Сопровождать — камердинеру его и Александрю Ивановичу Тургеневу, другу покойного.

Ни один человек не видел — разве что булочник в поло-сатой своей будке, — как выехали сани за заставу на заметённый снегом тракт Петербург—Псков.

Жандарм торопил ящика. Один загнанный конь пал за Гатчиной. Когда над Петербургом вновь рассвелó, тело Пушкина было уже далекó. «Вы всегда на дорогах», — десять лет назад говорил ему Бенкендорф. Что было при жизни, то ожидало его и в гробу: ухабы да вёрсты за вёрстами...

Приказано было похоронить его в Святогóрском монастыре, рядом с матерью, которую он сам проводил в прошлом году. Промёрзлую землю не брали лопаты, пришлось рыть неглубокó — лишь до весны.

Александр Иванович Тургенев — «арзамасский опекун» — первым бросил на крышку гроба горсточку земли, другую завернул в платок. Две младшие дочери Осиповой, с которыми играл когда-то их весёлый михайловский сосед, теперь уже взрослые девушки, опустили в могилу живые цветы. Григорские и михайловские крестьяне стояли вокруг, обнажив головы.

Жандарм мог быть доволен. Похороны прошли согласно приказу. Два букета да несколько крестьянских слёз не в счёт. Всё было тихо, только покряхтывали на ветерке монастырские древние сосны да стучал дятел.

ничкóм — kummuli
рогожа — rogusk
(за)кúтать — kinni mássima
тулуп — geisikasukas
будочник — putkavaht
полосатый — vöödiline
застава — (linna)piir
заметать (снегом) — kinni tuiskama
заместí *

тракт (шоссé) — postitee, maantee
ухабы — augud (teel)
опекун — hooldaja
горсть (горсточка) — peotäis
согласно приказу — eeskirja kohaselt
не в счёт — arvesse võtmata
дятел — rähn

В СИБИРЬ.

(1827)

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло восстание молодых дворян-революционеров против царя и царского строя. Восстание было жестоко подавлено. Участники его — декабристы — поплатились каторгой, ссылкой, тюрьмой, а пять руководителей восстания были повешены.

Пушкин не входил в организацию декабристов, но целиком разделял их революционные взгляды, со многими из них дружил. И когда в начале 1827 года жена декабриста Муравьева поехала к своему мужу в сибирскую каторгу, Пушкин послал своим друзьям-декабристам это стихотворение.

Во глубинé сибíрских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высóкое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбúдит бодрость и веселье,
Придёт желáнная порá.

Любовь и дружество до вас
Дойдúт сквозь мрачные затвóры,
Как в ваши каторжные нóры
Доходит мой свободный глас.

Окóвы тяжкие падúт,
Темницы рúхнут — и свобóда
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадúт.

восстание — ülestõus
строй — (riigi) kord
подавить — maha suruma
участник — osavõtja
(по)платиться чем? — karistama
(millegi eest)
руководитель — juht
повесить — üles pooma
целиком — täiesti
глубинá — sügavus
скорбный — kurb

стремленье — püüdlus
мрачный — süngе
подземелье — maa-alune ruum
затвóр — lukk
норá — ürg
глас — голос
окóвы (кандалы, цепи) — ahelad
тяжкий — тяжёлый
темница (тюрьма) — vangla
рухнуть — kokku varisema

ОТВЕТ ПУШКИНУ.

(1827)

А. И. Одóевский

В декабрé 1900 года за границей вышел первый номер газеты «Искра». Под заголовком газеты было изречéние (эпиграф): «Из искры возгорится пламя». Эти слова взяты из отвéта декабристов поэту Пушкину, который послал им привётствие в сибирскую ссылку.

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь окóвы обрели.
Но будь спокоен, бард, цепями,
Судьбой своей гордимся мы
И за затвóрами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя, —
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И с радостью вздохнут народы.

заголовок — pealkiri, nimetus
изречéние — mõttepera, ütlus
возгорится (загорится) — lõõb põle-
ma
пламя — leek
струна — keel
вещий — prohvetlik
пламенный — leegitsev

обрести — найти
бард — певец, поэт
просвещённый — haritud, valgusta-
tud
меч — mõõk
(с)ковать — gauda taguma
вздохнуть — hinge tõmbama, ohkama

АРИОН.

(1827)

Арион — древнегреческий поэт и музыкант, о котором ходило сказание, что он, спасаясь от грабителей-корабельщиков, бросился в море, но был спасён дельфином, привлечённым его чудесным пением и доставившим его на сушу. Пушкин воспользовался этим сказанием, чтобы изобразить свои отношения к декабристам и их, как и свою, судьбу. Поэт писал в третьем лице:

Их было много на челнѣ...
А он, беспѣчной веры полн,
Пловцам он пел...

В окончательной редакции Пушкин поставил *нас, наш, я*. В письме к князю Вяземскому, взволнованный событиями, он писал: «Повешенные повешены: но каторга 120 друзей, братьев, товарищей, ужасна...» (август 1826 г.). В рукописях Пушкина, после черновых строк пятой главы «Евгения Онегина», им зарисованы вал и ворота (крепость), на валу виселица, а на ней пять повешенных декабристов и подпись: «И я мог бы как тут...» А в шестой главе «Евгения Онегина» (окончена в августе 1826 года), размышляя об участи, ожидавшей убитого поэта Ленского, если бы он остался в живых после дуэли с Онегиным, Пушкин писал в черновом варианте, что юный поэт мог оказаться в ссылке или быть повешен, как Рылеев.

Нас было много на челнѣ,
Иные парус напругали.
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёслы. В тишинѣ
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чёлн;
А я — беспѣчной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, тайнственный певец,
На берег выброшен грозною,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

древнегреческий — vana-kreeka
сказание (легенда) — muistend
грабитель — rüüstaja
корабельщик — laevnik
привлекать кого? чем? — juurde meelitama
привлечь*
доставлять — kohale toimetama
доставить*
суша — maa, ma
беспечный (беззаботный) — muretu
событие — sündmus
черновом — mustandi-
вал — vall

виселица — võllas
чёлн (лодка) — paat
напрягать парус — pingutama purje
упирать — toetama
глубь (глубина) — sügavus
мощный (сильный) — tugev, võimas
руль — rool
кормщик — tüürimees
грузный (тяжёлый) — raske
лоно волн — vetepind
с налёту — lennult
вихорь (вихрь) — tuuleiil
риза (одежда) — rüü
влажный — niiske

И. И. ПУЩИНУ.

(1826)

И. И. Пущин получил это послание в сибирской ссылке. В своих воспоминаниях он рассказывал: «В самый день моего приезда в Читú призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева (жена Никиты Муравьева) и отдаёт листок бумаги, на котором неизвестной рукой написано было: «Мой первый друг, мой друг бесценный...» и прочее. Отрадно отозвался во мне голос Пушкина. Преисполненный глубиной, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга. Стихотворение было написано Пушкиным в Пскове».

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

(1829)

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Это стихотворение согрето подлинным чувством, проникнуто глубиной нежностью и искренностью. Оно особенно интересно тем, что раскрывает достойное и благородное отношение поэта к любви. Последняя заключительная строка стихотворения раскрывает характерное для Пушкина отношение к окружающим: поэт умел радоваться не только своими радостями, но и радостями других.

послание — kiri, läkitus
частокол (забор) — teivastara
бесценный — väga kallis
отрадно (радостно) — rõõmsalt
преисполненный (полный) — täis
благословлять — õnnistama
благословить*
уединённый — üksildane
занесённый — (on)kinni tuisanud
провидение — saatus
даровать (дать) — andma, kinkima

утешенье — lohutus
озарять *чем?* — valgustama
озарить*
заточенье — vangistus
угасать — kustuma
угаснуть*
подлинный — siiras
проникнутый — täis
искренность (ж. п.) — siirus
достойный — vääri-line
благородный — õilis, üllas

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

(1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоёт,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоёт,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

мгла — somp, vine
(по)крыть — katma
снежный вихрь — lumetuisk, -keeris
обветшалый — старый, ветхий
ветхий — старый
лачужка (лачуга) — onpik

приумолкнуть — vaikseks jääma
завыванье — ulgumine
утомлённый — väsinud
жужжанье — sumin
веретено — värten

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

(Роман в стихах.)

Глава первая.

И жить торопится, и чувствовать спешит...

П. Вяземский.

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и
ночь,
Не отходя ни шагу прочь!

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса

Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С гербом моего романа
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

III

Служив отлично, благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним

ходила,
Потом Monsieur её сменил.
Ребёнок был резв, но мил.

не в шутку занемог — серьёзно заболел, сильно захворал
коварство (злостная хитрость) — *salakavalus*
забавлять (развлекать) — *lobustata*
та, *palja tegema*
забавить* (развлечь*)
повеса (бездельник, проказник, шалун) — *võrukael*
почтовые (лошади) — *posthobused*
всевышний (бог) — *kõrgeim*
Зевес (Зевс) — верховный бог древних греков
наследник — *rägiä*
друзья Людмилы и Руслана —
друзья-читатели Пушкина, которые

узнали и полюбили его после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (в 1820 году)
некогда — когда-то
вреден север для меня — Пушкин намекает (*vihjab*) на свою ссылку с севера, из Петербурга на юг
промотаться (растратить свои деньги, имущество) — *pillama*
madame — мадам (франц.), *siin: prantslannast kasvataja*
monsieur — мосье (франц.), *siin: prantslasest õpetaja, kasvataja*
резвый (резв, резв) — живой

Monsieur l'Abbé, француз
 убогий,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил
 И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надежд и грусти нежной,
 Monsieur прогнали со двора.
 Вот мой Онегин на свободе;
 Острижен по последней моде;
 Как dandy лондонский одет —
 И наконец увидел свет.
 Он по-французски совершенно
 Мог изъясняться и писал;
 Легко мазурку танцевал;
 И кланялся непринуждённо:
 Чего ж вам больше? Свет
 решил,
 Что он умён и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
 Чему-нибудь и как-нибудь;

Так воспитаньем, слава богу,
 У нас не мудрено блеснуть.
 Онегин был по мненью многих
 (Судей решительных и строгих)
 Учёный малый, но педант.
 Имел он счастливый талант.
 Без принуждения в разговоре
 Коснуться до всего слегка,
 С учёным видом знатока
 Хранить молчанье в важном
 споре

И возбуждать улыбку дам
 Огнём нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по-латыни,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить *vale*,
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.
 Он рётся не имёл охоты
 В хронологической пыли
 Бытописания землёй:
 Но дней минувших анекдоты
 От Ромула до наших дней
 Хранил он в памяти своей.

убогий (бедный) — vilets
 докучать (надоедать) чем? — tüütata
 бранить (ругать) — riidlema
 мятежный (беспокойный, тревожный)
 — mässuline, rahutu
 (о)стричь — rügama
 dandy — дэнди (англ.) — keigar,
 моёпагг
 изъясняться — говорить
 непринуждённо (естественно) — sun-
 dimatult, loomulikult
 не мудроно (нетрудно) — pole raske
 блестять — hiilgama, särama
 блеснуть * чем?
 малый — мужчина, человек
 педант — человек, который слишком
 много обращает внимания на мело-
 чи
 без принуждения (непринуждённо,
 свободно) — sundimatult

касаться кого? чего? — puudutama
 коснуться*
 знаток — asjatundja
 возбуждать что? чем? — välja kut-
 suma
 возбудить*
 эпиграмма — злое и остроумное за-
 мечание
 латынь, латинский язык — ladina
 keel
 Ювенал — сатирик, живший в Риме
 в I веке нашего летосчисления
 vale! — будь здоров! прощай! (по-
 латыни)
 Энеида — произведение римского
 поэта Вергилия (I век до нашего
 летосчисления)
 бытописание — историческое описа-
 ние
 Ромул — легендарный основатель
 Рима

XV

Бывало, он ещё в постеле.
 К нему записочки несут. —
 Что? Приглашения? В самом
 деле,
 Три дома на вечер зовут.
 Там будет бал, там детский
 праздник.
 Куда ж поскочет мой
 проказник?
 С кого начнёт он? Всё равно:
 Везде поспеть не мудрено.
 Покамест в утреннем уборе,
 Надев широкий *боливár*,
 Онёгин едет на бульвар
 И там гуляет на просторе,
 Пока недремлющий брегёт
 Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
 «Падí! падí!» — раздался
 крик;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобрóвый воротник.
 К *Talon* помчался: он уверен,
 Что там уж ждёт его Кавэрин.

Вошёл — и пробка в потолок,
 Вина кометы брызнул ток,
 Пред ним *roast-beef*
 окровавленный,
 И трюфли, роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший
 цвет,
 И Страсбурга пирог нетлennyй
 Меж сырoм лимбургским
 живым
 И ананасом золотым.

XVII

Ещё бокалов жажда просит
 Залить горячий жир котлет,
 Но звон брегёта им доносит,
 Что новый начался балет.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательных актрис,
 Почётный гражданин кулис,
 Онёгин полетел к театру
 Где каждый, вольностью дыша,
 Готов охлопать *entrechat*,
 Обшикать Фэдру, Клеопатру,
 Моину вызвать (для того,
 Чтоб только слышали его).

проказник (шалун) — *vallatleja, tem-
 butaja*
 покамест — *пока*
 боливár — шляпа с широкими поля-
 ми
 брегёт — часы (названы по имени
 часового мастера Брегёта)
 бобрóвый — *korranahkne*
 Талон — хозяин ресторана; здесь:
 модный ресторан
 Кавэрин — приятель Пушкина-ли-
 цейста
 пробка — *kokk*
 вино кометы — вино 1811 года, вре-
 мени появления кометы
 брызгать — *pritsima, purskama*
 брызнуть*
 ток — *juga*
roast-beef (ростбиф) — кушанье;
 мясо, изжаренное особым спосо-
 бом
 трюфли (грибы) — *trüffel*

роскошь — *luksus*
 страсбургский пирог — *паштет*; кон-
 сервы из печёнки, которые приго-
 товлились особым образом в Страс-
 бурге
 нетлennyй (непортящийся) — *rikpe-
 matu*
 законодатель — *toonindja; seaduse-
 andja*
 непостоянный — *truudusetu*
 обожатель (поклонник) — *austaja*
 кулисы — *kulissid*
entrechat (антрашá) — ловкий пры-
 жок вверх
 (об)шикать (шумом выразить не-
 одобрение кому-нибудь) — *välja
 vilistama*
 Фэдра — героиня трагедии Расина
 Клеопатра — героиня трагедии Кор-
 неля
 Моина — героиня трагедии Озерова

Театр уж полон; ложи блещут;
 Партер и кресла — всё кипит;
 В райке нетерпеливо плещут,
 И, взвѣвшись, занавес шумит.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимф окружена,
 Стоит Истомина, она,
 Одною ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружит,
 И вдруг прыжок, и вдруг летит,
 Летит, как пух от уст Эбла,
 То стан совѣт, то разовѣт,
 И быстрой ножкой ножку бѣт.

XXI

Всѣ хлопают... Онѣгин входит,
 Идет меж кресел по ногам,
 Двойной лорнет, скосясь,
 наводит

На ложи ~~не~~знакомых дам;
 Все ярусы окинул взором,
 Всѣ видел: лицами, убором
 Ужасно недоволен он;
 С мужчинами со всех сторон
 Раскланялся, потом на сцену

В большом рассеянии взглянул,
 Отворотился — и зевнул,
 И молвил: «Всех порá на смену;
 Балеты долго я терпел,
 Но и Дидло мне надоел».

XXXV

Что ж мой Онѣгин? Полусонный
 В постелю с бала едет он;
 А Петербург неугомонный
 Уж барабаном пробужден.
 Встаёт купец, идёт разносчик,
 На биржу тянется извозчик,
 С кувшином охтенка спешит,
 Под ней снег утренний хрустит.
 Проснулся утра шум приятный,
 Открыты ставни, трубный дым
 Столбом восходит голубым,
 И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпакѣ, не раз
 Уж отворял свой *vasisdás*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
 И утро в полночь обратя,
 Спокойно спит в тени
 блаженной

раёк — *gõdu*
 плещут — аплодируют, рукоплещут
 извиваться (подниматься) — *kerkima*
 (*üles*), *tõusma*
 взвиться *
 смычок — (*viili*) *roogen*
 волшебный — *võlu*-
 Истомина — фамилия знаменитой
 балерины
 Эбл — у древних греков бог ветра
 стан (галия) — *piht*
 (с)вить * — (*kokku*) *keerutama*, *kee-*
gama
 (раз)вить * — (*lahti*) *keerutama*
 лорнет — складные очки с ручкой
 убор — наряд, туалет
 рассеяние — *hajameelsus*
 отворотиться (отвернуться *) — *kee-*
gas ära

молвить (сказать) — *lausuma*
 Дидло — известный балетмейстер,
 постановщик балета
 неугомонный — человек, который не
 может успокоиться
 биржа — уличная стойка извозчи-
 ков
 охтенка — жительница Охты (район
 Петербурга)
 хрустеть — *krudisema*
 хрустнуть *
 ставни — *aknaluugid*
 колпак — высокая, конусообразная
 шапка
vasisdás — здесь: форточка, через
 которую немецкий булочник спра-
 шивал: «Что надо?»
 обращаться *во что?* — *muutma*
 обратить *

Забав и роскоши дитя.
Проснётся за-полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой

Евгений;
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он среди пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нём
остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steak и страсбургский
пирог
Шампанской обливать
бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова:
И хоть он был повеса пылкий,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинёц.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому
сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
Как Child-Harold, угрюмый,
томный,
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох
нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

LIII

.
.
Вот наш Онегин сельский
житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

блаженный (счастливый, радостный) — õnnis
забава — игра, развлечение
однообразный (одинаковый) — üksluine
вотще — вообще
beef-steak (бифштекс) — мясное блюдо
повеса (бездельник, проказник, шалуни) — võrukael
брань (война) — sõda
сабля (шашка) — mõõk
свинёц — tina
недуг (болёзнь) — haigus

сплин — тоска, скука, хандра
Child-Harold (Чайльд Гарольд) — разочарованный герой одноимённой поэмы английского поэта Байрона
томный (устало-нежный) — gauge, õrn, gammestav
гостиная — külalistetuba
сплетни — kuulujutud
бостон — карточная игра
досель — до сих пор
расточитель — pillaja

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголък;
Там друг невинных

наслаждений

Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы, здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад.
Приют задумчивых дриад.

II

Почтенный замок был построён,
Как замки стробиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему

В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей
бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван
пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашёл тетрадь

расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года;
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.

благословлять кого? за что? — õnnis-
tama

благословить * (в/вл)

мелькать — vilkuma

мелькнуть *

сени (листва) — lehestik

запускать — hooletusse jätma

запустить * (ст/ш)

приют — varjupaik

Дриада — у древних греков лесное

божество, родившееся вместе с

деревом и жившее в его листве

замок (дворец) — loss

отменно — очень

прочный (крепкий) — tugev

штофный (шёлковый или шерстяной)

— siidist või villasest

изразец — кирпич, покрытый гла-
зурью

(об)ветшать (состариться) — kõdu-
nema, vananema

затем — потому что

покой — комната

старожил — тот, кто давно живёт в

одном и том же месте

ключница — mõisateenija, kes valvab
toidutagavarade üle

браниться (ругаться) — riidlema

(раз)давить — lõmastama, katki pi-
gistama

целый строй — целый ряд

владение — omand

учреждать — looma, korraldama

учредить *

В своей глуши мудрец
пустынный

Ярём он барщины старинной
Оброком лёгким заменил:
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своём надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опаснейший чудак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой

дороги
Заслышит их домашни дроги, —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с
ним.
«Сосед наш неуч; сумасбро-
дит;
Он фармазон; он пьёт одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет; не скажет
Иль нет-с». Таков был общий
глас.

мудрец — tark, filosoof
ярём (ярмо) — ike, orjus
барщина — teoorjus, mõisategu
оброк — kruntrent, obrok
расчётливый — kaalutlev, arupidav
чудак — veidrik
жеребец — täkk
дроги (телега) — vanker
оскорбляться кем? — solvuma
оскорбиться* (б/бл)
неуч (невёжда) — необразованный
человек
сумасбродить — действовать безрас-
судно, по капризу

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Лёнский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привёз учёности плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно
странный,
Всегда восторженную речь
И кудри чёрные до плеч.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пирь;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни
чувством,
Ни поэтическим огнём,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством,
Но разговор их милых жён
Гораздо меньше был умён.

фармазон — вольнодумец
не подходит к ручке — не целует
руки
(по)давать повод — rõhjust andma
Кант (1724—1804) — немецкий фило-
соф-идеалист
пылкий (способный увлекаться) —
äge, hoogus
восторженный (экзальтированный) —
eksalteeritud, vaimustuv
кудри (локоны) — lokid
дар (талант, способность) — anne
благоразумный — mõistlik
псарня — penila

Богат, хорош собою Лёнский
 Везде был принят как жених;
 Такой обычай деревенский;
 Все дочек прочили своих
 За *полурусского соседа*;
 Взойдёт ли он, тотчас беседа
 Заводит слово стороной
 О скуке жизни холостой;
 Зовут соседа к самовару,
 А Дуня разливает чай,
 Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
 Потом приносят и гитару:
 И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..

Но Лёнский, не имев, конечно,
 Охоты узы брака несть,
 С Онёгиным желал сердечно
 Знакомство покороче свести.
 Они сошлись. Волна и камень,
 Стихи и проза, лёд и пламень
 Не столь различны меж собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они друг другу были скучны;
 Потом понравились; потом
 Съезжались каждый день
 верхом,
 И скоро стали неразлучны.
 Так люди (первый каюсь я)
 От *делать нечего* друзья.

жених — reigmees
 прочить (предсказывать) — ennustata
 чертог (дворец) — loss

несть узы брака — быть женатым
 свести покороче знакомство — лучше, ближе познакомиться
 разнота (различие) — erinevus

Он слушал Ленского с
 улыбайкой:
 Поэта пылкий разговор,
 И ум, ещё в сужденьях
 зыбкий,
 И вечно вдохновленный взор, —
 Онегину всё было ново;
 Он охладительное слово
 В устах старался удержать,
 И думал: глупо мне мешать
 Его минутному блаженству;
 И без меня пора придёт;
 Пускай покамест он живёт
 Да верит мира совершенству;
 Простим горячке юных лет
 И юный жар, и юный бред.

XXI

Чуть отрок, Ольгою пленённый,
 Сердечных мук ещё не зная,
 Он был свидетель умилённый
 Её младенческих забав;
 В тени хранительной дубравы
 Он разделял её забавы,
 И детям рочили венцы
 Дружья-сосёды, их отцы.
 В глуши, под сению смиренной,
 Невинной прелести полна,
 В глазах родителей, она
 Цвела как ландыш потаённый,
 Незнаемый в траве глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

зыбкий (нетвёрдый) — kõikuv
 вдохновлённый — hingestatud
 совершенство — täiuslikkus
 охладительный — jahutav
 уста (губы, рот) — huuled
 горячка (жар) — palavik
 бред — sonimine
 отрок (мальчик) — pois, nooruk
 пленённый — vangistatud; võlutud
 мука — piin
 умилённый — heldinud
 младенческий (детский) — lapseõl-
 ve-
 забава (развлечение, игра) — meele-
 lahutus

Всегда скромна, всегда
 послушна,
 Всегда как утро весела,
 Как жизнь поэта простодушна,
 Как поцелуй любви мила;
 Глаза как небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голос, лёгкий стан,
 Всё в Ольге... но любовью роман
 Возьмите, и найдёте верно
 Её портрет: он очень мил;
 Я прежде сам его любил,
 Но надоёл он мне безмерно.
 Позвольте мне, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свежестью её румяной
 Не привлекла б она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Как лань лесная боязлива,
 Она в семье своей родной
 Казалась девочкой чужой.
 Она ласкаться не умела
 К отцу, ни к матери своей;
 Дитя сама, в толпе детей
 Играть и прыгать не хотела
 И часто, целый день одна,
 Сидела молча у окна.

дубрава — tammik
 прочить венцы — ennustama abielu
 невинный — süütu
 ландыш — maikelluke
 потаённый (спрятанный) — peidetud
 мотылёк (бабочка) — liblikas
 простодушный — lihtsameelne
 льняной — linane, hele
 безмерно — очень
 привлекать — meelitama
 привлечь *
 очи (глаза) — silmad
 лань — emahirv
 (по)ласкаться — õrnutsema
 дитя — rebõnok

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звёзд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,

И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена,
Вставала при свечах она.

Глава третья.

Elle était fille, elle était amoureuse
*Malfilâtre*¹

I

«Куда? Уж эти мне поэты!» —
«Прощай, Онегин, мне пора» —
«Я не держу тебя; но где ты
Свой проводишь вечера?» —
«У Лариных». — «Вот это чудно.
Помилуй! И тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?» —
«Нимало». — «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли
я?),

Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лён, про скот-
ный двор...» —

II

«Я тут ещё беды не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой
друг». —

«Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...» — «Опять
эклога!

Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень
жаль.

Ах, слушай, Ленский; да
нельзя ль

Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слёз, и рифм et cetera?

Представь меня». — «Ты шу-
тишь?» —
«Нету». —

«Я рад». — «Когда же?» —
«Хоть
сейчас.

Они с охотой примут нас.

предупреждать — ennetama
предупредить * (д//жд)
небосклон — taeva-laotus, taevavõlv
хоровод — ringmäng
вестник — sõnumitooja, teataja
(по)везать — puhuma
доле — дольше
обладать чем? — omandama
почивать (отдыхать) — puhkama
привычный — tavaline, harilik
при свечах — küünlavalgusel

отселе — отсюда
усердие — püüdlikkus
скотный двор — loomalaut
эклога — вид старинных стихотворе-
ний, посвящённых деревенской жиз-
ни
Филлида — имя пастушки, героини
древнегреческой эклоги
et cetera (эт сетера) — и так далее
с охотой (охотно, с удовольствием)
— hea meelega

¹ Она была девушка, она была влюблена. Мальфилатр.

Татьяна слѣшала с досадой
 Такіе сплѣтні; но тайком
 С неизьяснимоу отрадой
 Невольно дѣмала о том;
 И в сердце дѣма заронилась;
 Порѣ пришла, она влюбилась.
 Так в зѣмлю падшее зерно
 Весны огнем оживлено.
 Давно её воображенье,
 Сгорая негой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Теснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого-нибудь...

VIII

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала; это он!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркий одинокий сон,
 Всё полно им; всё дѣве милой
 Безумолку волшебной силой
 Твердит о нём. Докучны ей
 И звуки ласковых речей,
 И взор заботливой прислуги.
 В уныние погружена,
 Гостей не слушает она
 И проклиняет их досуги,
 Их неожиданный приезд
 И продолжительный присест.

Татьяна, милая Татьяна!
 С тобой теперь я слѣзы лью;
 Ты в руки модного тирана
 Уж отдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты в ослепительной надежде
 Блаженство тѣмное зовѣшь,
 Ты негу жизни узнаѣшь,
 Ты пьѣшь волшебный яд желаний,

Тебя преслѣдуют мечты:
 Вездѣ воображаешь ты
 Приюты счастливых свиданий;
 Вездѣ, вездѣ перед тобой
 Твой искуситель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонит,
 И в сад идѣт она грустить...
 И вдруг недвижны очи клонит,
 И лень ей дѣлее ступить.
 Приподнялася грудь, ланиты
 Мгновѣнным пламенем покрыты,

Дыханье замерло в устах,
 И в слухе шум, и блеск в очах...
 Настанет ночь; луна обходит

с досадой — rahameelega
 сплетни — kuulujutud
 неизьяснимый — необьяснимый
 отрада — радость
 падшее — упавшее
 нега (ласка, блаженство) — hurm,
 hellus
 алкать (жаждать) — janunema
 томленье — igatsus
 (с)теснить — ängistama
 очи — глаза
 докучны — скучны
 прислуга — teenijaskond
 уныние — грусть, тоска
 погружать — sukeldama
 погрузить *

проклипать — needma
 проклясть *
 присест — külasviibimine, istumine
 ослепительный — pimestav
 яд — mürk
 свидание — kokkusaamine
 искуситель — ahvatleja
 роковой — saatuslik
 недвижный (неподвижный) — liikumatu
 клонить (опускать) — langetama
 ланиты (щѣки) — põsed
 замереть — tarduma
 замирать *

Дозóром дáльный свод небéс,
И соловéй во мгле дрéвéc.
Напéвы звúчные завóдит.
Татьяна в темнотé не спит
И тóхо с няней говорит:

XVII

«Не спится, няня: здесь так
душно!
Открóй окнó да сядь ко
мне». —

«Что, Таня, что с тобой?» —
«Мне скучно,

Поговорим о старинé». —
«О чём же, Таня? Я бывáло
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духóв и про девиц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худáя чередá!
Зашибло...» — «Расскажи мне,
няня,

Про ваши старые годá:
Была ты влюбленá тогда?» —

XVIII

«И, пóлно, Таня! В эти лéта
Мы не слыхали про любóвь;
А то бы согналá со света
Меня покойница свекрóвь». —
«Да как же ты венчáлась,
няня?» —

«Так, видно, бог велел.

Мой Ваня
Молóже был меня, мой свет,
А было мне тринáдцать лет.
Недéли две ходила сваха
К моей роднé, и наконéц
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь
повели.

XIX

И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...» —
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдáть готóва!...»
«Дитя моё, ты нездорóва;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю свято́й водою,
Ты вся горись...» — «Я не

больнá:
Я... знаешь, няня... влюбленá». —
«Дитя моё, господь с тобою!» —
И няня девушку с мольбóй
Крестила дряхлою рукой.

XX

«Я влюбленá», — шептала
снова
Старушке с горестью она.

дозóр — обхóд для осмóтра
свод небéс (небосвóд) — taevaalo-
tus
во мгле дрéвéc — в листьé дерéвьев
напéв (мелóдия) — viis
душно — lammatav
быль — tõsilugu
небылица — olematu asi
дúхи — vaimud
чередá (очередь) — järjekord, kord
зашибло — забылось
покойница — surpu

свекрóвь — ämm
(по)венчáться — laulatama
сваха — kosjasobitaja
церковь — kirik
(за)рыдáть — nuuksuma, nutma
окроплáть чем? — piserdama
окропить * (п//пл)
мольбá — palve
дряхлый (старый) — vana
горесть (чувство печáли) — mure,
kurbus

Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой

встрёчи.

Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам
скучно,

А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас?

В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья,
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как
знать?),

По сердцу я нашлá бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем сужденó совете...
То воля неба: я твоя;

Вся жизнь моя была залóгом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж

мил,

Твой чудный взгляд меня
томил,

В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогáла

Или молитвой услаждáла
Тоску волнүемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темнотé

мелькнул,

Приникнул тихо к изголобью?
Не ты ль, с отрадой и

любовью,

Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли

хранитель,

Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!

И сужденó совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжёлый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

нелюдимый — любящий одиночество,
угрюмый

глушь — место, отдалённое от цент-
ров культурной и общественной
жизни

смирять — vaigistama, rahustama
смирить *

супруга (женá) — abikaasa, abielu-
paine

залог — pant

хранитель — kaitsja, hoidja
сновиденье (сон) — unenägu

незримый — nähtamatu
(обо)млеть — nõrkema, kohmetuma
услаждать — kosutama

усладить *
прозрачный — läbipaistev
приникать к чему? — end, vastu su-
guma

приникнуть *
изголобье — peats
коварный — salakaval
искуситель — ahvatleja
порука — tagatis

Татьяна то вздохнёт, то охнет;
Письмо дрожит в её руке;
Облётка розовая сохнет
На воспалённом языке.
К плечу головушкой

склонилась.

Сорочка лёгкая спустилась
С её прелестного плеча.
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснёт. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина,
Вот утро; встали все давно:
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII

Она зарí не замечает,
Сидит с поникшею главо́й
И на письмо не напíрает
Своей печáти вырезно́й.
Но, дверь тихонько отпíрая,
Уж ей Фили́пьевна седа́я
Приносит на подно́се чай.
«Порá, дитя моё, вставáй:
Да ты, красáвица, гото́ва!
О пташка ранняя моя!
Вечо́р уж как боя́лась я!
Да, слава богу, ты здоро́ва!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твоё как маков цвет». —

«Ах! няня, сделай
одолже́нье». —
«Изво́ль, родна́я, прикажи́». —
«Не думай... право...
подозре́нье...
Но видишь... Ах! не откажи́». —
«Мой друг, вот бог тебе
пору́ка». —
«Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О..., к
тому́...
К соседу... да велеть ему —
Чтоб он не говори́л ни слова,
Чтоб он не назывáл меня...» —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолко́ва.
Круго́м соседей много есть;
Куда мне их и перече́сть». —

XXXV

«Как недога́длива ты, ня́ня!» —
«Сердечный друг, уж я стара́,
Стара́; тупеет ра́зум, Та́ня;
А то, бывáло, я во́стра,
Бывáло, сло́во ба́рской
во́ли...» —
«Ах, ня́ня, ня́ня! до того́ ли?
Что ну́жды мне в твоём уме́?
Ты видишь, де́ло о письме́
К Онегину». — «Ну де́ло, де́ло.
Не гневáйся, душа́ моя́,

облётка — специальный кружочек для
запечатывания писем
воспалённый — palavikuline
сорочка — рубашка
рожок — vilepill
селянин — крестьянин
поника́ть — langetama pea
поникнуть *
напíра́ть — peale suruma
наперёть *
печáть — pitsat
пташка — птичка

вечо́р — вчера вечером
маков цвет (мак) — magun
сделай одолже́нье — osuta teene
подозре́нье — kahtlus
пору́ка — tagatis
бестолко́вый — juhm
недога́дливый — mõistmatu, arusaa-
matu
(по)тупе́ть — nõriks muutuma
во́стра (жива́я, бойкая) — terape
что ну́жды мне — к чему мне
гневáться (серди́ться) — pahandama

Хранит надежды тёмный сон;
Она дрожит и жаром пьшет,
И ждёт: нейдет ли? Но не
слышит,

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затя сельской остроты!)

XL

Они поют, и с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,

И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит.

XLI

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит, подобно грозной тени,
И, как огнём обожжена,
Остановилась она.
Но следствия нежданной
встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

Глава четвертая

La morale est dans la nature des choses.¹

Necker.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онёгин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нём думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный
сон

Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл
старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Довёрчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

пьшет — hõögub, õhkub
по наказу (по приказанию) — käsü
reale
уста (губы, рот) — huuled
лукавый (хитрый) — kelm, kaval
затя — mõte, riugas
острота — teravmeelsus
с небреженьем (без внимания) —
внимать (слушать) — kuulama

трепет (дрожание) — värin
ланиты (щёки) — põsed
перси (грудь) — rinn
следствие (последствие) — tagajärg
посланье — письмо
рой — sülem
погружаться во что? — sukelduma
погрузиться*
пыл (жар) — kuumus

¹ Нравственность в природе вещей. Некер.

XII

Мину́ты две о́ни молча́ли,
 Но к ней Оне́гин подошёл
 И мо́вил: «Вы ко мне писа́ли,
 Не отпира́йтесь. Я прочёл
 Души́ доверчи́вой призна́нья,
 Любви́ неви́нной излия́нья;
 Мне ва́ша и́скренность ми́ла,
 Она́ в волне́нье привела́
 Давно́ умолкнувшие чу́ства;
 Но вас хвалить я не хочú;
 Я за неё вам отплачу́
 Призна́нием та́кже без
 искусства;
 Примите́ и́споведь мою́:
 Себя́ на суд вам отдаю́.

XIII

Когда́ бы жизнь дома́шним
 кру́гом
 Я ограни́чить захотёл;
 Когда́ б мне быть отцо́м,
 супру́гом
 Приятный жребий повелёл;
 Когда́ б семе́йственной
 карти́ной
 Пленился́ я хоть миг еди́ный, —
 То ве́рно б кро́ме вас одной
 Неве́сты не иска́л иной.
 Скажу́ без блёсток
 мадрига́льных:
 Наше́д мой пре́жний иде́ал,
 Я ве́рно б вас одну́ избра́л

В подро́ги дней мо́их печа́льных,
 Всего́ прекра́сного в зало́г,
 И был бы сча́слив... ско́лько
 мог!

XIV

Но я не со́здан для блаже́нства;
 Ему́ чужда́ душа́ моя́;
 Напра́сны ва́ши соверше́нства:
 Их во́все недостойн я.
 Повере́те (со́весть в том
 пору́кой),
 Супру́жество нам бу́дет му́кой.
 Я, ско́лько ни любил бы вас,
 Привы́кнув, разлюблю́ тотча́с;
 Начнёте́ пла́кать: ва́ши слёзы
 Не тронут се́рдца моего́,
 А бу́дут лишь беси́ть его́.
 Судите́ ж вы, ка́кие ро́зы
 Нам загото́вит Гимене́й
 И, мо́жет быть, на мно́го дней!

XV

«Что может быть на свете хуже
 Семьи, где бедная жена́
 Грустит о недостойном муже
 И днём и вечером одна;
 Где скучный муж, ей цену зная
 (Судьбу одна́ко ж проклиная́),
 Всегда нахму́рен, молчалив,
 Сердит и холодно-ревни́в!
 Таков я. И того́ ль иска́ли

молвить (сказа́ть) — lausuma
 отпира́ться от чего? — tagasi ajama
 отпереться *
 излия́ние — (südame) puistamine
 искренность — siirus
 исповедь — pihtimus
 ограни́чивать чем? — piirama
 ограни́чить *
 супру́г — abikaasa
 жребий — loos
 плениться — end võluda laskma
 неве́ста — pruut
 мадрига́льный (хвалебный) — kiidu-

зало́г — pant
 блаже́нство — nauding
 соверше́нство — täiuslikkus
 недостойный — pole väärt
 пору́ка — tagatis
 супру́жество (бра́к) — abielu
 (вз)беси́ть — vihastama
 Гимене́й — бог брака по верованию
 древних
 проклина́ть — needma
 прокля́ть *
 (на)хму́риться — kulmu kortsutama
 ревни́вый — armukade

Вы чистой, пламенной душой,
 Когда с такою простотой,
 С таким умом ко мне писали?
 Ужели жребий вам такой
 Назначен строгою судьбой?

XVI

«Мечтам и годам нет возврата;
 Не обновлю души моей...
 Я вас люблю любовью брата
 И, может быть, ещё нежней.
 Послушайте ж меня без гнева:
 Сменит не раз младая дева
 Мечтами лёгкие мечты;

Так дерево свои листья
 Меняет с каждою весной.
 Так видно небом суждено.
 Полюбите вы снова: но...
 Учитесь властвовать собою;
 Не всякий вас, как я, поймёт;
 К беде неопытность ведёт».

XVII

Так проповедовал Евгений.
 Сквозь слёз не видя ничего,
 Едва дыша, без возражений,
 Татьяна слушала его...

жребий — loos
 возврат (возвращение) — tagasi-
 pöördumine
 обновлять — uuendama
 обновить *
 сменять — vahetama
 сменить *

младая дева — молодая девушка
 листья — листья
 (по)властвовать кем? — valitsema
 неопытность — kogenematus
 проповедовать — jutlustama
 возражение — vasturääkimine, vastu-
 väide

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский.

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись
рано,

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:

Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

IV

Татьяна (русская душою,
Самá не зная, почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день
морозный,
И сани, и зарёю поздней
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужёв военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Тайнственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,

узор (рисунок) — muster
сорoka — harakas
устилать чем? — katma
устлать*
дровни — regi
бразда (борозда) — vagu
облучок — rukk
салазки — санки
(по)грозить — ähvardama

иней — härmatis
мгла (темнота) — pimedus
крещенский вечер — kolmekuninga-
päeva eelõhtu (5. jaanuaril)
торжествовать — здесь: праздновать
(по)сулить — lubama
мужёв — мужей
преданье (легенда) — muistend
примета — tunnus

Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу тёмному летела
И рассыпалась, — тогда
В смятеньи Таня торопилась
Пока звезда ещё катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить чёрного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей, —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть
находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противоречию склонна.
Настали святки. То-то радости!
Гадает ветренная младость,

Котóрой ничегó не жаль,
Перед котóрой жизни даль
Лежит светлá, необозрима;
Гадáет стáрость сквозь очки
У гробовóй своéй доскí,
Всё потеряв невозвратимо;
И всё равно: надежда им
Лжёт дётским лепетом своим.

X

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг
Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и
быть...
С Татьяной нам не ворожить...
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьётся Лель,
А под подушкой пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она

предчувствие — eelaimdus
теснить (грудь) — ängistama
жеманный (кокотливый) — peenut-
sev
рыльце — koonuke
лик — лицó
падучий (падающий) — langev
смятенье — hämmeldus
монах — munk
горестный — грустный
ужас — õudus
противоречие — vasturääkivus
святки — jõuluaeg kuni kolmekünnin-
garäevani

ветренный — kergemeelne
необозримый — нельзя окинуть
взглядом
у гробовой доски — незадолго до
смерти
(со)лгать — valetama
лепет — vadistamine, lällutus
(по)ворожить (гадать) — põiduma,
ennustama
накрыть стол на два прибора — katta
laud kahele inimesele
Лель — бог любви в славянской ми-
фологии

Идёт по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, тёмный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жёрдочки, клеёны

льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток:
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилась она.

XII

Как на досадную разлuku,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подаль бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взерошенный

медведь;
Татьяна ах! а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул: она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливими шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за
ней.

XIII

Она, взглянуть назад не смей,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь

несносный;
Пред ними лес; недвижны
сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клокками снега; сквозь

вершины
Осин, берёз и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колёно ей;
То длинный сук её за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки
милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; бойтся,

кипучий — kobrutav
седой — siin: vahust hall
поток (ручей) — oja
(с)ковать — aheldama
жёрдочка — latike
(с)клеить — kleepima (kokku)
гибельный — hukutav
пучина — kuristik, neelukoht
недоумение — põutus
(за)роптать на кого? на что? — pu-
gisema
взёрошенный (лохматый) — puls-
tupud karvaga
(за)реветь — mõrgama
(с)крепиться — südant rindu võtma
опираться на что? — toetuma
опереться *

поспешный (быстрый) — kiire
косматый (лохматый, взёрошенный)
— pika sassis karvaga
несносный — talumatu
клок снега (луме) tort
осина — haab
нагой (голый) — paljas, lehtedeta
стремнина — круча, обрыв, пропасть
метель (вьюга) — tuisk
рыхлый — kobe
сук, сучья — oks, oksad
серьги — kõrvarõngad
хрупкий — õrn, kergesti murduv
(у)вязнуть * — kinni jääma
башмачок (туфель) — kingake

XVIII

Он знак подаёт: и все
хлопочут;
Он пьёт: все пьют и все кричат;
Он засмеётся: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встаёт;
Все встали: он к дверям идёт.

XIX

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул
Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рогá и пальцы костяные,

Всё указует на неё,
И все кричат: моё! моё!

XX

Моё! сказал Евгéний грóзно,
И шáйка вся сокрýлась вдруг;
Остáлася во тьме морóзной
Младáя дéва с ним сам-друг,
Онегин тóхо увлекаёт
Татьяну в úгол и слагáет
Её на шáткую скамью
И клóнит гóлову свою
К ней на плечó; вдруг Ольга
вхóдит,
За нею Лёнский; свет блесну́л;
Онегин рúку замахну́л
И дýко он очáми брóдит,
И нёзванных гостей бранíт;
Татьяна чуть живá лежít.

XXI

Спор грóмче, грóмче; вдруг
Евгéний
Хватáет длинный нож, и вмиг
Повёржен Лёнский; стра́шно
тéни
Сгустíлись; нестерпíмый крик
Раздался... хýжина шатну́-
лась...
И Тánя в úжасе просну́лась...

подавать знак кому? — mäрку andma
подать *
(за)хлопотать (т/ч) — askeldama
(за)гасить (с//ш) — kustutama
светильник — lamp, gasvalamp, val-
guseallikas
шайка — jõuk
домовой — живущий в доме дух
(за)гремёт — müristama, kolistama
силиться (стараться) — püüdma
привидение — viirastus, kummitus
ярый (полный гнева) — äge
копыто, копыта — kabi, kabjad
хобот — lont
клык — kihv

указует (указывает) — näitab, osu-
tab
сам-друг — здесь: Онегин
слагать (класть) — rapnema
шаткий — kõikuv
скамья (скамейка) — lai pink
дико — metsikult
(за)бранить (ругать) — sõimama,
riidlema
повёржен — убит
сгущаться — tihenema
сгуститься * (ст//ш)
нестерпимый — väljakannatamatu
шататься — kõikumata
шатнуться *

Гляди́т, уж в ко́мнате светло́;
 В окне́ сквозь мёрзлое стекло́
 За́ри багря́ный луч игра́ет;
 Дверь отвори́лась. Ольга к ней,
 Авро́ры се́верной але́й
 И лёгче ла́сточки, влета́ет;
 «Ну, — говори́т, — скажи́ ж
 ты мне,
 Кого́ ты ви́дела во сне?»

XXV

Но вот багря́ною руко́ю
 Заря́ от утренних доли́н
 Выво́дит с солнцем за собою́
 Весёлый праздни́к имени́н.
 С утра́ дом Лариных гостя́ми
 Весь полон; целыми семья́ми
 Сосе́ди съехались в вокза́х,
 В киби́тках, в бричках и в
 саня́х.
 В пе́редней толкотня́, трево́га;
 В гости́ной встреча́ новых лиц,
 Лай мосек, чмокание́ деви́ц,
 Шум, хохот, давка́ у поро́га,
 Покло́ны, шарканье́ госте́й,
 Корми́лиц крик и плач дете́й.

XXVI

С своёй супру́гою доро́дной
 Прие́хал толстый Пу́стяковъ;

Гвозди́н, хозя́ин превосхо́дный,
 Владéлец нищих мужико́в;
 Скоти́нины, четá седя́я,
 С детьми́ всех возрастовъ,
 счита́я
 От тридцати́ до двух годо́в;
 Уэ́здный франтик Петушкóв,
 Мой брат двою́родный, Буя́нов
 В пуху́, в карту́зе с козырько́м
 (Как вам, конечно́, он знако́м),
 И отставно́й советник Фля́нов,
 Тяжё́лый сплетник, старый́
 плут,
 Обжо́ра, взяточник и шу́т.

XXVII

С семье́й Панфи́ла Харли́кова
 Прие́хал и мосе́ Трике́,
 Остря́к, неда́вно из Тамбо́ва,
 В очках и в рыже́м парике́.
 Как истинный францу́з, в
 карма́не
 Трике́ привёз купле́т Татья́не
 На голос, знаемый́ детьми́:
 Réveillez-vous, belle endormie.
 Меж ветхих песен а́льмана́ха
 Был напеча́тан сей купле́т;
 Трике́, дога́дливый поэт,
 Его́ на свет явил из пра́ха,
 И смело́ вместо belle Niná
 Поставил belle Tatiana.

багря́ный — густо-красный, цвета
 крови
 Авро́ра — богиня́ утренней за́ри
 имени́ны — nimeräev
 бри́чка (лёгкая повозка) — kaless
 чмокание́ — matsutamine
 давка́ — trügimine
 шарканье́ — jalgade kraapimine
 корми́лица — amm, lapsehoidja
 доро́дный (полный, толстый) — tüse,
 raks
 четá — abielupaar
 франтик (франт) — keigar
 двою́родный брат — tädi- või onu-
 poeg

карту́з с козырько́м — pokkmüts
 сплетник — tühjajuturääkija
 плут — kelm, petis
 обжо́ра — õgard
 взяточник — altkäemaksuvõtja
 шу́т — napp
 остря́к — teravmeelne inimene
 на голос (на мотив) — viisil
 réveillez-vous, belle endormie (ревейе-
 ву, бел андорми́) — нача́ло фран-
 цузского рома́нса «Просни́сь, спя-
 щая краса́вица ...»
 явил на свет (вытащил) — tõi päe-
 vavalgele
 прах (пыль) — põrm, tolm

Надѣлся он и, негодѣя,
Поклялся Лѣнского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествѣя,
Он стал чертить в душѣ своей
Карикатуры всех гостей.

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встаёт; пред ним

собрание

Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в

руке,

Запел, фальшивя. Плески,

клики

Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;

Поэт же скромный, хоть

великий,

Её здоровье первый пьёт

И ей куплет передаёт.

XXXIV

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.

Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Её смущение, усталость
В его душѣ родили жалость:
Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль иль из доброй

воли,

Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

XXXV

Гремят отодвинутые стулья;

Толпа в гостиную валит;

Так пчёл из лакомого улья

На ниву шумный рой летит.

Довольный праздничным

обедом,

Сосед сопит перед соседом;

Подсели дамы к камельку;

Девыцы шепчут в уголку;

Столы зелёные раскрыты:

Зовут задорных игроков

Бостон и ломбер стариков,

И вист, донине знаменитый,

Однообразная семья,

Все жадной скуки сыновья.

(на)дѣться на кого? за что? — pos-
sitama

(вз)бесить — сильно рассердить
порядком — очень, как следует
чертить карикатуры — рисовать ка-
рикуры

пробка — kork

влажный — niiske

(за)шипеть — sisisema

осанка — kehahoid

фальшивить (брать неправильные зву-
ки, ноты) — valesti laulma

плески (рукоплесканье) — aplodeeri-
mine

был тронут — oli liigutatud

изъявил — выразил, показal

оживлять — elustama

оживить *

отодвигать — kõrvale, eemale lükka-
ma

отодвинуть *

лакомый — maias

улей — (mesilas)taru

рой — sülem

(за)сопеть — nohisema

камелёк — камин

задорный — iiakas

бостон

ломбер

вист

} карточная игра

La, sotto i giorni nubilosi ne brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

*Petrarca.*¹

I

Заметив, что Владíмир
скрýлся,

Онéгин, скýкой вновь гонím,
Близ Ольги в дýму погрузился,
Довольный мщением своим.

За ним и Оленька зевáла,
Глазáми Лénского искáла,
И бесконéчный котильóн
Её томил, как тяжкий сон.
Но кóнчен он. Идýт за ўжин.
Постéли стéлют; для гостéй
Ночлэг отвóдят от сенéй
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успокоилось: в гостíной
Храпít тяжёлый Пустякóв
С своей тяжёлой половíной.
Гвоздín, Буянов, Петушкóв
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столó-

вой.

А на полú мосьё Трикé,
В фуфáйке, в старом колпакé.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объáты сном.

погружáться в думы — mötesse va-
jupa

погрузиться*
зевáть — haigutama
зевнуть*

томить — siin: vaevama
(за)храпéть — norskama

Одна, печальна под окном,
Озаренá лучóм Диáны,
Татьяна бедная не спит
И в поле тёмное глядит.

III

Его неждáнным появлéнем,
Мгновéнной нежностью очéй
И странным с Ольгой пове-
дэньем

До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Её ревнивая тоскá,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмёт, как будто
бездна

Под ней чернеет и шумит...
«Погибну, — Таня говорит, —
Но гибель от него любезна,
Я не ропщú; зачем роптáть?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперёд, вперёд, моя истóрья!
Лицо нас новое зовёт,
В пяти верстах от Красногóрья,

фуфáйка — тёплая вязаная рубáш-
ка

все объáты сном — kõik on unehõlmas
луч Диáны — луч луны
до глубины души — südame põhjani
(с)жать — pigistama
бездна — kuristik
(за)роптáть (т/щ) — nurisema

¹ Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать. *Петрарка.*

Деревни Ленского, живёт
 И здравствует ещё донине
 И философической пустыне
 Зарёцкий, некогда буян,
 Картёжной шайки атамán,
 Глава повёс, трибун трактир-
 ный,
 Теперь же добрый и простой,
 Отец семейства холостой,
 Надёжный друг, помёщик
 мирный
 И даже честный человек:
 Так исправляется наш век!

VIII

Он был не глуп; и мой
 Евгений,
 Не уважая сердца в нём,
 Любил и дух его суждений,
 И здравый толк о том, о сём.
 Он с удовольствием, бывало,
 Видался с ним, и так нимало
 Поутру не был удивлён,
 Когда его увидел он.
 Тот после первого привёта,
 Прервав начатый разговор,
 Онегину, ослабя взор,
 Вручил записку от поэта.
 К окну Онегин подошёл
 И про себя её прочёл.

IX

То был приятный, благородный,
 Короткий вызов иль *картель*:

Учтиво, с ясностью холодной
 Звал друга Ленский на дуэль.
 Онегин с первого движенья,
 К послу такого порученья
 Оборотясь, без лишних слов
 Сказал, что он *всегда готов*.
 Зарёцкий встал без
 объяснений;
 Остаться доле не хотел,
 Имёя дома много дел.
 И тотчас вышел, но Евгений
 Наединё с своей душой
 Был недоволен сам собой.

XII

Кипя враждой нетерпеливой,
 Отвёта дома ждёт поэт;
 И вот сосед велеречивый
 Привёз торжественно отвёт.
 Теперь ревнивцу то-то
 праздник!
 Он всё боялся, чтоб проказник
 Не отшутился как-нибудь,
 Уловку выдумав и грудь
 Отворотив от пистолёта.
 Теперь сомненья решены:
 Они на мельницу должны
 Приехать завтра до рассвета,
 Ввести друг на друга куро́к
 И метить в ляжку иль в висок.

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
 Кипящий Лёнский не хотёл

пустыня — kõrb
 буян (забияка) — tülinorija, riukukk
 шайка — jõuk
 атамán — realik
 повёса (бездельник, шалун) — võg-
 kael, logard
 суждение (мнение) — arvamus
 ослабить взор — улыбаться глаза-
 ми
 вручать (передавать) — kätte andma,
 edasi andma
 вручить *

вызов (картель) — väljakutse
 посёл — saadik
 доле (долее) — дольше
 вражда — vaen
 велеречивый — человек, который
 много и красиво говорит
 ревнивец — armukadetseja
 уловка — riugas, vigur
 куро́к — (püssi-)kukk
 ляжка — geis
 висок — meelekoht

Пред поединком Ольгу видеть.
 На солнце, на часы смотрел,
 Махнул рукою напоследок —
 И очутился у соседок.
 Он думал Оленьку смутить,
 Своим приездом поразить;
 Не тут-то было: как и прежде,
 На встречу бедного певца
 Прыгнула Оленька с крыльца,
 Подобно ветреной надежде,
 Резва, беспечна, весела,
 Ну точно та же, как была.

XIV

«Зачем вечер так рано скры-
 лись?» —
 Был первый Оленькин вопрос.
 Все чувства в Ленском пому-
 тились,
 И молча он повесил нос.
 Исчезла ревность и досада
 Пред этой ясностью взгляда,
 Пред этой нежной простотой,
 Пред этой резвою душой!..
 Он смотрит в сладком уми-
 ленье;
 Он видит: он ещё любим;
 Уж он, раскаяньем томим,
 Готов просить у ней прощенье,
 Трепещет, не находит слов,
 Он счастлив, он почти здоров...

XIX

Весь вечер Ленский был
 рассеян
 То молчалив, то весел вновь;
 Но тот, кто музою взлелеян,
 Всегда таков: нахмуря бровь,
 Садился он за клави́корды
 И брал на них одни аккорды,
 То к Ольге взоры устремив,
 Шептал: «Не правда ль? я
 счастлив?»
 Но поздно; время ехать.

Сжалось
 В нём сердце, полное тоской;
 Прощаясь с девою молодой,
 Оно как будто разрывалось.
 Она глядит ему в лицо.
 «Что с вами?» — «Так». — И
 на крыльцо.

XX

Домой приехав, пистолеты
 Он осмотрел, потом вложил
 Опять их в ящик, и раздетый,
 При свечке, Шиллера открыл;
 Но мысль одна его объемлет;
 В нём сердце грустное не
 дремлет;
 С неизъяснимою красой
 Он видит Ольгу пред собой.
 Владимир книгу закрывает,

поединок (дуэль) — kahevõitlus
 напоследок (наконец) — lõpuks
 смущать кого? чем? — segadusse vii-
 ma
 смутить * (т/ш)
 поражать кого? чем? — gabama
 поразить * (з/ж)
 не тут-то было! — võta näpust!
 резвый (живой, шаловливый) — elav,
 vallatu
 беспечный (беззаботный) — muretu
 вечер — вчера вечером
 повесить нос — pootama

умиленье — heldimus
 раскаяние — kahetsus
 (за)трепетать (дрожать) — värisema
 (вз)лелеять (бережно воспитывать)
 — hellalt kasvatama
 клави́корды (фортепьяно) — klaver
 разрываться — lõhkema
 разорваться *
 объемлет — haarab
 неизъяснимый (необъяснимый, непо-
 нятный) — seletamatu
 краса — красота

Берёт перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются.

XXIII

Так он писал *темно* и *вяло*
(Что романтизмом мы зовём,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал;
Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед
В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззвანьем:
«Пора вставать: седьмой уж
час.
Онегин верно ждёт уж нас».

XXIV

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мёртвым
сном.
Уже редёют ночи тени
И встречен Вesper петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко
И перелётная метель
Блестит и вьётся; но постель
Ещё Евгений не покинул,
Ещё над ним летает сон.

Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегает
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подаёт ему бельё.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготавливаться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
Лепажу стволы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, механик деревенский,
Зарецкий жёрнов осуждал.
Идёт Онегин с извиненьем.
«Но где же, — молвил с
изумленьем
Зарецкий, — где ваш секун-
дант?»
В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть

темно — непонятно
вяло — loiult
обаяние — völu
воззвание — üleskutse, kutse
Вesper — утренняя и вечерняя звезда
(за)виться — keerlema
полá — hõlm
завеса (занавес) — eesriie
ящик боевой — ящик с пистолетами
мельница — veski

Лепаж — знаменитый ружейный ма-
стер
роковой — saatuslik
жёрнов — veskikivi
осуждать кого? за что? — hukka
mõistma
осудить *
метода — метод, здесь: соблюдение
всех принятых правил и форм
растянуть — убить

Он позволял — не как-нибудь,
Но в строгих правилах
искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нём
должны).

XXVII

«Мой секундант? — сказал
Евгений: —
Вот он: мой друг, monsieur
Guillot.

Я не предвижу возражений
На представление моё:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый чест-
ный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнём,
пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

XXX

«Теперь сходитесь».
Хладнокрѳвно,
Ещё не целя, два врага
Похѳдкой тѳвѳрдой, тихо, рѳвно
Четыре перешли шагá,

Четыре смертные ступѳни.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставáя наступáть,
Стал первый тихо подымáть.
Вот пять шагов ещё ступили,
И Ленский, жмурия левый глаз,
Стал также целить — но как

раз
Онегин выстрелил... Пробѳили
Часы урѳчные: поэт
Роняет, молча, пистолѳт.

XXXI

На грудь кладѳт тихѳнько
руку
И падает. Тумáнный взор
Изображáет смерть, не мѳку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистáя,
Спадáет глыба снеговáя.
Мгновѳнным холодом облѳит,
Онегин к юноше спѳшит,
Глядит, зовѳет его... напрáсно:
Его уж нет. Младѳй певец
Нашѳл безврѳменный конец!
Дохнѳла бѳря, цвет
прекрасный
Увял на утренней заре,
Потѳх огонь на алтарѳ!..

XXXII

Недвѳжим он лежал, и стрáнен
Был тѳмный мир его челá.

предáнье (обычай) — tava
возражение — vasturáákimine
представление — esitlemine
честный малый — честный человек
договор — kokkulepe
потупить взор (опустить глаза) —
pilku langetama
(при)целиться (цельте) — sihtima
ступень — aste
(при)жмурить глаз — kissitama, pilu-
tama silma

урѳчный (определѳнный) — ettenáh-
tud
тумáнный — looritatud, áhmane
мѳка — piin
скат горы — máenųlvak
глыба — kamakas, pank
безврѳменный — enneaegne
дышáть — hingama, puhuma
дохнѳть *
(по)тѳхнуть — kustuma
мир (покоѳ) — rahu
челѳ (лоб) — laup

Под грудь он был навѣлет
 рѣнен;
 Дымѣсь, из рѣны кровь теклѣ.
 Тому назад одно мгновѣнье
 В сем сѣрдце бѣлось вдохно-
 вѣнье,
 Враждѣ, надѣжда и любѣвь,
 Игрѣла жизнь, кипѣла кровь;
 Тепѣрь, как в дѣме опустѣ-
 лом,

Всѣ в нем и тихо и темнѣ;
 Замѣкло навсегдѣ онѣ.
 Закрѣты стѣвни, ѡкна мѣлом
 Забелены. Хозяйки нет.
 А где, бог вѣсть. Пропѣл и
 след.

XXXV

В тоскѣ сѣрдѣчных угрызѣний,
 Рукѣю стѣснув пистолѣт,
 Глядѣт на Лѣнского Евгѣний.
 «Ну, что ж? убѣт», — решил
 сосѣд.
 Убѣт!.. Сим стрѣшным восклицѣ-
 цѣнем
 Сражѣн, Онѣгин с содрогѣньем
 Отхѣдит и людѣй зовѣт.
 Зарѣцкѣй бѣрежно кладѣт
 На сѣни труп оледенѣлый;
 Домѣй везѣт он стрѣшный клад.
 Почѣу мѣртвого, храпѣт
 И бѣются кѣни, пѣной бѣлой
 Стальныѣ мѣчат удила,
 И полетѣли, как стрѣла.

Глава седьмая.

Москвѣ, Россѣи дочь любѣма,
 Где равную тебѣ сыскѣть?

Дмитриев.

Как не любѣть родной Москвѣй?

Баратынский.

Гонѣнье на Москвѣ! что знѣчит
 видѣть свет!

Где ж лучшѣ?

— Где нас нет.
Грибоедов.

I

Гонѣмы вѣшными лучѣми,
 С окрѣстных гор ужѣ снегѣ
 Сбѣжали мѣтными ручѣями
 На потоплѣнные лугѣ.
 Улыбкой яснѣ природа

Сквозь сон встречѣет ѣтро годѣ;
 Синѣя блѣщут небесѣ.
 Ещѣ прозрѣчные, лесѣ
 Как будто пѣхом зеленѣют.
 Пчелѣ за дѣнью полевѣй
 Летѣт из кѣльи восковѣй.
 Долины сѣхнут и пестрѣют;

навѣлет ранен — läbi lastud
 вдохновѣнье — innustus, inspiratsioon
 ставни — aknaluugid
 бог вѣсть (бог знѣет) — jumal teab
 пропѣл и след — kadus jäljetult
 угрызѣние — südametunnistuse piinad
 стѣснуть (сжать) — pigistama, suru-
 ma

содрогѣнье — võpatus, värin
 труп — laip
 клад — aare, (peidetud) varandus
 удила — suuraud
 вешний — весѣнный
 мутный — sogane
 потоплѣнный — üleujutatud
 келья (здѣсь: улей) — kong (taru)

Был должен ехать с нею в
полк.
Слезáми горько облива́ясь,
Старушка, с дочерью проща́ясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью
покрылось

Её печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...
И вот одна, одна Татьяна!

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хоро́вóды;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыба́чий. В поле чистом,
Луны при свете серебри́стом,
В свои мечты погружена́,
Татьяна долго шла одна́.
Шла, шла. И вдруг перед
собо́ю

С холма господа́ский видит дом,
Селенье, рощу под холмо́м
И сад над светлою реко́ю.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильне́й.

XVI

Её сомне́ния смуща́ют:
«Пойду ль вперёд, пойду ль
назад? ..

Его здесь нет. Меня не
знают...

Взгляну́ на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обво́дит
Недоуме́нья полный взор...

И входит на пусты́нный двор,
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный её
Ребят дворо́вая семья́
Сбежа́лась шумно. Но без

драки
Мальчишки разогна́ли псов,
Взяв барышню под свой
покро́в.

XVII

«Уви́деть ба́рский дом нельзя́
ли?» —

Спроси́ла Та́ня. Поскоре́й
К Ани́сье де́ти побежа́ли
У ней ключи́ взять от сеней;
Ани́сья то́тчас к ней яви́лась,
И дверь пред ни́ми отвори́лась,
И Та́ня входит в дом пусто́й,
Где жил неда́вно наш геро́й.

Она́ гляди́т: забы́тый в за́ле
Кий на билья́рде отдыха́л,
На смя́том канапе́ лежа́л
Мане́жный хлы́стик. Та́ня да́ле;
Стару́шка ей: «А вот ками́н;
Здесь ба́рин си́живал оди́н.

горько облива́ться слезáми — kibe-
dasti nutma
меркнуть (темнеть, гаснуть) — kus-
tuma
(за)струи́ться — voolama
холм — kungas
сомне́нье — kahtlus
недоуме́нье — arusaamatus
драка — riid, kaklus

пёс, псы (соба́ка) — koer (peni),
koerad
покро́в (защита) — kaitse
барский дом — härrastemaja
сени (коридор, передняя) — esik, ko-
ridor
кий — piljardikepp
канапе́ — дива́н
мане́жный хлы́стик — ratsapiits

XVIII

Здесь с ним обе́дывал зимо́ю
 Поко́йный Лёнский, наш сосёд.
 Сюда́ пожа́луйте, за мно́ю.
 Вот это́ ба́рский кабинет;
 Здесь почи́вал он, ко́фей ку́шал,
 Прика́зчика докла́ды слу́шал
 И кни́жку поу́тру чита́л. . .
 И ста́рый ба́рин здесь жива́л;
 Со мной, быва́ло, в воскресе́нье,
 Здесь под окно́м, на́дев очки́,
 Игра́ть изво́лил в дурачки́.
 Дай бог душе́ его́ спасе́нье,
 А ко́сточкам его́ поко́й
 В моги́ле, в мать-земле́ сыро́й!»

XIX

Татьяна взором умиле́нным
 Вокруг себя́ на всё гляди́т,
 И всё ей кажется бесце́нным,
 Всё душу́ томную живи́т
 Полумучи́тельной отра́дой:
 И стол с поме́ркшею лампа́дой,
 И груда книг, и под окно́м
 Кровать, по́крытая ковро́м,
 И вид в окно́ сквозь сумрак
 лу́нный,
 И этот бледный полусве́т,
 И лорда Байрона́ портрет,
 И столбик с кукло́ю, чугу́нной
 Под шляпо́й, с пасмурным
 чело́м,
 С рука́ми, сжатыми крестом.

XX

Татьяна долго в келье́ модной
 Как очарова́на стои́т.

Но поздно. Ветер встал
 холо́дный.

Темно́ в долине. Роща спит
 Над отума́ненной рекою;
 Луна сокры́лась за горо́ю,
 И пилигримке молодой
 Пора́, давно́ пора́ домой.
 И Таня, скрыв своё́ волне́нье,
 Не без того́, чтоб не вздохну́ть,
 Пуска́ется в обратный-пу́ть.
 Но прежде проси́т позволе́нья
 Пусты́нный за́мок наве́щать,
 Чтоб кни́жки здесь одной
 чита́ть.

XXI

Татьяна с ключнице́й
 прости́лась
 За ворота́ми. Через день
 Уж утром рано́ вновь яви́лась
 Она в оста́вленную сень.
 И в молчали́вом кабинете́,
 Забыв на время всё на свете,
 Осталась на́конец одна́,
 И долго плакала́ она.
 Потом за кни́ги приня́лась.
 Сперва́ ей было́ не до них,
 Но показале́сь выбор их
 Ей страна́н. Чтению́ преда́лась
 Татьяна жа́дною душо́ю;
 И ей откры́лся мир ино́й.

XXIII

Храни́ли многие́ страни́цы
 Отме́тку резкую́ ногте́й;
 Глаза́ внима́тельной деви́цы
 Устремле́ны на них живе́й.
 Татьяна́ види́т с трепета́ньем,

поко́йный (умерший) — kadunud
 почи́вать (отдыха́ть) — puhkama
 прика́зчик — kubjas
 умиле́нный — heldinud
 поме́ркшая лампа́да (пога́сшая лампа́да) — kustunud lamp
 сумрак (тьма, темнота́) — pimedus
 чугу́нный — malmist
 пасмурный (угрю́мый) — morn

келья́ (комната) — kong
 пилигримка (страница́, путеше́ственница) — rändaja
 наве́щать — külastama
 наве́стить*
 ключница́ — võtmekandja
 сень — varjupaik
 отме́тка — märk
 ноготь, ногти — küüs, küüned

Какою мыслью, замечаньем
 Бывал Онегин поражён,
 В чём молча соглашался он.
 На их полях она встречает
 Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает,
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.

XXV

Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бегут; она забыла,
 Что дома ждут её давно,
 Где собрался два соседа
 И где об ней идёт беседа.
 «Как быть? Татьяна не дитя, —
 Старушка молвила кряхтя. —
 Ведь Оленька её моложе.
 Пристроить девушку, ей-ей,
 Пора; а что мне делать с ней?
 Всем наотрѣз одно и то же:
 Нейду. И всё грустит она,
 Да бродит по лесам одна». —

XXVI

«Не влюблена ль она?» —
 «В кого же?»
 Буянов сватался: отказ.

Ивану Петушкову — тоже.
 Гусар Пыхтин гостил у нас;
 Уж как он Танею прельщался,
 Как мелким бесом рассыпался!
 Я думала: пойдёт авось;
 Куда! и снова дело врозь». —
 «Что ж, матушка? за чём же
 стало?»
 В Москвѹ, на ярманку невест!
 Там, слышно, много прѣздных
 мест». —
 «Ох, мой отец! доходу мало». —
 «Довольно для одной зимы,
 Не то уж дам хоть я займы».

XXVII

Старушка очень полюбила
 Совет разумный и благой;
 Сочлась — и тут же положила
 В Москву отправиться зимою —
 И Таня слышит новость эту.
 На суд взыскательному свету
 Представить ясные черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый склад речей;
 Московских франтов и цирцей
 Привлечь насмѣшливые
 взгляды! ..
 О страх! нет, лучше и верней
 В глуши лесов остаться ей.

поля — (gaamatu-, vihu-) ääred
 вопросительный крючок — вопроси-
 тельный знак
 (за)кряхтеть — ähkima, puhkima
 пристроить девушку — здесь: выдать
 замуж
 ей-ей — честное слово
 наотрѣз — järsult, kategooriliselt
 (по)свататься — kosjas käima
 рассыпаться мелким бесом — libitse-
 ma
 ярмарка (ярманка) — laat
 доход — sissetulek
 давать (дать) займы — võlgu and-
 ma
 благой — heatahtlik

считать — arvutama; kokku, üle loen-
 dama
 счесть *
 положила — здесь: решила
 взыскательный (требовательный) —
 rajunõudlik
 запоздалые наряды — туалеты, кото-
 рые вышли из моды
 склад речей — привычка, манера го-
 ворить
 Цирцея — героиня поэмы Гомера
 «Одиссея», волшебница, которая
 околдовывала путешественников
 привлекать — juurde meelitama
 привлечь *

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умилёнными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса!
Прости, небёсная краса,
Прости, весёлая природа!
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных суёт!..
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?» —

XXIX

Её прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Останавлиют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Ещё беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва пышно убрана..
Вот север, тучи нагоняя,

Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,

суетá — askeldus
(по)сулить (обещать) — lubama
глушь — место, отдалённое от куль-
турного центра
(про)длиться (продолжаться) — kest-
ma
жертва — ohver
убрать (нарядить) — ehtima
нагонять тучи — pilvi kokku ajama
волшебница — võlur
рассыпаться — laiali pudenema
клок — (lume)tort
сук — jäme oks
волнистый — laineline
берег — берер
сравнивать — ühetasaseks tegema
сравнять * чем? с чем?

пухлый (пушистый) — kobe, kerge
пелена — kate
проказы (шалости) — vallatused
плечо, плечи (плеча) — õlg, õlad
просрачивать — tähtaega mööda lask-
ma
просрочить *
срок — tähtpäev
обивать чем? — üle tõmbama
обить *
забвеньё — unustus
возок — tõldsaan
кибитка — talvine kaetud sõidutõld
пожитки — koli, kimpusud-kompusud
сундук — kirst
тюфяк (матрац) — madrats, voodikott

Пери́ны, кле́тки с петуха́ми,
Горшки́, тазы е́т ceterá,
Ну, много всякого добра́.
И вот в избе между слуга́ми
Поднялся шум, проща́льный

плач:
Веду́т на двор осмы́надцать
кляч,

XXXII

В возо́к боя́рский их впряга́ют,
Готовят завтрак повара́,
Горой кибитки нагружа́ют,
Браня́тся бабы, кучера́.
На кляче тошей и косма́той
Сидит форейтор борода́тый.
Сбежа́лась челядь у воро́т
Проща́ться с барами. И вот
Уселись, и возо́к почте́нный,
Скользя, ползе́т за ворота́.
«Прости́те, мирные места́!
Прости, прию́т уединённый!
Увижу ль вас? ..» И слёз ручей
У Тани льётся из очей.

XXXV

К несча́стью, Ла́рина тащи́лась,
Боя́сь прого́нов доро́гих,
Не на почто́вых, на своих,
И на́ша де́ва наслади́лась

Доро́жной ску́кою вполне́:
Семь су́ток е́хали оне́.

XXXVI

Но вот уж бли́зко. Перед ни́ми
Уж белока́менной Москва́,
Как жар, крестами́ золоты́ми
Горя́т старинные главы́.
Ах, бра́тцы! как я был дово́лен,
Когда́ церквёй и колоко́лен,
Садо́в, черто́гов полукру́г
Откры́лся предо мною́ вдруг!
Как ча́сто в го́рестной разлу́ке,
В моёй блужда́ющей судьбе́,
Москва́, я ду́мал о тебе́!
Москва́. . . как мно́го в это́м
звуче
Для се́рдца ру́сского слило́сь!
Как мно́го в нём отозва́лось!

XXXVIII

Поше́л! Уже́ столпы́ заста́вы
Белею́т; вот уж по Тверско́й
Возо́к несётся́ чрез уха́бы.
Мелька́ют мимо́ бу́дки, ба́бы,
Мальчи́шки, ла́вки, фонари́,
Дворцы́, сады́, монасты́ри,
Буха́рцы, са́ни, огоро́ды,

пери́на — sulgkott
таз — silmapesukauss
et ceterá — и так далее
кляча — hobusekronu
боя́рский (здесь: барский, поме́щи-
чий) — härraste
браня́ться (руга́ться) — sõimlema
тоший (худой) — kõhn
косма́тый (лохма́тый, взе́рошенный)
— pulstunud karvaga
форейтор — слуга, который управ-
ля́л цугом лошаде́й и сиде́л на
одной из передних лошаде́й
челядь — здесь: крепостные слуги
баре (господа́) — härrased

прого́ны — плата за пользование поч-
то́выми лошады́ми
наслажда́ться чем? — nautima, mõnu
tundma
наслади́ться* (д//жд)
крест — rist
глава́ — kirikutorn
черто́г (дворец) — loss
слива́ться с чем? — ühte sulama
слиться*
отзыва́ться — arvamust avaldama
отозва́ться*
столпы́ — sammast, tulp
заста́ва — linnavärv
уха́бы — auk, lohk (talveteel)
буха́рцы — купцы́ из Буха́ры

Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

XXXIX. XL

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тётке,
Четвёртый год больно́й в ча-
хотке,

Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтáne,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простёртой на дивáne.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI

«Княжна́, mon ange!» —
«Pachette!» — «Алина!» —
«Кто б мог подуматъ?» — «Как
давно!» —
«Надолго ль?» — «Милая! Ку-
зина!» —
«Садись — как это мудрено!
Ей-богу сцена из романа...» —
«А это дочь моя, Татьяна». —
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне...»

Кузина, помнишь Грандисо-
на?» —
«Как, Грандисон?.. а, Гранди-
сон!

Да, помню, помню. Где же
он?» —

«В Москве, живёт у Симеона;
Меня в сочельник навести́л:
Недавно сына он женил.

XLII

А вот... но после всё расска-
жем,
Не правда ль? Всея её родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, разъезжать нет мочи
мне;

Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены с дороги;
Пойдёмте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая га-
дость...» —

И тут, совсем утомленá,
В слезах раскáшлялась она.

XLIII

Больно́й и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Не хорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей.
Под занавескою шелковой

лачужки — onnikesed
стая — parv
галка — hakk
чахотка — туберкулёз
простёртый — лежачий
княжна — vürstitar
mon ange (мон анж) — minu ingel
как это мудрено — как это сложно
брédить (д//ж) — сонита

Грандисон — добродетельный герой
романа «Грандисон» английского
писателя Ричардсона (1689—1761)
сочельник — jõululaupäev
родня (родственники) — sugulased
нет мочи (не могу, нет сил) — pole
jõudu
гадость — jälkus, inetus
новоселье — uus elukoht
горница — комната

Не спится ей в постели новой,
 И ранний звон колоколов,
 Предтеча утренних трудов,
 Её с постели подымает.
 Садится Тânia у окна.
 Редёт сумрак; но она
 Своих полёй не различает:
 Пред нею незнакомый двор,
 Конюшня, кухня и забор.

XLIV

И вот: по родственным обедам
 Развоят Танию каждый день —
 Представить бабушкам и де-

дам

Её рассеянную лень.
 Родне, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встреча,
 И восклицанья, и хлеб-соль.
 «Как Тânia выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?
 А я так на руки брала!
 А я так за уши драла!
 А я так пряником кормила!»
 И хором бабушки твердят:
 «Как наши годы-то летят!»

XLVI

Их дочки Танию обнимают.
 Младые грации Москвы
 Сначала молча озирают
 Татьяну с ног до головы;
 Её находят что-то странной,
 Провинциальной и жеманной,

И что-то бледной и худой,
 А впрочем, очень недурной;
 Потом, покорствуя природе,
 Дружатся с ней, к себе ведут,
 Делуют, нежно руки жмут,
 Взбивают кудри ей по моде,
 И поверяют нараспев
 Сердечны тайны, тайны дев.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
 В беседы, в общий разговор;
 Но всех в гостиной занимает
 Такой бессвязный, пошлый

вздор;

Всё в них так бледно, равно-

душно;

Они клеветают даже скучно;
 В бесплодной сухости речей,
 Расспросов, сплетен и вестей
 Не вспыхнет мысли в целы

сутьки,

Хоть невзначай, хоть наобум;
 Не улыбнется томный ум,
 Не дрогнет сердце, хоть для

шутки.

И даже глупости смешной

В тебе не встретишь, свет

пустой.

LI

Её привозят и в Собрание.
 Там теснота, волнение, жар,
 Музыка грохот, свет блистание,

предтеча (предвестник) — eelkäija
 (по)редеть — hõredamaks muutuma
 драть за уши — kõrvust kiskuma, ге-
 бима
 младой — молодой
 озирать (разглядывать) — vaatlema
 покорствовать (покоряться) — alistama
 нараспев — laulva häälega
 дева — девушка
 пошлый — labane

(о)клеветать (т/щ) — laimama
 сухость — kuivus
 вспыхивать — lõkkele lõõma
 вспыхнуть *
 невзначай (нечаянно) — kogemata
 томный — бледный
 пустой свет — tühine (kõrgem) selts-
 kond
 теснота — kitsus, ruumipuudus
 грохот — mürin
 блистание (блеск) — sära

Мелькánье, вихорь б́стрых
 пар,
 Красáвиц лёгкие уборы,
 Людми́ пестре́ющие хоры,
 Невéст обши́рный полукру́г —
 Всё чу́ства поража́ет вдруг.
 Здесь ка́жут фрáнты записны́е
 Своё наха́льство, свой жилéт
 И невнима́тельный лорне́т.
 Сюда́ гусáры отпускны́е
 Спешáт явиться, прогремéть,
 Блесну́ть, пленить и улетéть.

LIII

Шум, хóхот, беготня́, поклóны,
 Галóп, мазу́рка, вальс... Меж
 тем,
 Ме́жду двух тётóк, у колонны,
 Не замеча́ема никéм,
 Татья́на смóтрит и не ви́дит,
 Волнёнье свéта ненави́дит;
 Ей ду́шно здесь... она́ мечто́й
 Стремится́ к жи́зни полевóй,
 В дере́вню, к бédным поселя́-
 нам,

В уединённый уголо́к,
 Где льётся свéтлый ручеёк,
 К своим цветáм, к своим ро-
 ма́нам
 И в сýмрак липовых алле́й,
 Туда́, где он явля́лся ей.

LIV

Так мысль её́ далéче брóдит:
 Забы́т и свет и шóмный бал,
 А глаз меж тем с неё не свóдит
 Какóй-то ва́жный генерáл.
 Друг дру́гу тётушки мигну́ли,
 И лóктем Тáню враз толкну́ли,
 И кáждая шепну́ла ей:
 «Взгляни́ налево́ поскорéй». —
 «Налево́? где? что там
 тако́е?» —
 «Ну, что бы ни́ было, гляди́...
 В той кúчке, ви́дишь? впереди́,
 Там, где ещё́ в му́ндирах двóе...
 Вот отошёл... вот бо́ком
 стал...» —
 «Кто? то́лстый э́тот генерáл?»

Глава восьмая.

Fare thee well, and if for ever,
 Still for ever, fare thee well.

*Byron.*¹

I

Онéгин (вновь займу́ся им),
 Уб́ив на поеди́нке дру́га,
 Дожи́в без це́ли, без трудо́в

До двадцати́ шести́ годóв,
 Томя́сь в безде́йствии досу́га
 Без слúжбы, без жены́, без дел,
 Ни́чем заня́ться не умéл.

мелькáнье — vilkumine
 уборы (наря́ды, туалéты) — kleidid,
 tualetid
 хор (балкóн) — gódu
 кажут — показываю́т
 наха́льство — jultumus
 жилéт — vest
 пленя́ть кого́? чем? — võluma ära
 пленить *

стремиться́ к чему́? — püüdlema
 поселя́нин — крестья́нин
 не свóдит глаз — üksisilmi vaatama
 мига́ть — silmi pilgutama
 мигну́ть *
 локоть — küünarnukk
 враз — в одно и то же время
 томиться́ — vaevlema
 безде́йствие — jõudeolek

¹ «Прощай! и е́сли мы расста́емся наве́гда, то проща́й наве́гда».
Байрон.

Им овладѣло беспокойство,
 Охота к переменѣ мест
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногих добровольный крест).
 Оставил он своё селенье,
 Лесов и нив уединенье,
 Где окровавленная тень
 Ему являлась каждый день,
 И начал странствия без цели,
 Доступный чувству одному;
 И путешествия ему,
 Как всё на свете, надоели;
 Он возвратился и попал,
 Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
 По залу шёпот пробежал...
 К хозяйке дама приближалась,
 За нею важный генерал.
 Она была не тороплива,
 Не холодная, не говорлива,
 Без взора наглого для всех,
 Без притязаний на успех,
 Без этих маленьких ужимок,
 Без подражательных затей...
 Всё тихо, просто было в ней.
 Она казалась верный снимок
 Du comme il faut... Шишков,
 прости:
 Не знаю, как перевести.

мучительный — piinarikas
 добровольный — vabatahtlik
 (за)колебаться (зашевелиться) —
 kõikuma, liikuma
 говорливый — jutukas
 наглый — jultunud
 притязание (желание) — pretensioon,
 nõudlus
 ужимка — grimass
 du comme il faut (дю ком иль фо) —
 как надо, образец хорошего вкуса

XV

К ней дамы подвигались
 ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялись ниже,
 Ловили взор её очей;
 Девицы проходили тише
 Пред ней по зале: и всех выше
 И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал.
 Никто б не мог её прекрасной
 Назвать: но с головы до ног
 Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовласт-
 ной
 В высоком лондонском кругу
 Зовётся vulgar. (Не могу...

XVI

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести;
 Оно у нас покамест ново,
 И вряд ли быть ему в чести.
 Оно б годилось в эпиграмме...)
 Но обращаюсь к нашей даме.
 Беспечной прелестью мила,
 Она сидела у стола
 С блестящей Ниной
 Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И верно б согласились вы,
 Что Нина мраморной красотою
 Затмить соседку не могла,
 Хоть ослепительна была.

Шишков (1754—1841) — адмирал и
 литератор, враг употребления ино-
 странных слов
 самовластный — isevalitsulik
 vulgar (вульгарный, грубый) — laba-
 ne, jame
 покамест — пока
 беспечный (беззаботный) — muretu
 затмевать кого? чем? — varju jätma,
 ületama
 затмить*
 ослепительный — pimestav

XVII

«Да кто ж она?» — «Жена
моя». —

«Ужели, — думает Евгений, —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных

селений...»

И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил

смутно

Ему забытые черты.

«Скажи мне, князь, не знаешь

ты,

Кто там в малиновом берете

С послым испанским говорит?»

Князь на Онегина глядит:

«Ага! давно ж ты не был в

свете.

Постой, тебя представляю я». —

XVIII

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — «Около двух
лет». —

«На ком?» — «На Лариной». —
«Татьяне!» —

«Ты ей знаком?» — «Я им
сосед». —

«О, так пойдём же». Князь
подходит

К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.

Княгиня смотрит на него...

И что ей душу ни смутило,

Как сильно ни была она

ужели — неужели
неотвязчивый — pealetükkiv

малиновый — vabarnavärviline
посол — saadik

Удивленá, пораженá,
Но ей ничтó не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих её поклóн.

XIX

Ей-эй! не то чтоб содрогну́лась
Иль ста́ла вдруг бледна́,
красна́...

У ней и бровь не шевельну́лась;
Не сжа́ла да́же губ она́.
Хоть он гляде́л нельзя́

приле́жней,
Но и следóв Татьяны́ пре́жней
Не мог Оне́гин обрести́.

С ней речь хотёл он завести́
И — и не мог. Она́ спроси́ла,
Давно́ ль он здесь, отку́да он
И не из их ли уж сторо́н?
Потóм к супру́гу обрати́ла
Уста́лый взгляд; скользну́ла
вон...

И недви́жим оста́лся он.

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине́,
В начале нашего романа,
В глухой, далёкой стороне́,
В благо́м пылу нравоуче́нья,
Читал когда-то наставле́нья;
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говори́т,
Где всё нару́же, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он

Пренебрега́л в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равноду́шна, так смела́?

XXI

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечто́й то грустной, то
прелестной

Его встрево́жен поздний сон,
Просну́лся он; ему прино́сят
Письмо: князь N покóрно
просит

Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Мара́ет он ответ учти́вый.
Что с ним? в каком он
странном сне?

Что шевельну́лось в глубине
Души холо́дной и лени́вой?
Досада? сýетность? иль вновь
Забóта юности — любóвь?

XXII

Оне́гин вновь часы́ счита́ет,
Вновь не дожде́тся дню́ конца́,
Нодесять бы́ет; он выезжа́ет,
Он полете́л, он у крыльца́,
Он с трéпетом к княгине́
входи́т;

Татьяну он одну́ находит,
И вме́сте не́сколько мину́т
Они́ сидят. Слова́ нейдут
Из уст Оне́гина. Угру́мый,
Нелóвкий, он едва́-едва́
Ей отвеча́ет. Голова́

поража́ть кого? чем? — gabaṁa
порази́ть *
содрогну́ться (вздо́гнуть) — vōpata-
ṁta
бровь (ж. р.) — kulm
обрести́ — найти
наедине́ — ūksi olles
нравоуче́нье — kōlblusōpetus, moraaal
наставле́ние — manitsus, ōpetus

пренебрега́ть кем? чем? — hūlgama
пренебре́чь *
раут — званный вечер без танцев
(на)мара́ть (напа́чь) — māārīma
учти́вый (вежливый) — viisakas
доса́да — pahameel
сýетность — edevus
трепет (волне́ние) — vārin

Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот

блаженство!

И я лишён того: для вас
Ташусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я...
Боюсь: в мольбе моей смирен-

ной

Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
И, зарывав у ваших ног,
Излить мольбы, признанья,

пени,

Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным

хладом

Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым
взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено; я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь

послание:

Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно Собрание
Он едет; лишь вошёл... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видит, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержат негодование
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятение, сострадание?
Где пятна слёз?.. Их нет, их
нет!

На сем лице лишь гнева след...

XXXIV

Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж или свет не угадал
Проклязы, слабости случай-

ной...

Всего, что мой Онегин знал.
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклинает —
И, в нём глубоко погружён,
От света вновь отрёкся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гнала в шумном
свете,

Поймала, за ворот взяла
И в тёмный угол заперла.

замирать — *tarduma*

замереть *

блаженство — *õndsus*

наудачу — *hea õnne peale*

(ис)тратить — *raiskama, kulutama*

тягостный (трудный) — *raske*

затея — *kavatsus, ettevõte*

презренный — *põlatud, nurjatu*

укор — *etteheide*

(за)пылать — *leegitsema*

притворный — *teeseldud*

хлад — *hолод*

противиться (сопротивляться) — *vastu rannema*

крещенский — *siin: käre külm*

негодование — *meelepaha*

вперить взгляд — *ainiti vahtima*

гнев — *gaev*

безумство — *meeletus*

отречься — *ära ütleva*

отречься *

ворот — *krae*

Дни мчались — в воздухе
нагретом

Уж разрешалась зима.
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошёл с ума.
Весна живит его. Впервые
Свой покой запертые,
Где зимовал он как сурок,
Двойные окна, камелёк
Он ясным утром оставляет,
Несётся вдоль Невы в санях.
На синих, иссечённых льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нём свой быстрый бег

XL

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей

Татьяне,

Мой неисправленный чудак.
Идёт, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прохожей.
Он в залу; дальше. Никого.
Дверь otvorил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слёзы льёт рекой,
Опершись на руку щекой.

О, кто б немых её страданий
В сей быстрый миг не прочи-
тал!

Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К её ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит,
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно всё. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних
дней,
Теперь опять воскресла в ней.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чём теперь её мечтанье?...
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объяснить откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

(о)живить — elustama
сурок — ümiseja, koopaogav
камелёк — камин
(ис)сечь — tükkideks raiuma
(раз)рыть — üles kaevama
неисправленный — parandamatu
мертвец — surgu
прихожая (передняя) — esik

опираться на кого? на что? — toetuma
оперётся*
немой — vaikiv
(у)гаснуть — kustuma
внятно — понятно
отымает — отнимает
бесчувственный — tundetu
смирённо (покорно) — alandlikult

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была.
 И я любила вас; но что же?
 Что в сердце вашем я нашла?
 Какой ответ? одну суровость.
 Не правда ль? Вам была не
 новость
 Смирённой девочки любовь?
 И нынче — боже! стынет кровь,
 Как только вспомню взгляд
 холодный
 И эту проповедь... Но вас
 Я не виню: в тот страшный
 час
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной;
 Я благодарна всей душой...

XLIV

Тогда — не правда ли? — в
 пустыне,
 Вдали от суетной молвы,
 Я вам не нравилась... Что ж
 ныне
 Меня преследуете вы?
 Зачем у вас я на примёте?
 Не потому ль, что в высшем
 свете
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сражёнях
 изувечен,
 Что нас за то ласкает двор?

Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен
 И мог бы в обществе принесть
 Вам соблазнительную честь?

XLVI

А мне Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мой успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я
 рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище,
 За те места, где в первый раз,
 Онегин, видела я вас,
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

XLVII

А счастье было так возможно,
 Так близко!.. Но судьба моя
 Уж решена. Неосторожно,
 Быть может, поступила я:
 Меня с слезами заклинаний
 Молила мать; для бедной Тани
 Все были жребии равны...
 Я вышла замуж. Вы должны,
 Я вас прошу, меня оставить;
 Я знаю: в вашем сердце есть

суровость — karmus
 смиренный (скромный, покорный) —
 alandlik
 (о)стынуть — jahtuma, tarduma
 проповедь — jutlus
 благородно — suursuguselt
 суетный — tühine, edev
 молва — kuulujutt
 знатный — kuulus
 (из)увечить — vigastama
 двор — õukond

позор — häbi
 соблазнительный — meelitav
 пышность — toredus
 постылый — vastumeelne, tüütu
 мишура — обманчивый, показной
 блеск
 вихрь света — seltskonnaelu keeris
 ветошь (ничего не стоящее) — rämps
 чад — ving, suits
 заклинание — tungiv palve
 жребий — liisk

И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лука-
вить?),

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор внезапный звон
раздался,
И муж Татьяны показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путём одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой
читатель,
Друг, недруг я хочу с тобой
Расстаться ныне как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфах
небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых
слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальных
сшибок,
Хотя крупцу мог найти.
Засим расстанемся, прости!

лукавить (хитрить) — kavaldama
ощущение — tunne
шпоры — kannused
небрежный — hooletu

мятежный (неспокойный) — rahutu
отдохновенье — отдых
сшиб — спор, ссора
крупца — terakene

ПОВЕСТИ БЕЛКИНА.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокий.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский.

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаври́ла Гаври́лович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поёсть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гаври́ловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочли её за себя или за сыновей.

Марья Гаври́ловна была воспитана на французских романах, и следовательно была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его прини́мали хуже, нежели отставного заседателя.

бугор (здесь: сугроб) — lumehang,
küngas

божий храм (церковь) — kirik
метелица (метель, вьюга) — lumetuisk

клок — (lume)tort
вран (ворон) — gonk

вещий — ennustav
стон — oie

гласит (предсказывает) — ennustab
чутко — erksalt

грива — (hobuse)lakk

достопамятный (замечательный) —
mälestusväärne

поместье (имение, усадьба) — mõis
(про)славиться чем? — kuulus olema

девица — девушка

невеста — pruut

прочить за кого? — määrama (abiellumiseks)

следственно — järelikult

армейский — jalaväe-

прапорщик — leitnant

(за)пылать страстию — palavalt armastama

любезный (любимый) — armastatu

взаимный — vastastikune

склонность (симпатия) — poolehoid

запрещать кому? — keelama

запретить *

отставной заседатель — kaasistuja erus

Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предложения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побёга было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре, обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарáдова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой поступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской

любовники (любящие) — armastajad
 часовня — kabel
 клясться кому? в чём? — vanduma
 клянётся *
 (по)сетовать на что? — kaebama
 препятствовать кому? чему? — takis-
 tama
 благополучие — heaolu
 воображение — ettekujutus
 (по)венчаться — laulatama
 трогать кого? чем? — liigutatud ole-
 ma
 тронуть *
 постоянство — püsivus
 объятия — embus

побег — põgenemine
 отвергать — kõrvale lükkama
 отвергнуть *
 заговор — salanõu
 трогательный — liigutav
 проступок — eksisamm, eksimus
 неодолимый (непобедимый) — ülesaa-
 matu
 блаженный — õnnis
 почитать (считать) — pidama, luge-
 ma
 почёт *
 дражайший — очень дорогой
 запечатывать — kinni pitseerima
 запечатать *

печáтку, на которой изображены́ были два пыла́ющие се́рдца с при́личной надписью, она бросилась на постель перед самым рассвѣтом и задремáла; но и тут ужасные мечтáния поминúтно её пробуждáли. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчáться, отец её останáвливал её, с мучительной быстротóю тащил её по снегу и бросáл в тёмное, бездóнное подземелье... и она летела стремгла́в с неизья́сным зами́ра́нием се́рдца; то видела она Влади́мира, лежа́щего на траве́, бледного, окрова́вленного. Он, умира́я, моли́л её прои́зительным голосом поспешить с ним обвенчáться... Другие безобра́зные, бессмы́сленные видения́ несли́сь перед нею́ одно за другим. Наконéц она встала, бледнее́ обыкновенного́ и с непритво́рной голово́ю болью. Отец и мать заметили её беспоко́йство; их нежная́ заботли́вость и беспрестáнные вопросы: что с тобою́, Маша? не больна́ ли ты, Маша? раздира́ли её се́рдце. Она старáлась их успоко́ить, казаться весёлою, и не могла́. Наступи́л вечер. Мысль, что уже́ в послéдний раз провожа́ет она день посреди́ своего́ се́мейства, стесня́ла её се́рдце. Она была́ чуть жива́; она втайне́ проща́лась со всеми́ о́сóбами, со всеми́ предме́тами, её окружа́вшими.

Подали ужинать; се́рдце её́ сильно́ забы́лось. Дрожа́щим голосомъ объявила́ она, что ей ужинать не хочется, и стала проща́ться с отцомъ и матерью́. Они её́ поцелова́ли и, по обыкнове́нию, благослови́ли: она́ чуть не заплакала. Придя́ в свою́ комнату́, она кинулась́ в кресла́ и залилась́ слезáми. Девушка́ уговáривала её́ успокоиться́ и ободриться́. Всё́ было́ готово́. Черезъ полчаса́ Маша́ должна́ была́ навсегда́ оставитьъ родителъский́ дом, свою́ комнату́, тихую́ деви́ческую жизньъ... На дворе́ была́ метель; ветеръ вы́л, ставни́ трясли́сь и стучáли; всё́ казалось́ ей угр́зой и печáльнымъ предзнаменовáнием. Скоро́ в доме́ всё́ ути́хло и засну́ло. Маша́ оку́талась́ шалью́, надéла тёплый́ капóт, взяла́ в руки́ шкату́лку свою́ и вышла́ на заднее́ крыльцо́. Служáнка несла́ за нею́ два узла́. Они сошли́ в сад. Метель не утихáла; ветеръ ду́л навстрéчу, как будто́ сия́сь остано́вить молодую́ престúпницу. Они насилу́ дошли́ до конца́ сада. На доро́-

печáтка — pitsat (sõrmusel)
 (об)венчáться — laulatama
 подземелье — maa-alune ruum
 стремгла́в — очень́ быстро
 с зами́ра́нием се́рдца — hinge kinni
 pidades
 пронзительный — läbilõikav
 непритво́рный — teesklematu
 раздира́ть (се́рдце) — lõhki rebima,
 káristama
 разодрать*
 стесня́ть се́рдце — ängistama südant

благословля́ть — õnnistama
 благослови́ть*
 ободриться́ — julgust võtma
 ободриться́*
 ставень (м. р.), ставни — aknaluuk,
 -luugid
 угр́за — ähvardus
 предзнаменовáние — enne
 капóт — женская́ домашняя́ верхняя́
 одежда́
 шкату́лка — laegas
 узелъ (р. п. — узла́) — komps
 насилу́ — suure vaevaga

ге сани дожидáлись их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхáживал перед оглоблями, удёрживая ретíвых. Он помог барышне и её девушке усéться и уложíть узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетéли. Поручíв барышню попечéнию судьбы и иску́ству Терёшки-кучера, обратíмся к молодóму нашему любóвнику.

Целый день Владíмир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насíлу с ним уговорíлся; потом поехал иску́ать свидéтелей между сосéдными помéщиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалётний корнёт Дравин, согласíлся с охóтою. Это приключéние, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусáрские прокáзы. Он уговорíл Владимира остаться у него отобédать и увéрил его, что за другими двумя свидéтелями дело не станет. В самом деле, тóтчас после обеда явились землемёр Шмит в усáх и шпорах и сын капитáн-исправника, мальчик лет шестна́дцати, недавно поступíвший в ула́ны. Они не только прíняли предложение Владимира, но даже кля́лись ему в готóвности жертвовать для него жизнью. Владимир обня́л их с востóргом и поехал домой приготóвляться.

Уже давно смеркáлось. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненарáдово с своёю тройкою и с подрóбным, обстоятельным на́казом, а для себя велел заложíть маленькие сани в одну лошадь, и один, без кучера, отпра́вился в Жадрино, куда часа через два должна́ была приехать и Марья Гаври́ловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за око́лицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло: окрестность исчéзла во мгле мутной и желтовáтой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землёю. Владимир очутíлся в поле и напрасно хотел снова попáсть на дорогу; лошадь ступáла наудáчу и поминúтно то взъезжáла на сугрób, то провáливалась в яму; сани поминúтно опроки́дывались. Владимир старáлся только не потеря́ть настоящего направлénия. Но ему казалось, что уже прошло́ более получáса, а он не доезжáл ещё до жадринской роши. Прошло́ ещё около десяти́ минут; роши всё было не видать.

оглобли — aisd
 ретíвый (конь) — tuline
 поручáть кому? — kellegi hoolde
 usaldama
 поручíть *
 попечéние (забóта) — hoolitsus
 уговорíться — kokku leppima
 корнёт — ratsaväe noorem-leitnant
 прокáзы — vallatused
 дело не стáнет за кем? — asi ei jää
 peatuma

землемёр — maamõõtja
 исправник — maakonna politseiülem
 tsaariajal
 надёжный — usaldusväärne
 на́каз (прикáз) — käsk
 за око́лицу — külast välja, küla taha
 мутный — sogane
 хлопья — (lume)helbed
 наудáчу — hea õnne peale
 опроки́дываться — ümber minema
 опроки́нуться *

Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснилось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припомирать, соображать и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалёко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир повернул туда. Приближаясь; увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видеть; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видеть. Должно было быть около полудни. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел недалёке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далёко ли Жадрино?» — «Жадриното далёко ли?» — «Да, да! Далёко ли?» — «Недалёче; вёрст десяток будет». При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

пересекать — läbi lõikama
пересечь *
овраг — org
катился градом (пот) — voolas ojana (higi)
по пояс — vööni
мрак — pimedus
обнажённый — paljastatud

(по)свирепствовать — gaevutsema
отчаяние — meeleheide
усилие — pingutus
(по)редеть — harvaks muutuma
волнистый — laineline
приговорить к смерти — surmaotsust tegema

«А откóле ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те провóдит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показáлась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувáется. Али ты прозýб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели: парень вышел с дубиною и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговými сугрòбами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи, и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарáдовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпакé и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша, вчера́сь угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, на-

проводник — saatja
дубина — teivas
колпак — õõmüts
байковый — baikast (riide sort)
шлафрок — pikk hommikukuub
почивать — спать

угорать — karmust peavalu saama
угореть *
занемочь (захворать) — заболеть
лекарь — врач
вред — soovimine
горячка (лихорадка) — külmtõbi
гроб — kirst

кану́не еѹ напісаннѹе, были сожжены́; еѹ горничная́ никому́ ни о чѣм не говорила, опасая́сь гнева́ госпѹд. Священник, отставно́й корне́т, усаты́й землеме́р и маленькій ула́н были скромны́, и не даром. Терёшка кучер никогда́ ничего́ лишнего́ не выска́зывал, даже и во хмелю́. Таким образом тайна́ была сохранена́ более́ чем полудю́жиною заговѹрщиков. Но Марья́ Гавриловна́ сама, в беспрестанном бреду́, высказывала́ свою́ тайну. Одина́ко ж еѹ слова́ были столь несообра́зны ни с чѣм, что мать, не отхо́дѹщая от еѹ постѣли, могла́ понять из них только́ то, что дочь еѹ была́ смерте́льно влюблена́ во Владимира Николаевича́ и что вероятно́ любовь́ была́ причино́ю еѹ болѣзни. Она́ советѹвалася́ со своим мужем, с некоторыми́ соседями, и наконец́ единогласно́ все реши́ли, что видно́ такова́ была́ судьба́ Марьи́ Гавриловны, что сужено́го конѣм не объе́дешь, что бедность не поро́к, что жить не с богатством, а с человеком, и тому́ подобное. Нравственные поговѹрки бываю́т удивительно́ полезны́ в тех случаях, когда́ мы от себѹ мало́ что можем выдумать себѹ в оправда́ние.

Между́ тем барышня́ стала выздорѹвливать. Владимира́ давно́ не видно́ было́ в доме́ Гаврилы́ Гавриловича́. Положи́ли послать́ за ним и объя́вить ему́ неожѹданное счастье́: согла́сие на брак. Но каково́ было́ изумле́ние нена́радовских помещиков, когда́ в ответ на их приглаше́ние получи́ли они́ от него́ полусумасше́дшее письмо́! Онъ объя́влял им, что нога́ его́ не будет никогда́ в их доме́, и просил забы́ть о несчастном, для́ которо́го смерть остаѣ́тся еди́ною наде́ждою. Через́ несколько́ дней узнали́ они, что Владимиръ уехалъ в армию́. Это́ было́ в 1812 году́.

Долго́ не сме́ли объя́вить об этомъ выздорѹвливающей Маше. Она́ никогда́ не упомина́ла о Владимирѣ. Несколько́ месяцев́ уже́ спустя, нашѣ́ имя́ его́ в числѣ́ отличѹвшихся и тяжело́ раненныхъ подъ́ Бородинѹм, она́ упала́ в обморок, и боялись, чтобъ горя́чка еѹ́ не возвратѹлася́. Однако́, слава́ богу, обморок не имелъ послѣ́дствѹя́.

Другая́ печа́ль еѹ́ посети́ла: Гаврила́ Гавриловичъ сконча́лся, оста́вѹя еѹ́ наслѣ́дницею́ всего́ имѣ́ния. Но наслѣ́дство не утешало́ еѹ́; она́ разделя́ла искренно́ горестъ́ бедной Праско́вьи Петровны, кля́лася́ никогда́ с нею́ не расста́ваться; обе́ они́ оставили́ Нена́радово, место́ печа́льных воспомина́ний, и поехали́ жить в ***ское поме́стье.

Женихи́ кружи́лись и тут около́ мило́й и богатой невесты́; но она́ никому́ не пода́вала и малѣ́йшей наде́жды. Мать ино́гда уго́варивала́ еѹ́ выбрать себѹ́ друга; Марья́ Гавриловна́ качала́ го-

во хмелю́ — purjuspäi
заговѹрщик — vandeseltslane
суженый — saatusesest määratud peig-
mees
поро́к — pähe
оправда́ние — vabandus

отличаться — välja paistma
отличѹться *
упасть в обморок — minestama
последствие — jäeldus
скончаться — умереть
горестъ́ — горе, несчастье

ловой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить; книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемиды.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обещанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слёзы свидания! С каким единомыслием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоительен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

Кто из тогдашних офицеров не сознаётся, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видела, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностью*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задум-

постоянство (верность) — *truudus*
девственный — *neitsilik*

Артемиза (греч. Артемиды, рим. —

Диана) — богиня, покровительница женского целомудрия (*voogus*)

отрок — *поогук*

(воз)мужать — *mehiseks muutuma*

незабвенный — *незабываемый*

восторг — *vaimustus*

единомышлен — *üksmeel*

бесподобный — *võrratu*

упоительный — *joovastav*

торжество — *праздник*

искатель (руки) — *püüdleja, kosilane*

отступать — *taganema*

отступить *

с Георгием в петлице — *Georgi au-*

märk pööraugus

тамошний — *sealne*

чивость её оживлялась. Нельзя было сказать, что она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы:

Se amor non è, che dunque? . . .

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что бы она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего. . . (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуготовляла развязку самую неожиданныю и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гран-пасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведо-

se amor non è, che dunque? — если
это не любовь, так что же это?
(итал.)

наблюдение — vaatlemine, vaatlus
притязание — pretensioon, nõudlus
повеса — võrukael
пылкость характера — темперамент
подстрекать (любопытство) — äratama (uudishimu)

опытность — kogemus
признание — ülestunnistus
робость — arglikkus
волокита — naistekütt
смотря по обстоятельствам — olenevalt olukorrast
развязка — lahendus, lõpp
тягостный — трудный
достойный — vääri-line

мился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: «авось дело сегодня же кончится!»

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у прудá, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарóчно перестала поддёрживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешáтельство, от которого можно было избáвиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положéния, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимáния. Марья Гавриловна закрыла книгу и потúпила глаза в знак согла́сия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) «Теперь уже поздно протівиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравнённый образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

«Я женат, — продолжал Бурмин; — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!»

«Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна; — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость».

ива — rajū
поддёрживать разговор — jutulõnga
ülal hoidma
взаимный — vastastikune
замешáтельство — segadus
внезапный — ootamatu
потуплять глаза — langetama silmi
потúпить*
привычка — harjumus

St. Preux — Сан-Пре, герой романа
Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза»
протівиться (сопротивляться) чему?
— vastu panema
непреодолимый — ülesaamatu
преграда — takistus
сетование (жалоба) — kurtmine,
ahastamine
терзать (мучить) — piinama

«В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — кричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то: — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава богу, — сказала эта, — насילו вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветренность... я стал подле неё перед набоём; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. — Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ах, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви, безо всякого препятствия, бросился в кибитку и кричал: пошёл!»

«Боже мой! — кричала Марья Гавриловна; — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?»

«Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что,

смотритель — postijaama ülem
 ямщик — postipoiss, küüdimees
 паперть — kirikuesine trepiga
 замешкаться — kinni pidama
 лавочка (скамейка) — pink
 виски — meelekohad
 уморить — surnuks piinama
 рассеянно — hajameelselt
 ветренность — kergemeelsus

набой — lugemispult (õigeusu kirikus)
 упасть без памяти — потерять сознание
 препятствие — takistus
 преступный — kuritegelik
 проказа (шалость) — vallatus
 (ото)мстить — kätte maksma

отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отмщена».

«Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку: — так это были вы! И вы не узнаете меня?..»

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕРМОНТОВА.

По Г. К. Бочарову.

О! чем заплáтишь ты, тиrán,
За эту праведную кровь,
За кровь людéй, за кровь граждán ...
(«30 июля. — (Париж) — 1830 года».)

29 января 1837 г. в Петербурге умира́л великий человек, равного которому не было во всей России. У дома его стояла толпа́ людей. Люди безмо́лвно глядели в окна квартиры, плотно закрытые шторами. Надéжды уже не было, но люди стояли и ждали. Вот из подъезда вышел человек, потом ещё двое. И поползла́ по толпе́ скорбная весть: Пушкин сконча́лся! Люди не расходились. Их становилось ещё больше и больше. Они вглядывались в окна квартиры, и многие из них думали одну и ту же думу: «Кто же отомсти́т убийцам за смерть Пушкина? Кто теперь за́менит его? Найдётся ли в России другой великий поэт?»

В этот день молодой офицер Лермонтов был нездоров. Он сидел у себя в комнате и перелистывал тетради своих стихов. Михаилу Лермонтову было 22 года. Он давно уже писал стихи, но о его стихах знали немногие. Лермонтов не хотел их печатать. Стихи казались ему плохими. Он учился писать у Пушкина, но не мечта́л сравниться с великим поэтом. Теперь он перелистывал тетради и за каждой строчкой своих стихов видел любимого учителя. Вот первые совсем робкие опыты. Вот «Черкёсы», «Кавка́зский пленник». Это ещё детское подража́ние Пуш́кину. А вот «Парус», «Два велика́на», «Умира́ющий гладиáтор», «Бородино́». Это уже своё. Если бы не было Пушкина, разве он мог бы созда́ть эти стихи? Пушкин! Теперь он умира́ет.

плотно — tihedalt
штора — aknaeesriie
скорбный (печальный, грустный) —
kurb
(ото)мстить кому? за что? — kätte
maksma

заменя́ть кого? что? кем? чем? —
asendama
заменить *
сравниться с кем? — end võrdlema
робкий (несмелый) — arg
подража́ние — matkimine, jäljenda-
mine

Может быть, его уже нет. Лермонтов вздрогнул. Ему стало холодно. Нет, в такую минуту нельзя сидеть дома.

Лермонтов оделся и вышел. Ему было трудно идти. Стояла оттепель. Было сыро и холодно. Уличный шум казался ему каким-то глухим, отдалённым, и в самом воздухе чувствовалось что-то зловещее. На набережной он встретил знакомого литератора.

— Как Пушкин? — спросил Лермонтов.

— Полчаса назад скончался.

Лермонтов прислонился к решётке набережной. Силы оставили его. Опустив голову, он молчал.

Прошло два дня. Мёртвый Пушкин лежал в гробу, церковные подсвечники чадили и пахло воском. Дьячок монотонно читал псалмы. В стороне академик Бруни писал последний портрет Пушкина. Люди входили, снимали шапки, крестились, говорили шёпотом. Они вглядывались в лицо Пушкина, они старались запомнить его черты. Пушкин как будто ушёл в себя. Кажется, что он глубоко задумался.

В этот день к Пушкину пришёл и Лермонтов. Он остановился у гроба и словно застыл. Лермонтов был так же неподвижен, как и Пушкин. Он думал о том, что часто хотелось ему увидеть Пушкина близко, пожать ему руку, ему одному доверить свои стихи. Вот теперь Пушкин рядом с ним, но рука его холодная. Но всё-таки он принёс Пушкину свои стихи. Лермонтов написал их вчера кровью сердца. И вот он теперь мысленно читает своему учителю скорбные строки:

Погиб поэт, невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой! ..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид, —
Восстал он против мнений света
Один, как прежде. . . И убит! ..
. . . Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

оттепель — sula (ilm)
зловещий — kurjaennustav
решётка — võre
подсвечник — küünlajalg
(за)чадить — suitsu ajama
воск — vaha
(пере)креститься — risti ette lööma
застывать — tarduma
застыть*
невольник — vang

пасть (погибнуть) — hukkuma
(о)клеветать — laimama
молва (слухи) — kuulujutud
мелочный — väiklane
мнение (света) — arvamus (seltskon-
na)
приют — varjupaik
уста (губы) — huuled
печать — pitser

Задумавшись, стоял Лермонтов у гроба. Он прощался с учителем. И никто не знал, что у гроба великого Пушкина стоит его великий наследник. Никто не знал, что скоро этот офицер будет гордостью и славой России. Никто не знал, что он повторит роковую судьбу Пушкина.

Ещё не увезли тело Пушкина в Михайловское, а уж весь Петербург повторял имя Лермонтова. Нашёлся новый поэт, который бросил дворянской знати, убившей Пушкина, прямо в лицо огненные строчки своих стихов!

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар.
Что ж! веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венók.
... Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых неведжд.
И умер он с напрасной жаждой мшенья,
С досадою тайною обманутых надежд.

Эти строчки люди повторяли наизусть. А потом к ним прибавились ещё более гневные и беспощадные. В них Лермонтов называл убийц «палачами свободы, гения и славы».

Так Лермонтов вступил на путь Пушкина. Из рук Пушкина выпало светлое знамя русской поэзии. Лермонтов подхватил и высоко поднял его.

*

К чему глубóкие познáнья, жажда знаний,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем.
(«Монолог».)

А лицемерная светская знать уже заметила своего противника и приготовилась к борьбе. В бальных залах уже шептались старушки-графини и старички в расшитых золотом мунди-

наследник — järeltulija
роковой — saatuslik
знать — aristokraatia, kõrgem selts-
kond
дар (талант) — anne
потеха (развлечение) — lõbu
(раз)дувать — suureks puhuma
(за)таиться — end varjata
светоч (факел) — tõrvik

отравлять (в//вл) — mürgitama
отравить *
коварный — salakaval
невежда — harimatu inimene
мщение (месть) — kättemaks
гневный (злой, сердитый) — raevukas
палач — timukas
(вы)пасть — välja kukkuma
подхватывать — kinni haarama
подхватить *

рах: «Ну, где же это видано! Слава богу, угомони́лся Пушкин, теперь какой-то новый, Лермонтов, мутит людей. Как это правительство до сих пор терпит?» Уже светские сплетницы-дамы преподнесли начальнику жандармов, графу Бенкендорфу, листок со стихотворением Лермонтова.

Уже царь Николай I получил от кого-то стихи Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». Уже над головою Лермонтова собрались тучи.

И вот 20 февраля в дом бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой ворвались царские жандармы. В полчаса они перерыли весь дом и увезли с собою любимого её внука, её Мишеля и друга его Святослава Раевского, который распространял стихи Лермонтова.

Бабушка осталась одна. Она ходила из комнаты в комнату, она глядела на улицу. Может быть, Мишель возвратится. Но настала ночь, а внук не возвращался. Она прислушивалась, не стукнет ли внизу дверь. Бабушка вспоминала детство Мишеля, деревенское приволье в Тарханах, где рос её внук, потом благородный пансион в Москве. Здесь Мишель стал писать стихи. Потом — университет. Ночами просиживал он за книгами, сочинял стихи. Потом военная школа, мундир офицера и снова книги, и снова стихи. Если бы она знала, что стихи принесут беду, разве она нанимала бы ему дорогих, образованных гувернёров. Это они привили ему страсть к стихам. Проклятые стихи! До рассвета просидела бабушка в глубоком кресле. Слезы жгли ей глаза.

А её Мишель в эту ночь ходил из угла в угол, запертый в тесной камере гауптвахты. Выла метель. За окном бушевал снег. Часовой за дверью напевал унылую солдатскую песню.

Жандармы не медлили. Уже через пять дней военный министр передал Бенкендорфу решение царя: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных Вашему Сиятельству стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов... отправить в Олонёцкую губернию».

«Перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк»... Что же это значило? Нижегородский полк воевал с горцами на Кавказе. Это значило: убрать Лермонтова подальше, под пули черкёсов.

угомониться (успокоиться) — rahu-
pepa
мутить — ässitama
сплетница — keelepeksja
воззвание — üleskutse
ворваться куда? — sisse tungima
ворваться*
(пере)рвать — läbi tuhnila

прививать — külge pookima, kasva-
tama
привить*
проклятый — neetud
камера — kamber
гауптвахта — peavahit
часовой — tunnimees
унылый — kurb

Михаил Лермонтов не унывал. Напротив, он был горд. Он знал теперь, что идёт по дороге Пушкина.

Весною 1837 года Лермонтов ехал на Кавказ. Это была уже не первая поездка на Кавказ: давным-давно, ещё в детстве, бабушка два раза возила его туда. Он хорошо помнил кудрявую гору Машук, покрытую лесом и похожую на персидскую шапку. Остроконечный пятиглавый Бэштау с голыми скалами. Далёкий двуглавый Эльбрус. На заре его снеговые вершины кажутся розовыми, а в полдень они ослепительно белые. Он помнил горцев в папахах и чёрных мохнатых бурках. Зимой, в Тарханах, он рисовал Кавказские горы и лепил горцев из воска.

Это было давно.

Теперь он ехал на Кавказ, в ссылку, ехал по тем же дорогам, по которым семнадцать лет тому назад ехал в ссылку и Пушкин.

По дороге Лермонтов заболел ревматизмом. Пришлось ехать в Пятигорск лечиться. Пятигорск. Он всё такой же. Новенький, чистенький городок. Шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы, всё синее и туманнее. . . Воздух чист и свеж. В этом чудесном солнечном городе ревматизм скоро как рукой сняло. Снова надо собираться в путь далёкий, разбрасывать свой полк.

Лермонтов пробирался в Тифлис. А там, далеко на севере, в Петербурге, действовала бабушка Арсеньева. Она спасала своего внука. Трудно было обивать пороги влиятельных знакомых в её годы. Но чего не сделаешь для любимого внука? К счастью, у бабушки Арсеньевой большие знакомства. Она дошла даже до самого Бенкендорфа и вымолила-таки прощенье внуку. И вот в Тифлисе Лермонтов узнал, что его переводят в Гродненский гусарский полк. Теперь надо ехать в Новгород. Снова длинный путь назад, по Военно-Грузинской дороге, через Владикавказ, Ставрополь.

Но недолго пришлось пробывать Лермонтову в Новгороде. Бабушка не успокоилась. Она выхлопотала своему Мишэлю перевод почти в самый Петербург, в Царское село, снова в тот же лейб-гвардейский полк. Ссылка окончилась.

Только надолго ли?

*

пятиглавый — viie tipuga
мохнатый — karvane
бурка — вичка (viltriidest ja kitsevil-
last mantel)
(вы)лепить — voolima

целебный — tervise-
амфитеатр — ring- või amfiteater
(на)громоздиться — end kuhjama
обивать пороги — ukseläve kulutama

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
облитый горечью и злостью...

В Петербург вернулся уже не прежний Мишель Лермонтов. Его встретили как известного, любимого поэта. Перед ним открылись двери светских гостиных и салонов. Поэта беспрерывно приглашали на балы и праздники.

Полтора года тому назад эта слава ослепила бы Мишеля и вскружила бы ему голову. А теперь он был равнодушен к славе. Он помнил о Пушкине и знал, что за похвалами таится клеветá, он знал, что врагов у него больше, чем друзей.

Его не тянуло в бальные залы. Было душно и тоскливо в Петербурге. Его окружала праздная, ленивая, чванливая толпа. Часто, просыпаясь утром, он с отвращением вспоминал, что вечером придётся быть на балу, учтиво кланяться, шаркать ногой, танцевать. Лермонтову хотелось большого дела. Казалось, что время проходит бесполезно. Хотелось вырваться из Петербурга, уехать. Поэт хотел пойти в отставку, но ему отказали. Тогда он сам попросил, чтобы его отправили на Кавказ. Но и в этом отказали да ещё пристыдили: «Что же вы свою бабушку в гроб свести хотите? Хлопотала, хлопотала, а теперь снова на Кавказ».

Наступил 1840 год. В новогоднюю ночь в дворянском благородном собрании был блестящий бал-маскарад. Гремела музыка, звенели шпоры гусар, проносились ряженные турчанки, испанцы, рыцари. Лермонтов не танцевал. Он стоял, прислонившись к колонне и равнодушно глядел на танцующих. Ему было скучно.

В перерыве между танцами к нему подошли две дамы: одна в розовом домино, другая — в голубом. Лица обеих дам были скрыты масками. Они насмешливо заговорили с ним по-французски. Лермонтов отвечал скупно и всем своим видом показывал, что он был бы рад, если бы его оставили в покое.

Дамы поспешно отошли. Перед ними почтительно расступались. Лермонтов хорошо знал, кто были эти дамы. Это особы из царской фамилии, а одна из них — дочь Николая I. Ну, что

ослеплять (п//пл) — pimestama
ослепить*
клеветá — laim
(по)тянуть куда? — tõmbama
душно — umbne
праздник — jõude-
чванливый — kõrk, ülbe, upsakas
отвращение — vastikus, tülgestus
учтиво — aupaklikult
шаркать ногой — jalaga kraapsama
(kummardades tervitama)
шаркнуть*

пойти в отставку — ergu minema
(при)стыдить — häbistama
дворянское благородное собрание —
место, где собиралось аристократи-
ческое общество
ряженный — maskeeritud
турок, турчанка — türklane
скупно — napilt, napisõnaliselt
почтительно (учтиво) — aupaklikult
расступаться — teed andma
расступиться*
особа — isik

ж, тем лучше! Это дерзкое невнимáние не было забыто и не было прощено Лермонтову.

Вернувшись с бала, Лермонтов не мог спать. Его душило чувство тоски, одиночества. В его уме складывались стихи «облитые горечью и злостью». И, как три года назад, ему хотелось бросить эти стихи прямо в глаза светским бездельникам.

О дерзком офицере Лермонтове снова заговорили. Припомнились его смелые стихи. Его называли «выскачкой». Его собирались проучить. Нужен был только подходящий случай. Но разве трудно было найти повод? Светская знать хорошо владела оружием, которым можно было убить любого гиганта. Это оружие — клеветы и сплетни. Этим оружием убили Пушкина. Это оружие пустили в ход против Лермонтова.

*

На Петербургских балах часто появлялся иностранец де-Барант, сын французского посланника. Клеветники решили сделать из него нового Дантеса. Они отыскивали старую эпиграмму, маленькое насмешливое стихотворение, которое Лермонтов давно написал на одного из товарищей по юнкерской школе. Баранту сказали, будто эта эпиграмма высмеивает его.

И вот на балу Барант потребовал объяснений и оскорбил Лермонтова.

— Если бы я был в своём отечестве, — сказал он, — я знал бы, как кончить дело.

— Пове́рьте, — ответил Лермонтов, — в России следуют правилам чести так же, как и вездé. Мы, русские, не позволяем оскорблять себя безнаказанно.

Этот разговор кончился дуэлью. Но расчёты врагов Лермонтова не оправдались. Дуэль окончилась пустяками. Барант промахнулся, а Лермонтов совсем не хотел ни убивать, ни ранить и выстрелил в воздух.

За такую дуэль обыкновенно не наказывали. Но Лермонтова нужно было убраться во что бы то ни стало. Через несколько дней его арестовали.

Дело тянулось целый месяц. Жандармы были в очень труд-

дерзкий — jultunud
(за)душить — lämmatama
облитый — täis
горечь — kibedus
злость — viha
бездельник — päevavaras
выскачка — ninatark
проучивать — karistama, õpetama
проучить *
повод (причина) — põhjus
сплетни — laimujutt
пустить в ход — käiku laskma

посланник — saadik
клеветник — laimaja
оскорблять — solvama
оскорбить *
безнаказанно — karistamatult
расчёты — arvestused
оправдываться — õigeks osutama
оправдаться *
промахнуться — mööda laskma
во что бы то ни стало — iga hinna eest

ном положёнии. Надо было обяза́тельно засуди́ть Лермонтова. Но суди́ть было не́ за что, тем более, что проти́вники помири́лись.

Военный суд сна́чала даже вынес суро́вое реше́ние: лиши́ть Лермонтова дворя́нского звания и разжа́ловать в солда́ты. Но нашлись люди поумне́е. Они посоветовали Бенкендорфу и царю́ не делать этого. За́чем столько шума? Ведь Лермонтов — изве́стный поэт. Его ставят наравне́ с Пушкиным. Пойду́т разгово́ры, что в России пресле́дуют поэтов. Не лучше ли опять уба́рать Лермонтова, но уба́рать так, чтобы он не возврати́лся, посла́ть его на передовы́е пози́ции, под пули?

Николай согласи́лся и подписа́л прика́з: «Пору́чика Лермонтова перевести́ в Тенги́нский пехо́тный полк тем же чином».

«Ну, что́ же, — думал Лермонтов, — на Кавказ, так на Кавказ! Пода́льше от светской скуки, от сплетен, от надое́вших ба́лов. Ведь хотелось же мне на Кавказ! Вот и испо́нилось». Так утеша́л себя Лермонтов.

И снова Кавказ. Тенги́нский полк участвовал в самых жарких битвах. Полк наступа́л по ущелья́м, перебира́лся через перева́лы и горные реки. Каждый́ день стычки с горцами. Лермонтов не щади́л себя. Он собра́л отря́д, который так и называ́ли: «Лермонтовским». С горстью люде́й он броса́лся на большие отря́ды горцев и побежда́л. Пули не брали его. О его удали рассказы́вали в полка́х. И кома́нующий, князь Го́лицын, даже предста́вил его к золотой сабле́ за храбрость. Но в Петербу́рге Лермонтова вычеркнули из награ́дных списков. Ему разре́шили только короткий отпуск в Петербу́рг.

И вот в январе 1841 года Лермонтов поехал в столицу. Ему хотелось повида́ть бабушку, друзе́й.

В Петербу́рге его встретили востор́женно. Его венча́ли славою́ как вели́кого поэта. Но это были друзья. А в Петербу́рге были ещё и враги. Их было больше, они были сильнее́, они сле́дили за кажды́м его шагом.

Несколько недель пролетели́ быстро. Одна́жды Лермонтов яви́лся на блестя́щий бал в своём скромном армее́ском мунди́ре. Его заме́тил брат царя́ Михаил Павлович.

«Как? Опя́ть Лермонтов! И как он смеет показыва́ться на

засуди́ть — karmilt kohut mõistma
дворя́нское звание — aadliseisus
разжа́ловать (в солда́ты) — degradeerima, alandama
передовы́е пози́ции — eesliin
чин — aukraad
надоевший — tüüdanud
утеша́ть — trööstima
уте́шить *
ущелье́ — mäekitsus
перевал (горный) — mäekuru

стычка — kokkupõrge
(по)щади́ть — armu heitma
горсть — peotäis
удаль (смелость) — uljus, julgus
представля́ть к чему? — esitama (millegi saamiseks)
предста́вить *
сабля (шашка) — mõõk
востор́женно — vaimustatult
венча́ть славою́ — kroonima kuulsusega

балу, да ещё в армейском мундире с короткими фалдами? Выгнать немедленно!» Хозяйка дома, графиня Воронцова-Дашкова, незамётно увела Лермонтова в задние комнаты и через чёрный ход выпустила на улицу. А через несколько дней он получил приказ: покинуть столицу в 24 часа.

И снова он ехал на Кавказ. В груди клокотала ненависть. Его, поэта, опять забросали камнями. Ненависть сменялась тоской. Казалось, что и жить-то не стоит, незачем.

Лермонтов приехал в Георгиевск вместе с другом Алексеем Столыпиным. Отсюда нужно было отправляться в Шуру, в Тенгинский полк. Но так хотелось ещё раз заехать в Пятигорск. Теперь начало лета. Пятигорск полон друзей и знакомых.

— Послушай, — взмолился Лермонтов Столыпину, — едем в Пятигорск.

— Нельзя, я должен доставить тебя в полк.

— Можно! Ну, только на неделю, на три дня, если хочешь. Знаешь что? Пусть решит случай. Бросаю монету. Если орёл — так и быть, едем в полк. Если решётка — в Пятигорск.

Высоко подброшенная монета упала и покати́лась в угол. Через час друзья мчались в Пятигорск: выпала решётка.

*

И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь...

(«На смерть поэта».)

В Пятигорске, действительно, было немало петербургских знакомых. Приехал брат Пушкина — Лев. Здесь был старый товарищ Лермонтова ещё по военной школе — Мартынов. Лермонтов называл его «мартышкой». Мартынов не был ни другом, ни врагом. Этот молодой офицер любил похвастать, нарядиться, украсить себя оружием. Собираясь на бал, он выливал на себя флакон духов. Он не был зол, но у него нехватало своего ума и своей воли. Лермонтов часто дразнил его. Мартынов, бывало, надётся, но скоро забудет.

Молодёжь собиралась в Пятигорске в доме атамана казачьих

фалды (мундира) — (mundri)hõlmad
через чёрный ход — tagaukse kaudu
(за)клокотать — keema
взмаливаться — anuma, tungivalt paluma
взмолиться *
доставлять — kohale toimetama
доставить *
монета — münt
орёл — kull (siin: mündil)
решётка — mündi kirjapool
действительно — tõepoolest

мартышка — pärdik
(по)хвастать — hooprema
нарядяться — end ehtima
нарядиться *
украшать чем? — kaunistama
украстить *
флакон духов — pudel lõhnaõli
воля — tahtejõud
(по)дразнить — narrima
(на)дуться — mossitama
атаман — kasakapealik

войск Верзилина. У Верзилиных были взрослые дочери. Танцевали, пели, рисовали, устраивали прогулки. Жизнь как будто шла беззаботно. Но тоска не покидала сердца Лермонтова. Он видел, что враги не оставили его даже здесь, в Пятигорске. В эти летние месяцы сюда, на воды съехалась светская знать. Здесь был сын повелителя жандармов, юнкер Бенкендорф. Здесь был глупый задира и гордец, молодой князь Васильчиков. Здесь была пятигорская генеральша Мерлини, которая спокойно не могла видеть Лермонтова. Иногда, проходя, он слышал, как вслед называли его «высочкой», «ядовитой гадиной». Он чувствовал, что против него составляется заговор; видел, как вокруг Васильчикова собираются его недруги. Среди них Лермонтов заметил и Мартынова. Васильчиков о чём-то шептался с ним.

Тогда он сам бросил вызов своим врагам. Васильчикова он уничтожил меткой эпиграммой:

Наш князь Василь
 Чиков по батюшке,
 Шеф простофиль, глупцов по дядюшке.

Лермонтов окончательно убедился, что его приятель Мартынов в стане врагов. Поэт стал ещё язвительнее. Однажды Мартынов пришёл к Верзилиным с двумя кинжалами по бокам. «Мартынов похож сразу на двух горцев», — заметил Лермонтов. Этого было достаточно. Случай представился, и Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

15 июля 1841 года. В этот последний день жизни Лермонтова раннее утро было необычайно голубое и свежее. Лермонтов ехал верхом по узкой тропинке мимо Машукá. Он вспомнил: вечером дуэль. Может быть, это — конец. И вдруг ему захотелось жить. Он увидел зелёные листья виноградника и блестящие на солнце капельки росы и почувствовал, как любит природу, как дорогá ему жизнь. Нет, он не умрёт сегодня! Лермонтов пришпорил лошадь и поскакал рысью.

К вечеру собралась гроза. Громáдная туча медленно ползла

воды — tervisveed
 повелитель — käsikija
 юнкер — junkur
 задира — tülinorija, riukukk
 гордец — kempleja, kõrk isik
 высочка — ninatark
 ядовитый — mürgine
 гадина — kõlvatu olend, reo
 заговор — vandeselt
 недруг — vrag
 вызов — väljakutse

уничтожать — hävitama
 уничтожить*
 меткий — tabav
 по батюшке — isanime järgi
 простофиля — tohman, tobu
 глупец — lollpea, tobu
 стан врагов — vaenlaste leer
 виноградник — viinamarjaistandus
 росá — kaste
 (при)шпорить — kannustama
 рысью — traavi

с востока. Она была грозная и синяя. Казалось, она предвещает несчастье.

Противники и секундánты спешили к подно́жью Машука́. А туча ползла. Она уже закры́ла небо. Где-то за горбо́ю грохотал гром.

У подно́жья Машука выбрали площадку. Поспéшно отméтили барьёр и поста́вили противников. Лермонтов стоял у барьёра. В правой руке он держал пистолёт.

«Сходитесь», — торопи́ли секундánты. Лермонтов поднял пистолёт дулом вверх и сказал: «Мартынов, я буду стрелять, но только не в тебя». И выстрелил в воздух. Мартынов с поднятым пистолéтом пошёл прямо на Лермонтова. У барьёра он остано́вился и нерешительно посмотре́л на Васи́льчикова. Поднялся ветер. Падали крупные капли дождя.

«Стреляй!» — крикнул Васи́льчиков. Мартынов прицелился в сердце Лермонтова и выстрелил. Страшный удар грома. В свете молнии секундánты уви́дели, как пистолёт Лермонтова летит вверх, а сам он падает на́взничь. Хлынул дождь. Будто сама приро́да пришла в ярость от того, что произошлó. Гневно гремит гром, хлещет дождь, страшно блещет молния. Она освещает убийц, в ужасе склонившихся над телом поэта.

А в этот самый час почта везла́ на Кавказ секретный приказ царя: поручика Лермонтова ни в каком случае не отдалять от передовых позиций и поручать ему самые опасные дела. В этом приказе уже не было надобности.

В душную ию́льскую ночь под Петербургом, в Павловском парке, был устро́ен пышный праздник. Гремели оркестры. По аллеям парка, разукра́шенным цветными фона́риками, сновала разодетая толпа. Взлетали в воздух фейерверки. Петербургский свет веселился.

В одной из бесéдок парка сидел Николай I. Против него стоял граф Бенкендорф.

«Ваше величество, — говорил Бенкендорф, — полúчены известия о том, что на Кавказе убит на дуэли поэт Лермонтов».

Николай засмеялся:

грозный — ähvardav, julm
предвещать — ennustama
подно́жье — jalam
поспéшно (быстро) — kiiresti
дуло пистолéта — püstolitoru
прицеливаться — sihtima
прицеливаться*
навзничь (лицом вверх, на спину) — selili

ярость (гнев) — gaev
убийца — mõrtsukas
надобность — vajadus
душный — lämmatav
фона́рик — väike latern
сновать — sagima
разодетый — hästi rietatud
фейерверк — ilutulestik
бесéдка — lehtla

«Вы хотели сказать, граф, поручик Лермонтов. Ну что ж? Тудá ему и дорога. Вычеркнуть из списков».

Бенкендорф почтительно наклонил голову.

Трещáли фейерверки. Из павильона неслись танцевáльные мелодии. Праздник продолжáлся.

В июле 1841 года полковые писари вычёркивали имя поручика Лермонтова из списков Тенгинского пехотного полка. Но в эти же самые дни Россия вносила имя великого поэта Лермонтова в списки бессмертных своих сынов.

БЕГЛЕЦ.

(Горская легенда.)

(1838.)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит! —

И скрылся день; клубясь туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

тудá ему и дорога — see on talle ra-
gas
вычёркивать *откуда?* — läbi tõmba-
ma, kustutama
вычеркнуть*
почтительно — aupaklikult
(за)трещать — praksuma
полковой писарь — polgukirjutaja
вносить *куда?* — sisse kandma
внести*
беглец — jooksik

лань (ж. р.) — emahiv
поле брани — поле битвы, поле сра-
жения
пята, пятка — kand
супостат — враг
мщение (месть) — kättemaks
шашка (сабля) — mõök
пыл — tuhin, ägedus
(за)клубиться — pilvena keerlema
пелена — kate, loor
пророк — prohvet

Уста́лый, жаждою томимый,
С лица стира́я кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнаёт;
Подкра́лся он никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С крова́вой битвы невредимый
Лишь он один пришёл домой;

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепя́сь душо́й как только мог,
Гарун ступил через поро́г;
Сели́ма звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый неду́гом
Один, — он, молча, — умира́л...
«Велик алла́х! от злой отра́вы
Он светлым ангелам своим
Велёл беречь тебя для славы!» —

«Что нового?» — спросил Сели́м,
Подня́в слабёющие ве́жды,
И взор блеснул огнём наде́жды!..
И он привста́л, и кровь бойца
Вновь разыгра́лась в час конца́.
«Два дня мы бились в тесни́не;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пусты́не,
Как зверь, пресле́дуем, гоним,
С окровавлёнными ногами
От острых камней и кустов,
Я шёл безвёстными тропáми
По следу вепрей и волков;
Черкёсы гибнут — враг повсю́ду.
Прими́ меня, мой старый друг;
И вот проро́к! твоих усл́г
Я до моги́лы не забуду!..»

томить (мучить) *кого? чем?* — riipa-
та
аул — селенье в гора́х
(под)кра́сться *к кому? к чему?* —
hiilima
незримый — невидимый
блещет — блестит
скрепя́сь душо́й — *südant rindu võt-*
tes
поро́г — lävi
пришелец — тот, кто пришёл

ложе — постель, кровать
неду́г — болезнь
отра́ва — яд; здесь: беда
ве́жды (веки) — silmalaud
тесни́на (ущелье) — mäekitsus, mäe-
kigu
пал — погиб, был убит
пресле́довать *кого?* — jälitama
вепрь (кабан) — metssiga
усл́га — teene

И умирающий в ответ...
 «Ступай — достоин ты презренья.
 Ни крова, ни благословенья
 Здесь у меня для труса нет!...»
 Стыда и тайной муки полный,
 Без гнева вытерпев упрёк,
 Ступил опять Гарун безмолвный
 За неприветливый порог.
 И саклю новую минуя,
 На миг остановился он,
 И прежних дней летучий сон
 Вдруг обдал жаром поцелуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и светло
 Его душе; во мраке ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково пред ним,
 И он подумал: я любим,
 Она лишь мной живёт и дышит...
 И хочет он войти — и слышит,
 И слышит песню старины...
 — И стал Гарун бледней лунь:

Месяц плывёт
 И тих и спокоен,
 А юноша воин
 На битву идёт.
 Ружьё заряжает джигит,
 А дева ему говорит:
 Мой милый, смелее
 Вверяйся ты року,
 Молись востоку,
 Будь верен пророку,
 Будь славе вернее.
 Своим изменивший
 Изменой кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнет без славы,

презренье — põlgus
 благословенье — õnnistus
 миновать (пройти мимо) — möödu-
 та
 летучий (лёгкий) — kerge
 жар — kuumus
 чело (лоб) — laup, otsmik
 пламенный — leegitsev
 очи (глаза) — silmad

заряжать ружьё — laadima püssi
 джигит — ловкий наездник (на Кав-
 казе)
 дева (девушка) — neiu
 рок (судьба) — saatus
 изменять кому? чему? — reetma
 изменить*
 измена — reetmine
 сразить* — tapma, rabama

Дожди его ран не обмоют.
И звери костей не заруют.
Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.

Главо́й пони́кнув, с быстрото́ю
Гарун свой продолжа́ет путь,
И крупная слеза́ поро́ю
С ресни́цы падает на грудь...
Но вот от бури наклонённый
Пред ним родно́й белеет дом;
Наде́ждой снова ободрённый,
Гарун стучи́тся под окном.
Там, верно, тёплые моли́твы
Восхо́дят к небу за него,
Старуха мать ждёт сына с битвы,
Но ждёт его не одного!..

«Мать — отвори́! я странник бедный,
Я твой Гару́н, твой младший сын;
Сквозь пули русские безврёдно
Пришёл к тебе!» — Один? — «Один!..»
— А где отец и братья? — «Пали!
Проро́к их смерть благослови́л,
И ангелы их души взяли».
— Ты отомсти́л? — «Не отомсти́л...
Но я стрело́й пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
— Молчи́, молчи! гяур лука́вый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удали́сь, живи один.
Твоим стыдо́м, беглец свобо́ды,
Не омрачу́ я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверже́нья,
И всё кругом объято сном.

пони́кнуть (опустить голову) — lan-
getama
ресни́ца — gipse
ободрять кого? чем? — ergutama, jul-
gustama
ободрить *
моли́тва — palve
странник — gändur
ангел — ingel

утеша́ть — trõõstima
утешить *
гяур — не магомета́нин
лука́вый (хитрый) — salakaval, ka-
val
омрача́ть что? чем? — tumestama
омрачить *
отверже́нье — needmine
объя́ть (обнять) чем? — hõlmama

Прокля́тья, стоны и моле́нья
 Звуча́ли долго под окно́м;
 И наконёц удар кинжа́ла
 Пресе́к несча́стного позор...
 И мать поу́тру увидáла...
 И хладно отверну́ла взор.
 И труп, от праведных изгна́ний,
 Никто́ к кладби́щу не отнёс,
 И кровь с его глубо́кой раны
 Лизáл рыча домашний пёс;
 Ребята малые ругáлись
 Над хладным телом мертвеца́,
 В преда́ньях вольности оста́лись
 Позо́р и гибель беглеца́. —
 Душа его от глаз проро́ка
 Со страхом удали́лась прочь;
 И тень его в горах восто́ка
 Понёне бродит в тёмну ночь,
 И под окно́м поу́тру рано
 Он в сакли просится стучá,
 Но внемля громкий стих Корáна
 Бежи́т опять под сень тумáна,
 Как прежде бегал от мечá.

прокля́тье — needus
 пресе́чь (кончить) — lõpetama
 позор (стыд) — häbi
 труп — laip
 праведный — нравственно чистый
 изгоня́ть (прогоня́ть) — äga ajama
 изгнать*
 кладби́ще (кладбище) — kalmistu
 (с)лизáть — lakkuma

(за)рыча́ть — urisema
 пёс — собака
 мертвец — koolnu
 вольность (свобода) — vabadus
 внемля (услы́ша) — kuuldes
 корáн — свящённая книга мусуль-
 ма́н
 сень тумáна — udu kate

СОСНА.

На севере диком стои́т одино́ко
На голой верши́не сосна́
И дремлет, кача́ясь, и снегом сыпучим
Оде́та как ризой она́.
И снится ей всё, что в пусты́не далёкой,
В том крае, где солнца восхо́д,
Одна́ и грустна́ на утёсе горя́чем
Пре́красная пальма растёт.

(за)дрема́ть — tukkuma
сыпучий — sõre
риза — güü, gõivas

утёс — kalju
горючий (жаркий, горячий) — kuim

УТЭС.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказание.)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листьев,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кушей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колёблемы вихрем и зноем палимы,

великан — hiiglane
лазурь — светло-синий цвет (неба, моря)
морщина — kurd
восточный (восток) — ida-
сказание (предание; легенда) — muis-
tend
родник (источник, ключ, ручей) —
läte, allikas
бесплодный (плод) — viljatu
(про) журчать — vulisema
пробиваться откуда? — läbi tungima
пробиться*
сень листьев (покров листьев) — leh-
tede vari, kate
знойный (жаркий, горячий) — kuum

летучий — lendav
странник (путник) — rändaja
(за)пылать — leegitsema
влага (вода, сырость) — niiskus,
vesi
студёный (холодный) — külm
куша (шатёр, сень) — vari, telk,
kate
(за)роптать на кого? на что? — puri-
sema
увядать — närbuma
увянуть*
(за)колебать (качать) — kõigutama,
kiigutama
палить (обжигать) — kõrvetama

Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»
И только замолкли — в дали голубой

Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...

благосклонный (благожелательный)
— heatahtlik
приговор — (kohtu)otsus
вьюк — kandan, pakk
челнок (лодка) — paat
верблюд — kaamel

мотаться (качаться) — kõikuma, гар-
рима
горб — küür
узорный (с рисунком) — mustiline
пола — hõlm
шатёр (род палатки) — telk, vari
смуглый — tõmmu

И, стан худошáвый к луке наклоня́,
Араб горячи́л вороно́го коня́.

И конь на дыбы подымáлся поро́й,
И прыгал, как барс, пораже́нный стрелóй;
И белой оде́жды краси́вые складки
По плéчам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по пескú,
Бросáл и лови́л он копьё на скакú.

Вот к пальмам подхо́дит, шумя́, каравáн:
В тени их весёлый раски́нулся стан.
Кувши́ны звуча́ налились водо́ю,
И, гордо кивáя махрóвой главо́ю,
Привéтствуют пальмы неждáнных гостéй,
И щедро пойт их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упáл,
По корням упру́гим топор застучáл,
И пали без жизни питóмцы столéтий!
Оде́жду их со́рвали малые дети,
Изру́блены были телá их потóм,
И медленно жгли их до úтра огнём.

Когда же на запад умчáлся тумáн,
Урóчный свой путь совершáл каравáн,
И следом печáльным на почве беспло́дной
Виднёлся лишь пепел седóй и холо́дный,
И солнце остáтки сухи́е дожгло́,
А ветром их в степи потóм разнесло́.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремúчим ключóм:
Напрáсно пророка о тени он просит —

стан (талия) — piht
худошáвый — kõhn, sale
лук — vibu, amb
вороно́й конь (чёрный) — must ratsu
на дыбы́ — tagumistele jalgadele
püsti
барс (пантэра) — panter
фарис — здесь: наездник
стан (лагерь) — laager
махрóвый (состоящий из множества
листьев) — leherikas

глава́ (головá) — pea, latv
щедро — ohtralt, heldelt
упру́гий (твёрдый, но эластичный) —
vetruv, elastne
пасть (погибнуть) — hukkuma
питóмец — kasvandik
урóчный (установленный, определён-
ный) — kindlaksmääratud
пепел (золá) — tuhk
гремúчий (звонко шумящий) — mü-
risev, kõlisev, kohisev

Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ТАМАНЬ.

Тамань — самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер от голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной телёжке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идёт?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казённой надобности, и стал требовать казённую квартиру. Десятник нас повёл по городу. К которой избё ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к чёрту, только к месту!» — закричал я. — Есть ещё одна фатера, — отвечал десятник, почёсывая затылок: — только вашему благородию не понравится; там нечисто! — Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперёд, и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведённом оградой из булыжника, стояла другая лацужка, менее и древнее первой. Берег

раскалённый (горячий от солнца) —
kuum
коршун — kull
хохлатый — tutiga
нелюдимый (любящий одиночество,
угрюмый) — inimestepeglük, seltis-
matu
терзать (рвать на части) — rebima,
kiskuma
(вы)щипать (п//пл) — katkuma,
päppima
скверный (плохой) — halb, räbal
приморский (при море) — mereäär-
ne
(у)топить — uputama
спросонья — une pealt
дикий — metsik
урядник — maakordnik (tsaristlikul
Venemaal)
десятник — kümnik

казённый — kroonu-
надобность — vajadus
разбойник — göövel
фатера (квартира) — korter
затылок — kukal
ваше благородие — teie suursugusus
нечисто — ebaruhas, ebaaus
ветхий (старый) — vana
хата — крестьянский дом на юге
России, на Украине
камышовый — pilliroo-
обводить что? чем? — ümbritsema
обвести*
ограда (забор) — tara
булыжник (круглый камень) — mu-
pakivi
лацужка (маленькая хата) — onpi-
ke
древний (ветхий, старый) — vana

обрывом опускался к морю почти у самых стен её, и внизу беспрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете её, далеко от берега, два корабля, которых чёрные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона. «Судя в пристани есть, — подумал я: — завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет 14-ти.

«Где хозяин?» — «Не-ма». — «Как? совсем нету?» — «Совсем». — «А хозяйка?» — «Побегла в слободку». — «Кто ж мне отпрёт дверь?» — сказал я, ударив в неё ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднёс её к носу мальчика: она озарила два белые-белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?.. Долго я глядел на него с небольшим сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось, подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что белмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям... .

«Ты хозяйский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота, убогий». — «А у хозяина есть дети?» — «Ни; была дочь, да убежала за море с татаринном». — «С каким татаринном?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошёл в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана свечу, и засветив

обрыв — järsak
ропот — (mere)kohin
плескаться — laksuma
покорный — alistuv
стихия — stiihia, ürg-, loodusjoud
снасти — purjestik
паутина — ämblikuvõrk
небосклон — taevavõlv
сени (коридор) — esik, koridor
побегла — побежала
слободка (большое село, селение) —
küla
отпирать (открывать) — avama
отпереть *
(по)веять — õhkuma

озарять (освещать) — valgustama
озарить *
сожаление — kahjutunne
подозрение — kahtlus
бельмо — kaе
подделывать — järele tegema
подделать *
предубеждение — eelarvamus
убогий — sant, armetu
лавка — широкая скамейка
сундук — kirst, kohver
врываться куда? — sisse tungima
ворваться *
засветить (зажечь) — süütama

её, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружьё, пистолёты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мною во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошёл мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. Я следовал за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шёл так близко от воды, что, казалось, сейчас волна его схватит и унесёт; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдающуюся скалою берега. Спустя несколько минут, с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

«Что, слепой? — сказал женский голос: — буря сильна; Янко не будет». — «Янко не боится бури», — отвечал тот. — «Туман густеет», — возразил опять женский голос, с выражением печали.

расстилать где? — laiali laotama
разостлать*
бурка (плащ из войлока и козьей шерсти на Кавказе) — вичка
(за)храпеть — porskama
мрак (тьма, темнота) — pimedus
пересекать — läbi lõikama
пересечь*
вторично — второй раз
отвес (обрыв) — järsak
бешмет (стеганный полукафтán) — bešmett
опоясывать — võõle panema
опоясать*
(при)таиться — end varjama

поступь (походка) — kõnnak
под мышкой — kaenla all
узел — komps
крутой — järsk
корма (задняя часть судна) — laeva-pära
пена — vaht
валун — большой округлый камень
потопить (утопить) — uputama
крутизна (крутой спуск) — järsak
выдаваться — välja ulatuma
выдаться*
рытина (канавка) — kraav
(по)густеть — tihedamaks muutuma

— В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, — был ответ. «А если он утонет?» — «Ну что ж? в воскресенье ты пойдёшь в церковь без новой ленты».

Последовало молчание; меня однако поразило одно: слепой говорил со мной малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, ударив в ладоши: — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, — это его длинные вёсла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она: — я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекё что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн чёрная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 вёрст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я, с небольшим биением сердца, глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла, и потом, быстро взмахнув вёслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызг пены; и вот, я думал, она ударится с размаха о берег и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из неё вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлён, когда проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему однако ж не сказал причины. Полю-

сторожевой — valve-
судно, судá — laev, laevad
церковь (ж. п.) — kirik
лента — lint, patsipael
поражать — gabama
поразить* (очень удивить)
наречие — (keele)murre
плескать (ск/ш) — loksuma
бредить — sonima
хребет — (lainte)hari
отважный (смелый) — julge
пролив — väin

побуждать к чему? — ergutama, vir-
gutama
побудить*
нырять — sukelduma
нырнуть*
пропасть — kuristik
брызги — pritsmed
с размаха — hooga
вдребезги — kildudeks, pilbasteks
бухта — merelaht
груз — laadung
(по)терять из вида — silmist kaota-
ma

бывавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разбрыванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утёсом, на вершине коего белётся маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы! комендант ничего не мог сказать мне решительного. Судя, стоящие в пристани, были все — или сторожевые, или купеческие, которые ещё даже не начинали нагружаться. «Может быть, дня через три, четыре, придёт почтовое судно, — сказал комендант: — и тогда — мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает, когда мы отсюда уедем! — Тут он ещё больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шёпотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника; он мне знаком, — был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой. . . уж видно, здесь к этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере, показалась ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? у неё нет дочери.

— А бог её знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошёл в лачужку. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глухая, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертёнок, — сказал я, взяв его за ухо: — говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепец заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив? . . . никуды не ходив. . . с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумают, да ещё на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твёрдо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая в даль; предо мной тянулось ночью бурей взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенёс мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся. . . Так прошло около часа, может быть и более. . . Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня,

утёс — kaljurahn
роскошный (богатый) — rikkalik
бедняк (бедный человек) — vaene

(за)ворчать — torisema
однообразный — üksluine

и женский, свежий голосок, — но откуда? . . Прислушиваюсь — напѣв странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом: прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье, с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собою, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелёну морю,
Ходят всё кораблики
Белопарусники.

Промеж тех корабликов
Моя лодочка.
Лодка неснащённая,
Двухвёсельная.

напѣв — viis
полосатый — jooneline
ладонь (ж. р.) — peopesa

Буря ль разыграётся —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везёт моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в тёмну ночь
Буйная головоушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищёлкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивлённая моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим же кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры: пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице её не было никаких признаков безумия; напротив, глаза её с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убежала, коварно улыбаясь.

Решительно я никогда подобной женщины не видывал. Она далеко не красавица, но в ней было много породы... Моей певушке, казалось, не более 18 лет. Необыкновенная гибкость её стана, особенное, только ей свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив её слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно, правильный нос, — всё это было для меня обворожительно. Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл

буйная головоушка (непокорный, своёвольный человек) — tuisupea
вприпрыжку — hüpedes
ундина — русалка — образ, созданный литературой
пристально — teraselt
пронизательность (ж. п.) — teravus

коварно — salakavalalt
гибкость — paindlikkus
стан (талия) — piht
русый (светлый) — hele (juuste koh-ta)
обворожительно — ahvatlev
подозрительный — kahtlane

Гётеву Миньбону, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни. . .

Под вечер, остановив её в дверях, я завёл с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица, — спросил я: — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоёшь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко». — «Кто же тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; вздумается — запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймёт». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю». — «Экая скрытная! а я вот кое-что про тебя узнал» (она не изменилась в лице, не пошевелила губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей всё, что видел, думая смутить её; нimalo! Она захохотала во всё горло. «Много видели, да мало знаете; а что не знаете, так держите под замочком». — «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаться.

Только что смерклось, я велел казаку нагреть чайник походному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, лёгкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этот взор показался мне чудно нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моёю жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизяснимого смущения.

Гёте (Goethe) — немецкий писатель
Миньбона — героиня произведения

Гёте «Вильгельм Мейстер»
переход — üleminek
загадочный — mõistatuslik
кровля — крыша
крестить — ristima
скрытная — kinnine

держатъ под замочком — endale
hoidma
доносить — ette kandma, kaebama
донести *
раскаиваться — kahjatsema
раскаться *

Лицо её было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука её без цели бродила по столу, и я заметил в ней лёгкий трепет; грудь её то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал её в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она как змея скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «нынче ночью, как все уснут, выходи на берег» и стрелою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экий бес-девка!» — закричал казак, расположившийся на солёме и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда всё на пристани умолкло, я разбудил своего казака: «Если я выстрелю из пистолёта, — сказал я ему: — то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолёт и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска: её одежда была более нежели лёгкая, небольшой платок опоясывал её гибкий стан.

— Идите за мной! — сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимая, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц ещё не вставал, и только две звёздочки, как два спасительных маяка, сверкали на тёмно-синем своде. Тяжёлые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдём в лодку», — сказала моя спутница. Я колебался — я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел ещё опомниться, как заметил, что мы плывём. «Что это значит?» — сказал я сердито. — «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками: — это значит, что я тебя люблю». . . И щека её прижалась к моей, и я почувствовал на лице моём её пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватать за пояс — пистолёта нет. О, тут ужасное подзврение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову!

тусклый — tuhm
 бледность — kahvatus
 трепет (дрожание) — värisemine
 огненный — kuum, leegitsev
 объятие — embus
 опрокидывать — ümber ajama
 опрокинуть *

(вы) пучить глазá — silmi pungi ajama, jõllitama
 причаливать — randuma, maanduma
 причалить *
 (за) колебаться — kõhklema, kõikuma
 хватать за пояс — (kiiresti) vööst haarama
 хлынуть — voogama

Оглядываюсь — мне от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть её от себя — она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости. . . «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав её маленькие руки; пальцы её хрустели, но она не вскрикнула: её змеиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видел, — отвечала она: — ты донесёшь! — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; её волосы касались воды; минута была решительная. Я упёрся коленкою во дно, схватил её одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил её в волны.

Было уже довольно темно; голова её мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал. . .

На дне лодки я нашёл половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстреканный любопытством, и прилёг на траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утёса всё, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан её и высокую грудь. Скоро показалась вдаль лодка, быстро приблизилась она; из неё, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ремённым поясом его торчал большой нож. «Янко, — сказала она: — всё пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслышать. — «А где же слепой!» — сказал наконец Янко, возвысив голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

«Послушай, слепой! — сказал Янко: — ты береги то место. . . знаешь? там богатые товары. . . скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте,

сажень — süld
отчаянный — meeleheitlik
бешенство — raev
ловкость — osavus
хрустеть — ragisema
хрустнуть *
пытка — piin
борт — parras

свешиваться — üle rippuma
свеситься *
упираться — toetuma, nõjatuma
уперётся *
подстрекать кем? — tagant ässitama
выжимать — välja väänama
выжать *

а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он полúчнее платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит».

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, промолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну, вот тебе ещё», — и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой её не поднял. Янко сел в лодку; ветер дул от берега: они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между тёмных волн; слепой всё сидел на берегу, и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошёл ко дну.

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружьё обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошёл в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля, — всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утонула? Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да ещё с подорожной по казённой надобности!..

удалец — uljas inimene
надо знать честь — tarvis lõpp teha,
asjal olgu kord juba lõpp
рыдание — nuuksumine

источник (ручей, ключ) — läte
шкатулка — kastike, laegas
оправа — ilustus

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ.

(1818—1883)

ЖИВЫЕ МОЩИ.

Край родной долготерпёнья —
Край ты русского народа!

Ф. Тютчев.

Французская поговёрка гласит: «сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный». Не имев никогда пристрастия к рыбной ловле, я не могу судить о том, что испытывает рыбак в хорошую ясную погоду и насколько, в ненастное время, удовольствие, доставляемое ему обильной добычей, перевешивает неприятность быть мокрым. Но для охотника дождь — сущее бедствие. Именно такому бедствию подверглись мы с Ермолаём в одну из наших поёздок за тетеревами в Белевский уезд. С самой утренней зари дождь не переставал. Уж чего-чего мы не делали, чтобы от него избавиться! И резиновые плащики чуть не на самую голову надевали, и под деревья становились, чтобы помёньше капало... Непромокаемые плащики, не говоря уже о том, что мешали стрелять, пропускали воду самым бесстыдным образом; а под деревьями — точно, на первых порáх, как будто и не капало, но потом вдруг накопившаяся в листвé влага прорывáлась, каждая ветка обдавала нас как из дождевой трубы,

мощи — (pühaku) säilmed
живые мощи — elav surnu (kõhna
inimese kohta)
край долготерпёнья — paljukannata-
pid maa
гласит — говорит
пристрастие — kiindumus
испытывать (чувствовать) — tundma
испытать *
ненастный — vihmane
обильный (богатый) — rikkalik
перевешивать — üle kaaluma
перевесить *

бедствие (несчастье) — õnnetus, hä-
da
тетерев — teder
пропускать — läbi laskma
пропустить *
бесстыдным образом — häbematul
kombel
влага (вода) — niiskus, vesi
обдавать чем? — üle uhtuma, üle va-
lata
обдать *

холодная струйка забира́лась под галстук и текла́ вдоль спинно́го хребта́... А уж это последнее дело! как выражался Ермолай. — Нет, Пётр Петрович, — воскликнул он, наконец. — Эдак нельзя!.. Нельзя сегодня охотиться. Собакам чутьё заливает, ружья осекаются... Тьфу! Задача!

— Что же делать? — спросил я.

— А вот что. — Поедьте в Алексеевку. Вы, может, не знаете — хуторок такой есть, — матушке вашей принадлежит; отсюда вёрст восемь. Переночуем там, а завтра...

— Сюда вернёмся?

— Нет, не сюда... Мне за Алексеевкой места известны... многим лучше здешних для тетеревов!

Я не стал спрашивать моего верного спутника, зачем он не повёз меня прямо в те места, и в тот же день мы добрались до матушкина хуторка, существования которого я и не подозревал до тех пор. При этом хуторке оказался флигелёк, очень ветхий, но нежилой и потому чистый; я провёл в нём довольно спокойную ночь.

На следующий день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; всё кругом блесло сильным двойным блеском: блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока мне закладывали таратайку, я пошёл побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелёк своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов! На крыльях своих они наверно унесли капли росы, и песни их казались орошёнными росью. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно — всею грудью... На склоне неглубокого оврага, возле самого плетня, виднелась пасека; узенькая тропинка вела к ней, извираясь змейкой между сплошными стенами бурьяна и крапивы, над которыми высились, бог ведаёт откуда занесённые, остроконечные стебли темно-зелёной конопли.

струйка (струя) — nire
спинной хребет — selgroog
чутьё — haistmine
осекаются (ружьё) — mitte lahti mi-
nema
осе́чься *
хуторок (хутор) — talu
подозревать — aimama
флигелёк (флигель) — tiibhoone, hoo-
vimaaja
нежилой — tühi, asustamata
двойной — kahekordne
ливень (р. п. — ливня) — paduvihm
таратайка — kaarik
одичалый — metsistunud
пахучий (душистый) — lõhnav

глушь (ж. р.) — padrik
жаворонок — lõoke
бисер — klaashelmed
орошать — niisutama
оросить *
склон — põlvak
овраг — org
плетень (р. п. — плетня) — põimitud
tara
пасека — mesila
извиваться — looklema
змейка (змея) — uss, madu
бурьян — umbrohi
крапива — põges
конопля — kanep

Я отправился по этой тропинке; дошёл до пасеки. Рядом с нею стоял плетёный сарайчик, куда ставят ульи на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой. В углу приспособлены подмостки и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошёл было прочь...

— Барин, а барин! Пётр Петрович! — послышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки. Я остановился.

— Пётр Петрович! Подойдите, пожалуйста! — повторил голос. Он доносился до меня из угла с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое?!

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая, — ни дать, ни взять — икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, — только зубы белёют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди жёлтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что на нём, по металлическим его щекам, я вижу — силится... силится и не может расплываться улыбка.

— Вы меня не узнаете, барин? — прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. — Да и где узнать! — Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила... помните, я ещё запева́лой была?

— Лукерья! — воскликнул я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, барин, — я. Я — Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломлённый глядел на это тёмное, неподвижное лицо, с устремлёнными на меня светлыми и мёртвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия — Лукерья,

плетёный — punatud
мята — piparmünt
подмостки — narid
сиплый — káhe
шелест — kahin
осо́ка — tarn
остолбенеть (от чего?) — tarduma
(nagu post)
бронзовый — pronks-
икона старинного письма — vana-
aegne, antiikne ikoon
лезвие — tera
жидкий — harv
прядь (ж. р.) — salk
перебирать пальцами — liigutama
sõrmi

крошечный — tilluke
необычайный — ebaharilik
силиться (стараться) — püüdma
расплываться (улыбка) — laiali val-
guma
расплываться*
водить хороводы — ringmänge män-
gima
запева́ла — eeslaulja
ошеломлять — gabama
ошеломить*
устремлять (глаза, взгляд) — suuna-
ma
устремить*
мертвенный — tardunud (silmad)

первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!

— Помилуй, Лукерья, — проговорил я наконец, — что это с тобой случилось?

— А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастьем моим, — сядьте вон на кадучечку — поближе, а то вам меня не слышно будет... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увидела вас! Как это вы в Алексеевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остановки.

— Меня Ермолай-охотник сюда завез. Но расскажи же ты мне...

— Про беду-то мою рассказать? — Извольте, барин. — Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василю Полякова — помните, такой из себя статный был, кудрявый, — ещё буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учиться. — Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; — а дело было весной. Вот раз ночью... уж и до зары недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поёт сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается... и вдруг мне почудилось: зовёт меня кто-то Васиным голосом, тихо так: — Луша!.. Я глядь в сторону, да знать спросонья — оступилась, так прямо и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось. Дайте дух перевести... с минуточку... барин.

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на неё. Изумляло меня собственно то, что она расскажи свой вела почти весело, без охов и вздохов, несколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

— С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала

дворня — *mõisa teenijaskond*
румяный — *punarõseline*
стряслась беда — случилось несчастье
(по)брезговать — *põlgama, jälgiks pidama*
(по)гнушаться — *põlastavaks pidama*
кадучечка (кадка, кадучка) — *pütt, kipp*
голосистый — *kõlava häälega*
помолвить — *kihlama*
статный — *sihvakas*

буфетчик — *teenija puhveti juures*
мне почудилось — *mulle näis*
спросонья* — *une pealt*
оступаться — *mööda astuma*
оступиться*
расшибиться — *end ära lööma*
утроба — *sisikond*
дух перевести — *hinge tõmbama*
напрашиваться на что? — *vägisi tahtma, provotseerima*
напроситься*

я сохнуть, чахнуть; чернота́ на меня нашлá, трудно мне стало ходить, а там уже — полно и нога́ми владеть; ни стоять, ни сидеть не могу: всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется; всё хуже, да хуже. Матушка ваша по добротé своей и лекаря́м меня показывала, и в больни́цу посылáла. Одна́ко, облегче́нья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что за болéзнь у меня такая. Чего они со мной только не делали: желе́зом раскалённым спину жгли, в колотый лёд сажáли — и всё ничего. Совсем я окостене́ла под коне́ц... Вот и пореши́ли господá, что лечить меня больше нечего, а в барском доме держа́ть кале́к неспособно... ну, и пересла́ли меня сюда́ — потому тут у меня родственники есть. Вот я и живу́, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять си́лилась улыбнуться.

— Это, одна́ко же, ужасно, твоё положéние! — воскликнул я... и не зная, что прибáвить, спросил: — а что же Поляко́в Василий? — Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвелá глаза немного в сторону.

— Что Поляко́в? — Потужил, потужил — да и жени́лся на другой, на девушке из Гли́нного. Знаете Глинное? От нас недалеко. Аграфéной её звали. Очень он меня любил, — да ведь человек молодой — не оставáться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашёл себе хорошую, добрую, — и детки у них есть. Он тут у сосéда в приказчиках живёт: матушка ваша по паспорту его отпусти́ла, и очень ему, слава богу, хорошо.

— Итак, ты всё лежишь да лежишь? — спросил я опять.

— Вот так и лежу, барин, седьмо́й годо́к. Летом-то я здесь лежу, в этой плету́шке, а как холодно станет — меня в предба́нник перенесу́т. Там лежу.

— Кто же за тобой ходит? Присма́тривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставля́ют. Да и ходьбы́ за мной немного. Есть-то, почитай, что не ем ничего́, а вода — вон она в кружке-то: всегда стоит припасённая, чистая, ключевáя вода. До кружки-то я сама дотяну́ться могу: одна рука у меня ещё действовать может. Ну, девочка тут есть, сирóтка; нет, нет — да и навéдается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы её не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она

(за)чахнуть — kiduraks muutuma
лекарь (врач) — arst
облегче́нье — kergendus
раскаля́ть — kuumaks ajama
раскаля́ть*
(о)костене́ть — luustuma
кале́ка — sant, vigane
неспособно — здесь: неудобно
(по)тужить — kurtma
холостой — poissmees
приказчик — (mõisa) kubjas

плету́шка — плетённый сарайчик
предба́нник — sauna eesruum
ходить за кем? — ухаживать за кем?
ходьба́ — siin: hoolitsemine
припасáть — varuma
припасти́*
ключевóй — allika (vesi)
сирóтка — vaeslaps
навéдываться (посещать) — külastama
навéдаться*

цветы мне носит; большая я до них охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, — были да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши; пахнут ещё лучше садовых. Вот хоть бы ландыш... на что приятнее!

— И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень трудно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным ещё хуже бываёт.

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветёт или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может: а меня сам грех отошёл. Да я, должно быть, и этим самым мысленным грехом не больно грешна, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился. — Ты всё одна и одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты всё спишь?

— Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже; не даёт спать, как следует. Нет... а так лежу я себе, лежу-полёживаю, — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчёлы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдёт с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — а мне очень приятно. В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! — Одна влетит, к гнездышку припадёт,

большая охотница *до чего?* — väga
argmastama midagi
переводиться — ära kaduma, välja
surema
перевестись *
жутко — õudne
обтерпиться — harjuma (õnnetusega,
valuga)
пристанище — peavari
крот — mutt
гречиха — tatar
(про)гневить — pahandama kedagi
(со)грешить — patustama
грех — patt

грешный — patune
приучать *к чему?* — harjutama, õpe-
tama
приучить *
(за)нять (ною, ношь) — valutama,
tuikama
нутро — sisikond
(по)чуть (чувствовать) — tundma
(за)ворковать — kudrutama
наседка (наседочка) — hauduja (ka-
na)
позапрошлый — tunamullune (aasta)
занятно — интересно

деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесётся, а детки тотчас — ну пищать, да клювы раззевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорытился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господá-охотники, злые!

— Я ласточек не стреляю, — поспешил я заметить.

— А то раз, — начала опять Лукерья, — вот смеху-то было! Заяц забежал, право! Собаки, что ли, за ним гнались, только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близёхонько — и долго-таки сидел, — всё носом водил и усáми дёргал — настоящий офицёр! И на меня смотрёл. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся — да и был таков. Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала пересохшие губы.

— Ну, зимбю, конечно, мне хуже — потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать всегда охотница была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать её книгу-то? Отец Алексей мне, для рассеянности, принёс календарь; да видит, что пользы нет, взял да унёс опять. Однако, хоть и темно, а всё слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет. — Вот тут-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу богу наскучать? О чём я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест — значит меня он любит. Так нам велено это понимать.

Прошло минуты две. Я не нарушал молчания и не шевелился на узенькой кадúшке, служившей мне сиденьем. Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого, несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенёл.

— Послушай, Лукерья, — начал я наконец. — Послушай, какое я тебе предложенье сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую, городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя ещё вылечат? Во всяком случае ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровьями. — Ох, нет, барин, —

раззевать — laiali ajama (nokka)
(по)корытиться — ahnitsema
усы — vurrud
порог — lävi
да и был таков! — ja kadus!
забавно — интересно
ей в угоду — tema meeleheaks
для рассеянности — siin: meelelahutuseks

сверчок — kilk
молитва — palve
наскучать (надоедать) кому? — tüütama
сиденье — istekoht
неподвижность (ж. р.) — liikumatus
оцепенеть — tarduma
бровь (ж. р.) — kulm

промóлвила она озабóченным шёпотом, — не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше мýки примú. — Уж куда меня лечить!.. Вот как-то раз доктор сюда приезжа́л; осмáтривать меня захотел. Я его прошу: не трево́жьте вы меня, христа ра́ди. Куда! Переворáчивать меня стал, руки, ноги размина́л, разгиба́л; говорит: это я для учёности делаю; на то я служащий человек, учёный! И ты, говорит, не проти́вься мне, потому что мне за мои труды́ орден на шею дан, и я для вас же, дурако́в, стара́юсь. Потормоши́л, потормоши́л меня, назвал мне мою болезнь — мудрено́ таково́ — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смиренная — не меша́ю. Девушки крестья́нские зайдут, поговоря́т; странница забредёт, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святы́е городá. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей! Барин, не трогайте меня, не возите в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

— Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полага́л.

— Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдёт? Сам себе человек помога́й! Вы вот не пове́рите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете кроме меня нету. Только одна я — жива́я. И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмёт меня размышле́ние — даже удивительно!

— О чём же ты тогда размышля́ешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя́ сказать: не растолку́ешь. Да и забывáется оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо́ так, хорошо станет, а что такое было — не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, кроме своего несча́стья.

Лукерья вздохну́ла с трудом. Грудь ей не повиновáлась — так же, как и остальные члены.

— Как погляжу́ я, барин, на вас, — начала она снова, — очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалёйте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я в своё время была весёлая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

— Песни?.. Ты?

озабóченный — murelik
 мýка — piin
 христа́ ра́ди — jumala p̄arast, jumala
 nimel
 размина́ть — painutama, sõtkuma
 разгиба́ть — lahti painutama
 разогну́ть *

проти́вься — vastu panema
 (по)тормоши́ть — väntsutama
 странница — (palve-)rändaja
 осеня́ть — sähvatama (mõte)
 осенить *
 размышле́ние — mõtisklus
 бой-девка — terane tüdruk

— Да, песни, старые песни, хороводные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовых не пою. В теперешнем моём звании — оно не годится.

— Как же ты поёшь их... про себя?

— И про себя и голосом. Громко-то не могу, а всё — понять можно. Вот я вам сказывала — девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я её выучила; четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Пойдите, я вам сейчас...

Лукерья собралась с духом... Мысль, что это полумёртвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде, чем я мог промолвить слово, — в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... за ним последовал другой, третий. «Во лужах» пела Лукерья. Она пела, не изменив выражения своего окаменёлого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, как струйка дыма, колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость нескáзанная стиснула мне сердце.

— Ох, не могу! — проговорила она вдруг, — силушки не хватает... Очень уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на её крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня — и её тёмные веки, опущенные золотистыми ресницами, как у древних статуи, закрылись снова. Спусти мгновенье, они заблестали в полутьме... Слезá их смочила.

Я не шевелился по-прежнему.

— Экая я! — проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой, и, раскрыв широко глаза, постаралась сморгнуть с них слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случилось... с самого того дня как Поляков Вася у меня был прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал — ну, ничего; а как ушёл он — поплакала я-таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слёзы некупленные. — Барин, — прибавила Лукерья, — чай у вас платочек есть... Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить её желание — и платок ей оставил. Она сперва отказывалась... на что, мол, мне такой подарок? Платок был очень простой, но чистый и белый. Потом она охва-

плясово́й — tantsu-
в моём звáнии (в моём положéнии)

— siin: minu olukorras

понятливый — terane, arusaaja
собрáться с духом — jõudu koguma
ужас — õudus

трогательно — liigutavalt

струйка дыма — suitsu viirg

жалость — haledus, hale meel

нескáзанный — ütlemata, tugev

стискивать (жать) — kokku pigistama, suruma

стиснуть *

веки — laud

опущённый — äärestatud

ресницы — ripsmed

сморгнуть — ära pilgutama

чай — на pewno

(по)брезговать — jälgiks pidama

ти́ла его своими слабыми пальцами и уже не разжа́ла их более. Привыкнув к темноте, в которой мы оба находились, я мог ясно различить её черты, мог даже замéтить тонкий румянец, проступивший сквозь бронзу её лица, мог откры́ть в этом лице, так по крайней мере мне казало́сь, — следы́ его быва́лой красоты́.

— Вот вы, барин, спрашивали меня, — заговори́ла опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я точно редко, но всякий раз sny вижу, — хорошие sny! Никогда я большо́й себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: просну́сь я — потяну́ться хочу хороше́нко — а я вся как скованная. Раз мне какой чуде́сный сон присни́лся! Хотите расскажу вам? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!.. И будто со мной соба́чка рыженькая, злющая-презлющая — всё укуси́ть меня́ хочет. И будто в рука́х у меня серп, и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похо́ж бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать до́чиста. Только очень меня от жары́ растомило, и месяц меня́ слепи́т, и лень на меня́ нашла́; а кругом васильки растут, да такие крупные! И все ко мне головками поверну́лись. И думаю я: нарву я этих василько́в; Вася прийти́ обеща́лся — так вот я себе вено́к сперва совью́; жать-то я ещё успею. Начинаю я рвать васильки́, а они у меня проме́ж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе веноч свить. А между тем я слышу — кто-то уж идёт ко мне, близко таково́, и зовет: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда́ — не успела! Всё равно, надéну я себе на голову́ этот месяц, за́место васильков. Надеваю я месяц, ровно как коко́шник, и так сама сейчас вся засия́ла, всё поле кругом освети́ла. Глядь — по самым верху́шкам колосьев катит ко мне скорёхонько — только не Вася — а сам Христо́с! И почему я узнала, что этот Христо́с — сказать не могу, — таким его не пишут, — а только он! Безборо́дый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протя́гивает. — «Не бойся, говорит, неvéста моя разу́бранная, ступа́й за мною; ты у меня в царстве небе́сном хоро́бды води́ть будешь и песни играть райские». — И я к его ручке как прильну́ — собака моя сейчас меня за ноги... Но тут мы взвились! Он впереди́... Крылья у него по-всему небу разверну́лись, длинные, как у чайки, — и я за ним! И собака должна

румянец — puna
потяну́ться — end sirutama
(с)ковать — aheldama
злющий — очень злой
месяц — poorkuu
растомить — väsitama
(о)слепить — pimestama
василёк (р. п. — василька) — rukki-
lill
хоть ты что! — tee mis tahes!

коко́шник — kokošnik, vene naiste
peaehe
разу́бранный (украшенный) — ehitud
царство небе́сное — taevariik
райский — paradiisi-
(при)льнуть — liibuma
(вз)виться — õhku tõusma
разверну́ться — laiali laotuma
чайка — kajakas

отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болёзнь моя и что в царстве небёсном ей уже места не будет.

Лукерья умолкла на минутку.

— А то ещё видела я сон, — начала она снова, — а быть может это было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетúшке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тяжесть сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покóнчила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потóм сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке рассказа́ла. Только он так полагаёт, что это было не видение, потому что видения бывают одному духовному чину.

— А то вот ещё какой мне был сон, — продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я эдак будто на большой доро́ге под раки́той, палочку держу острúганную, котóмка за плеча́ми и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомóлье. И прохóдят мимо меня всё странники; идут они тихо, словно нехотя, всё в одну сторону; лица у всех унылые и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьётся, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, строгое. И будто все другие от неё сторонятся; а она вдруг верть — да прямо ко мне. Остановилась и смотрит; а глаза у неё, как у сокола, жёлтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я её: кто ты? — А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне чтобы испугаться, а я напротив — рада-радехонька. И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, — но взять я тебя с собою не могу. — Прощай!» Господи! как мне тут грустно стало!.. «Возьми меня», говорю, «матушка, голубушка, возьми!» — И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговáривать.. Понимаю я, что означает она мне мой час, да непонятно так, неясно.. После, мол, петрóвок.. С этим я просну́лась.. Такие-то у меня бывают сны удивительные!

видение — nägemus
(по)чудиться — näima
(по)мучиться — piinlema
полагать — oletama
духовный чин — vaimulik
раки́та — rajü
(о)стругать — vestma
котóмка — leivakott

странник — (palve-)rändur
(за)метаться — visklema
(по)сторониться — kõrvale hoidma
сокол — pistrük (kull)
выговáривать — noomima
петрóвки — paast enne peetri päeva

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдёт, а я не засну ни разу. В прошлом году барыня одна проезжала, увидела меня да и дала мне скляночку с лекарством против бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мне помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и как его получить?

Проезжавшая барыня очевидно дала Лукерье опиума. Я обещался доставить ей такую же скляночку и опять-таки не мог не подивиться вслух ее терпенью.

— Эх, барин! — возразила она. — Что вы это? Какое такое мое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу простоял! А другой угонник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели... А то вот ещё мне рассказывали: была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителей они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И появившись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море. А только прогнавши их, говорит им: теперь вы меня сожгите, потому что такое было моё обещание, чтобы мне огненную смертью за свой народ помереть. — И агаряне её взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда освободился! Вот это подвиг! А я что!

Подивился я тут про себя, куда и в каком виде зашла легенда об Иоанне д'Арк, и, помолчав немного, спросил Лукерью: сколько ей лет?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будет. Да что их считать, год-то! Я вам ещё вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — заметил я ей, — это может тебе повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно, — разговору нашему конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я стал прощаться с нею, повторил ей моё обещание прислать ей лекарство, попросил её ещё раз хорошенько подумать и сказать мне — не нужно ли ей чего?

— Ничего мне не нужно; всем довольна, слава богу, —

склянка (скляночка) — pudel
бессонница — unepuudus
столб — post
угонник — pühak
агаряне — türklesed, muhameedla-
sed
девственница — neitsi
латы — gaudrüü

огненный — tule-
докладывать — ette kandma, jutusta-
ma
доложить *
(по)вредить — kahjustama
отводить душу — kergendama sü-
dant
отвести * душу

с величайшим усилием, но умиленно произнесла она. — Дай бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно... Они бы за вас богу помолились... А мне ничего не нужно, — всем довольна.

Я дал Лукерье слово исполнить её просьбу, и подходил уже к дверям... она подозвала меня опять.

— Помните, барин, — сказала она и чудное что-то мелькнуло в её глазах и на губах, — какая у меня была коса? Помните — до самых колён! Я долго не решалась... Эдакие волосы!.. Но где же их было расчёсывать? В моем-то положении!.. Так уж я их и обрезала... Да... Ну, простите, барин! Больше не могу...

В тот же день, прежде чем отправиться на охоту, был у меня разговор о Лукерье с хutorским десятским. Я узнал от него, что её в деревне прозывали «Живые Мощи», что, впрочем, от неё никакого не видать беспокойства: ни ропота от неё не слышать, ни жалоб. — «Сама ничего не требует, а напротив — за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убитая» — так заключил десятский — «стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать её — нет, мы её не осуждаём. Пушай её!»

*

Несколько недель спустя, я узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и «после петровок». Рассказывали, что в самый день кончины она всё слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять вёрст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шёл не от церкви, а «сверху». — Вероятно она не посмела сказать: с неба.

умиленно — heldinult
обрók — kruntrent, obrok
десятский — (küla)kümnik
ропот — nurin
тихоня — vagur
осуждátь — hukka mõistma
осудить *

скончátься (умереть) — surema
день кончины — surmapäev
будничный — argipäev
звон — helin

НИКОЛАИ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(1828—1889)

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

(Отрывок из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».)

... Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин) ... Рахметов был из фамилии, известной с XIII века, то есть одной из древнейших не только у нас, а и в целой Европе... Отец (его) служил без удачи и без падений, в сорок лет вышел в отставку генерал-лейтенантом и поселился в одном из своих поместий, разбросанных по верховью Медведицы. Поместья были, однако ж, не очень велики, всего душ тысячи две с половиною, а детей на деревенском досуге явилось много, человек восемь; наш Рахметов был предпоследний, моложе его была одна сестра; потом наш Рахметов был уже человек не с богатым наследством: он получил около четырехсот душ да семь тысяч десятин земли. Как он распорядился с душами и с пятью тысячами пятьюстами десятинами земли, это не было известно никому, не было известно и то, что за собою оставил он тысячу пятьсот десятин, да не было известно и вообще то, что он помещик и что, отдавая в аренду оставленную за собою долю земли, он имеет всё-таки ещё до трёх тысяч рублей дохода... Это мы узнали после, а тогда полагали, конечно, что он одной фамилии с теми Рахметовыми, между которыми много богатых помещиков, у которых, у всех однофамильцев вместе, до семидесяти пяти тысяч душ по верховьям Медведицы, Хопра, Суры и Цны, которые бессменно бывають уездными предводителями тех мест, и не тот, так другой постоянно бывають губёрнскими предводителями то в той, то

порода — sugu, liik, rass
падение — langus
поместье — имение
разбросать — laiali pilduma
разбросить *
верховье — jõe ülemvool
предпоследний — eelviimane

наследство — pärandus
десятина — 1,092 ha
распоряжаться — korraldusi andma,
toimima
распорядиться *
бессменно — vahetpidamata, alaliselt

в другой из трёх губерний, по которым текут их крепостные верховья рек. И знали мы, что наш знакомый Рахметов проживает в год рублей четыреста; для студента это было тогда очень не мало, но для помещика из Рахметовых уже слишком мало. . .

Теперь ему было двадцать два года, а студентом он был с шестнадцати лет; но почти на три года он покидал университет. Вышел из второго курса, поехал в поместье, распорядился, победив сопротивление опекуна, заслужив анафему от братьев и достигнув того, что мужья запретили его сёстрам произносить его имя; потом скитался по России разными манерами: и сухим путём, и водою, и тем и другою по-обыкновенному и по-необыкновенному, — например, и пешком, и на расшивах, и на лодках, имел много приключений, которые все сам устраивал себе; между прочим, отвёз двух человек в Казанский, пятерых в Московский университет, — это были его стипендиаты, а в Петербург, где сам хотел жить, не привёз никого, и потому никто из нас не знал, что у него не четыреста, а три тысячи рублей дохода. . .

Но если никому из петербургских знакомых Рахметова не были известны его родственные и денежные отношения, зато все, кто его знал, знали его под двумя прозвищами; одно из них. . . «ригорист»; его он принимал с обыкновенною своею лёгкою улыбкою мрачного удовольствия. Но когда его называли Никитушкою, или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыбался широко и сладко и имел на то справедливое основание; потому что не получил от природы, а приобрёл твёрдостью воли право носить это славное между миллионами людей имя. Но оно гремит славою только на полосе в сто верст шириною, идущей по восьми губерниям; читателям остальной России надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет двадцать-пятнадцать тому назад, был гигант геркулесовской силы; пятнадцати вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил пятнадцать пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за четырёх человек. Когда судно приставало к городу, и он шёл на рынок, по-волжскому на базар, по дальним переулкам раздавались крики парней: «Никитушка Ломов идёт, Никитушка Ломов идёт!» — и все бежали на улицу,

сопротивление — vastuseis
опекун — hooldaja
заслужить анафему — ära teenima
needmist
(по)скитаться — rändama, ümber hulkuma

расшива — большая лодка
прозвище — hüüdnimi
ригорист — здесь: революционер
мрачный — süngevõitu
плотный — tüse

ведущую с пристани к базару, и толпа народа валила вслед за своим богатырём.

Рахметов в шестнадцать лет, когда приехал в Петербург, был с этой стороны обыкновенным юношей довольно высокого роста, довольно крепким, но далеко не замечательным по силе: из десяти встречных его сверстников, наверное двое сладили бы с ним. Но на половине семнадцатого года он вздумал, что нужно приобрести физическое богатство, и начал работать над собою. Стал очень усердно заниматься гимнастикой; это хорошо, но ведь гимнастика только совершенствует материал, надо запасаться материалом. И вот на время, вдвое большее занятий гимнастикой, на несколько часов в день, он становился черноработчим по работам, требующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пилил лес, тесал камни, копал землю, ковал железо; много работ он проходил и часто менял их, потому что от каждой новой работы, с каждой переменою, получают новое развитие какие-нибудь мускулы. Он принял боксёрскую диету: стал кормить себя, — именно кормить себя, — исключительно вещами, имеющими репутацию укреплять физическую силу, больше всего бифштексом, почти сыром, и с тех пор всегда жил так. Через год после начала этих занятий он отправился в своё странствование и тут имел ещё больше удобства заниматься развитием физической силы: был пахарем, плотником, перевозчиком и работником всяких здоровых промыслов; раз даже прошёл бурлаком всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска. Сказать, что он хочет быть бурлаком, показалось бы хозяину судна и бурлакам верхом нелепости, и его не приняли бы; но он сел просто пассажиром, подружившись с артелью, стал помогать тянуть лямку и через неделю запрягся в неё, как следует настоящему рабочему; скоро заметили, как он тянет, начали пробовать силу, — он перетягивал троих, даже четверых самых здоровых из своих товарищей; тогда ему было двадцать лет, и товарищи его по лямке окрестили его Никитушкой Ломовым, по памяти герба, уже сошедшего тогда со сцены. На следующее лето он ехал на пароходе; один из простонародия, толпившегося на палубе, оказался его прошлогодним сослуживцем по лямке и таким-то образом его спутники студенты узнали, что его следует

пристань — sadam
(по)валить за кем? за чем? — mur-
runa tormama
богатырь — vägilane
сверстник — ühevanune
сладить с кем? — jagu saama kel-
lestki
тесать камни — kive tahuma
странствование — rändamine

нелепость — mõttetus
лямка — õlapeal
запрягаться — end ette rakendama
запречься*
(о)крестить — ristima
сошедший со сцены — kadunud, te-
gevusalalt lahkunud
простонародие — lihtrahvas
сослуживец — kaasteenija

звать Никитушкою Ломовым. Действительно, он приобрёл и, не щадя времени, поддерживал в себе непомерную силу.

«Так нужно, — говорил он, — это даёт уважение и любовь простых людей. Это полезно, может пригодиться».

Это ему засело в голову с половины семнадцатого года, потому что с этого времени и вообще начала развиваться его особенность. Шестнадцати лет он приехал в Петербург обыкновенным, хорошим, кончившим курс гимназистом, обыкновенным добрым и честным юношею и провёл месяца три, четыре по-обыкновенному, как проводят начинающие студенты. Но стал он слышать, что есть между студентами особенно умные головы, которые думают не так, как другие, и узнал с пятюк имён таких людей, — тогда их было ещё мало. Они заинтересовали его, он стал искать знакомства с кем-нибудь из них; ему случилось сойтись с Кирсановым, и началось его перерождение в особенного человека, будущего Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерывал его слова восклицаниями проклятий тому, что должно погибнуть, благословений тому, что должно жить. «С каких же книг мне начать читать?» Кирсанов указал. Он на другой день уже с восьми часов утра ходил по Невскому, от Адмиралтейской до Полицейского моста, выжидая, какой немецкий или французский книжный магазин первый откроется, взял, что нужно, и читал больше трёх суток сряду, — с одиннадцати часов утра четверга до девяти часов вечера воскресенья, — восемьдесят два часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи нехватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов пятнадцать. Через неделю он пришёл к Кирсанову, потребовал указаний на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хоть ему было только семнадцать лет, а им уж по двадцать одному году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уж он был особенным человеком.

Какие задатки для того лежали в его прошлой жизни? Не очень большие, но лежали. Отец его был человек деспотического характера, очень умный, образованный, и ультра-консерватор, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно ещё ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжёлого характера мужа, да и видел он что в деревне! . . . За несколько времени перед тем, как вышел он из университета и отправился в своё поместье, потом в странствование по России, он

не щадя времени — *aega arvesta-
mata*
непомерный — очень большой
засесть в голову — *pähe kindlasti pü-
sima jääma*

перерождение — *ümbersünd*
проклятие — *needus*
благословение — *õnnistus*
(по)валиться — *üंबर kukkuma*
задаток — *eeldus*

уже принял оригинальные принципы и в материальной, и в нравственной, и в умственной жизни, а когда он возвратился, они уже развились в законченную систему, которой он держался неуклонно. Он сказал себе: «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». А натура была кипучая. «Зачем это? Такая крайность вовсе не нужна». — «Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности».

Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы сделаться и продолжать быть Никитушкой Ломовым, ему нужно было есть говядину, много говядины, — и он ел её много. Но он жалел каждой копейки на какую-нибудь пищу, кроме говядины; говядину он велел хозяйке брать самую отличную, нарочно для него самые лучшие куски, но остальное ел у себя дома всё только самое дешёвое. Отказался от белого хлеба, ел только чёрный за своим столом. По целым неделям у него не бывало во рту куска сахара, по целым месяцам никакого фрукта, ни куска телятины или пулярки. На свои деньги он не покупал ничего подобного: «Не имеею права тратить деньги на прихоть, без которой могу обойтись», — а ведь он воспитан был на роскошном столе и имел тонкий вкус, как видно было по его замечаниям о блюдах; когда он обедал у кого-нибудь за чужим столом, он ел с удовольствием многие из блюд, от которых отказывал себе в своём столе, других не ел и за чужим столом. Причина различия была основательная: «То, что ест, хотя по временам, простой народ, и я могу есть при случае. Того, что никогда недоступно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хотя несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь сравнительно с моею». Поэтому, если подавались фрукты, он абсолютно ел яблоки, абсолютно не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест. Паштеты ел потому, что «хороший пирог не хуже паштета, и слоёное тесто знакомо простому народу», но сардинок не ел. Одевался он очень бедно, хоть любил изящество, и во всём

принцип — pōhimōte
 неуклонно — kindlalt
 (при)касаться — puutuma
 кипучий — keev
 наслаждение — nauding
 пристрастие — tuju, kapriis
 убеждение — veendumus
 надобность (ж. р.) — vajadus
 суровый — karm
 образ жизни — eluviis, elulaad

говядина — loomaliha
 телятина — vasikaliha
 пулярка — kanaliha
 прихоть — kapriis, tuju
 роскошный стол — rikkalik toit (laud)
 блюдо — roog, liud
 стеснять — kitsendama
 стеснить*
 слоёное тесто — muretaigen
 изящество — elegants

остальном вёл спартанский образ жизни; например, не допускал тюфяка и спал на войлоке, даже не разрешая себе свернуть его вдвое.

Было у него угрызение совести, — он не бросил курить: «Без сигары не могу думать; если действительно так, я прав; но, быть может, это слабость воли». А дурных сигар он не мог курить, — ведь он воспитан был в аристократической обстановке. Из четырёхсот рублей его расхода до ста пятидесяти выходило у него на сигары. «Гнусная слабость», как он выражался. Только она и давала некоторую возможность отбиваться от него: если уж начнёт слишком доезжать своими обличениями, доеждаемый скажет ему: «Да ведь совершенство невозможно, — ты же куришь», — тогда Рахметов приходил в двойную силу обличения, но большую половину укоризн обращал уже на себя, обличаемому всё-таки доставалось меньше, хоть он не вовсе забывал его из-за себя.

Он успевал делать страшно много, потому что и в распоряжении временем положил на себя точно такое же обуздание прихотей, как и в материальных вещах. Ни четверти часа в месяц не пропадало у него на развлечение, отдыха ему не было нужно. «У меня занятия разнообразны; перемена занятия есть отдых». В кругу приятелей, сборные пункты которых находились у Кирсанова и Лопухова, он бывал никак не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться в тесном отношении к нему: «Это нужно; ежедневные случаи доказывают пользу иметь тесную связь с каким-нибудь кругом людей, — надобно иметь под руками всегда открытые источники для разных справок». Кроме как в собраниях этого кружка, он никогда ни у кого не бывал иначе, как по делу, и ни пятью минутами больше, чем нужно по делу; и у себя никого не принимал и не допускал оставаться иначе, как на том же правиле; он без околичностей объявлял гостю: «Мы переговорили о вашем деле; теперь позвольте мне заняться другими делами, потому что я должен дорожить временем».

В первые месяцы своего перерождения он почти всё время проводил в чтении, но это продолжалось лишь немного более полгода; когда он увидел, что приобрёл систематический образ мыслей в том духе, принципы которого нашёл справедливыми, он тотчас же сказал себе: «теперь чтение стало делом второстепенным; я с этой стороны готов для жизни», и стал отдавать книгам только время, свободное от других дел, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, он расширял круг

тюфяк — magamiskott
войлок — vilt
угрызение совести — südametunnis-
tusepiin
слабость воли — tahtejõu nõrkus
расход — väljaminek
гнусный — kõlvatu, jälk

доезжать — siin: ründama
обличение — paljastamine
укоризна — etteheide
обуздание — taltsutamine
источник — läte
без околичностей — otseteed

своего знания с изумительною быстротою: теперь, когда ему было двадцать два года, он был уже человеком замечательно основательной учёности. Это потому, что он тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти — никакой: исключительно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что всё гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напрасная трата времени. Берём русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. В тысячах других повестей я уже вижу по пяти строкам с пяти разных страниц, что не найдю ничего, кроме испорченного Гоголя, — зачем я стану их читать? Так и в науках, — в науках даже ещё резче эта граница...» «Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг», — говорил он.

Гимнастика, работа для упражнения силы, чтение — были личными занятиями Рахметова; но, по его возвращении в Петербург, они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время он занимался чужими делами, или ничьими в особенности делами, постоянно соблюдая то же правило, как в чтении: не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменяются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: «Вы меня извините, мне некогда», — и отходил. Но точно так же, никакими средствами не мог избежать знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто являлся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисловием: «Я хочу быть знаком с вами; это нужно. Если вам теперь не время, назначьте другое». На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания; хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упрасивали его вникнуть в ваше затруднение: «Мне некогда», — говорил он и отворачивался. Но в важные дела вступался, когда это было нужно, по его мнению, хотя бы никто этого не желал: «Я должен», — говорил он...

Вот как он говорил и вел свои дела, а дел у него была бездна, и все дела, не касавшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали; но какие дела у него, этого кру-

роскошь — üliküllus, rikkus
 разжижать — vedelaks tegema
 разжигать*
 трата времени — ajaraiskamine
 (ис)портить (т/ч) — rikkuma
 надобность (ж. р.) — vajadus

второстепенное дело — kõrvalasi
 влияние — mõju
 предисловие — eessõna
 вникать во что? — tungima
 вникнуть*
 бездна (дел) — очень много

жók не знал. Видно было только, что у него множество хлопóт. Он мало бывáл дома, всё ходíл и разъезжáл, больше ходíл. Но и у него беспрестáнно бывáли люди, то всё одни и те же, то всё новые; для этого у него было полóжено: быть всегда дома от двух до трёх часóв; в это время он говорил о делáх и обéдал. Но часто по нескольку дней его не бывáло дома. Тогда вместо него сидéл у него и принимáл посетítелей один из его приятелей, преданный ему душо́ю и телом и молчали́вый, как моги́ла.

Года через два, после того как мы видим его сидящим в кабинетé Кирсанова за Ньюто́новым толковáнием на Апока́липисис, Рахметов уёхал из Петербурга, сказáвши Кирсанову и ещё двум-трём самым близким друзья́м, что ему здесь нечего делать больше; что он сделал всё, что мог, что больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свободны, что он думает воспóльзоваться ими, как ему кажется нужно для будущей деятельности. Мы узнали потóм, что он проёхал в своё бывшее помéстье, продал остáвшуюся у него землю, получилъ тысяч тридцать пять, заёхал в Казань и Москву, роздал около пятí тысяч своим семí стипендиáтам, чтобы они могли кончить курс, тем и кончáлась его достовёрная история. Куда он девáлся из Москвы, неизвёстно. Когда прошлó несколько месяцев без всяких слухов о нём, люди, знавшие о нём что-нибудь, кроме извёстного всем, перестáли скрывать вещи, о которых по его просьбе молчáли, пока он жил между нами. Тогда большую часть из того о его личных отноше́ниях, что я рассказáл, узнал множество историй, далеко́, впрочем, не разьяснёвших всего, даже ничего не разьяснёвших, а только делавших Рахметова лицóм ещё более зага́дочным для всего кружка́, историй, изумля́вших своёю странностью, или соверше́нно противорéчивших тому поня́тию, какое кружо́к имéл о нём, как о человеке соверше́нно чёрством для личных чувств, не имéвшем, если можно так выразиться, личного сердца, кото́рое билось бы оше́щениями личной жизни. Расскáзывать все эти истории было бы здесь неумéстно. Приведу́ лишь две из них, по одной на каждый из двух родóв: одну дикого сорта, другую — сорта, противорéчившего прежнему поня́тию кружка́ о нём. Выбираю́ из историй, рассказанных Кирсановым.

За год перед тем, как во второй и, вероятно, окончáтельный раз пропáл из Петербурга, Рахметов сказал Кирсанову: «Дайте мне поря́дочное количество мази для заживле́ния ран от острых

хлопоты — askeldused
 беспрестáнно — всё время
 моги́ла — haud
 толковáние — seletus
 Апока́липисис — Johannese ilmutusraamat
 достовёрный — tõetruu

зага́дочный — saladuslik
 противорéчивый — vastukäiv
 чёрствый (человек) — kalk
 мазь — määre
 для заживле́ния ран — haavade parandamiseks

орудий». Кирсанов дал огромнейшую банку, думая, что Рахметов хочет отнести лекарство в какую-нибудь артель плотников или других мастеровых, которые часто подвергаются порезам. На другое утро хозяйка Рахметова в страшном испуге прибежала к Кирсанову: «Батюшка-лекарь, не знаю, что с моим жильцом сделалось: не выходит долго из своей комнаты, дверь запер, я заглянула в щель: он лежит весь в крови; я как закричу, а он мне говорит сквозь дверь: «Ничего, Аграфёна Антоновна». Какое, ничего! Спаси, батюшка-лекарь, боюсь смертного случая. Ведь он такой до себя безжалостный». Кирсанов поскакал. Рахметов отпер дверь с мрачною широкою улыбкою, и посетитель увидел вещь, от которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего белья Рахметова (он был в одном белье) были облиты кровью, под кроватью была кровь, войлок, на котором он спал, также в крови; в войлоке были натканы сотни мелких гвоздей шляпками исподнизу, остриями вверх, они высывались из войлока чуть не на полвершка; Рахметов лежал на них ночь. «Что это такое, помилуйте, Рахметов?» — с ужасом проговорил Кирсанов. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу». Кроме того, что видел Кирсанов, видно из этого также, что хозяйка, вероятно, могла бы рассказать много разного любопытного о Рахметове; но простодушная старуха была без ума от него, и уж, конечно, от неё нельзя было бы ничего добиться. Она и в этот-то раз побежала к Кирсанову потому только, что сам Рахметов дозволил ей это для её успокоения: она слишком плакала, думая, что он хочет убить себя.

Месяца через два после этого, дело было в конце мая, Рахметов пропал на неделю или больше, но тогда никто этого не заметил, потому что пропадать на несколько дней случалось ему нередко. Теперь Кирсанов рассказал следующую историю о том, как Рахметов провёл эти дни. Они составляли эротический эпизод в жизни Рахметова. Любовь произошла из события, достойного Никитушки Ломова. Рахметов шёл из Первого Парголова в город, задумавшись и больше глядя в землю, по своему обыкновению, по соседству Лесного института. Он был пробуждён от раздумья отчаянным криком женщины; взглянул: лошадь понесла даму, катавшуюся в шарабáne, дама сама правила, и не справилась, вожжи волочились по земле — лошадь была уже в двух шагах от Рахметова; он бросился на середину дороги, но

порез — sisselõikehaav
 щель — pilu, pragu
 безжалостный — halastamatu
 развести руками — käsi laotama
 (на)тыкать — (täis)torkima
 шляпка гвоздя — naelapea
 исподнизу — alt

остриё — teravik
 неправдоподобно — uskumatu
 отчаянный — meeleheitlik
 шарабан — saraban, toolvanker
 вожжи — ohjad
 (по)волочиться — lohisema

лошадь уж пронеслась мимо, он не успел поймать повод, успел только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановил, но упал. Подбежал народ, помогли даме сойти с шарабана, подняли Рахметова; у него была несколько разбита грудь, но, главное, колесом вырвало ему порядочный кусок мяса из ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте. Он согласился, потому, что чувствовал слабость, но потребовал, чтобы послали непременно за Кирсановым, ни за каким другим медиком. Кирсанов нашёл ушиб груди неважным, но самого Рахметова уже очень ослабевшим от потери крови. Он пролежал дней десять. Спасённая дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, — ведь всё равно, время пропадало бы даром, — говорил и разговорился. Дама была вдова лет девятнадцати, женщина не бедная, и вообще совершенно независимого положения, умная, порядочная женщина. Огненные речи Рахметова, конечно не о любви, очаровали её. «Я во сне вижу его, окружённого сиянием», — говорила она Кирсанову. Он также полюбил её. Она, по платью и по всему, считала его человеком, не имеющим совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему венчаться, когда он, на одиннадцатый день, встал и сказал, что может ехать домой. «Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы верите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». — «Да, это правда, — сказала она: — вы не можете жениться. Но пока вам придётся бросить меня, до тех пор любите меня». — «Нет, и этого я не могу принять, — сказал он, — я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так не скоро развяжутся у меня, — уж связаны. Но развяжусь. Я не должен любить». Что было потом с этой дамою? В её жизни должен был произойти перелом; по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком. Мне хотелось узнать. Но я этого не знаю. Кирсанов не сказал мне её имени, а сам тоже не знал, что с нею: Рахметов просил его не видаться с нею, не справляться о ней. «Если я буду полагать, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится». Узнав такую историю, все вспомнили, что в то время, месяца полтора или два, а может быть и больше, Рахметов был мрачнее обычного, не приходил в азарт против себя, сколько бы ни кололи ему глаза его гнусною слабостью, то есть сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именем Никитушки Ломова.

повод — päitsenöör, ratsuti
 ось — rattarumm, telg
 опомниться — toibuma
 независимое положение — sõltumatus, iseseisvus

очаровывать — võluma
 очаровать *
 перелом — murrang
 по всей вероятности — arvatavasti
 колоть глаза — ette heitma

А я вспомнил и больше: в то лето три, четыре раза в разговорах со мною он, через несколько времени после первого нашего разговора, полюбил меня за то, что я смеялся (наедине с ним) над ним, и в ответ на мои насмешки вырвались у него такого рода слова: «Да, жалейте меня, вы правы, жалейте: ведь и я тоже не отвлечённая идея, а человек, которому хотелось бы жить. Ну, да это ничего, пройдёт», — прибавлял он. И точно, прошло. Только однажды, когда я уже слишком много расшевелил его насмешками, даже позднью осенью, всё ещё вызвал я из него эти слова.

Проницательный читатель, может быть, догадывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю. Может быть. Я не смею противоречить ему, потому что он проницателен. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебе, проницательный читатель, вовеки веков не узнать. А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни догадок, кроме тех, какие имеют все его знакомые. Когда прошло месяца три-четыре после того, как он пропал из Москвы, и не приходило никаких слухов о нём, мы все предположили, что он отправился путешествовать по Европе. Догадка эта, кажется, верна. По крайней мере, она подтверждается вот каким случаем. Через год после того, как пропал Рахметов, один из знакомых Кирсанова встретил в вагоне по дороге из Вены в Мюнхен молодого человека, русского, который говорил, что объехал славянские земли, везде сближался со всеми классами, в каждой земле оставался по столько, чтобы достаточно узнать понятия, нравы, образ жизни, бытовые учреждения, степень благосостояния всех главных составных частей населения, жил для этого и в городках, и в сёлах, ходил пешком из деревни в деревню, потом точно так же познакомился с румынами и венграми, объехал и обошёл Северную Германию, оттуда пробрался опять к югу, в немецкие провинции Австрии, теперь едет в Баварию, оттуда в Швейцарию, через Вюртемберг и Баден во Францию, которую объедет и обойдёт точно так же, оттуда за тем же проедет в Англию и на это употребит ещё год; если останется из этого года время, он посмотрит и на испанцев, и на итальянцев, если же не останется времени, так и быть, потому что это не так «нужно», а те земли осмотреть «нужно» — зачем же? — «для соображений»; а что через год, во всяком случае, ему «нужно» быть уже в Северо-Американских Штатах, изучить которые более «нужно» ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда, если он там найдёт себе

отвлечённая идея — abstraktne idee
проницательный — kōikenägev, terane
противоречить — vastu rääkima

догадка — oletus
благосостояние — heaolu, jõukus
соображение — kaalutlus

дело, но, вероятнее, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре «нужно» будет ему быть.

Всё это очень похоже на Рахметова, даже эти «нужно», запавшие в память рассказчика. Летами, голосом, чертами лица, насколько запомнил их рассказчик, проезжий тоже подходил к Рахметову; но рассказчик тогда не обратил особенного внимания на своего спутника, который к тому же недолго и был его спутником, всего часа два: сел в вагон в каком-то городишке, вышел в какой-то деревне; потому рассказчик мог описывать его наружность лишь слишком общими выражениями, и полной достоверности тут нет: по всей вероятности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он.

Был ещё слух, что молодой русский, бывший помещик, являлся к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии, немцу, и сказал ему так: «У меня тридцать тысяч талеров; мне нужно только пять тысяч; остальные я прошу вас взять у меня» (философ живёт очень бедно). — «Зачем же?» — «На издание ваших сочинений». — Философ, натурально, не взял; но русский будто бы всё-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: «Деньгами распоряжайтесь, как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете», — и будто бы эти деньги так и теперь лежат у банкира. Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов...

Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете у Кирсанова.

Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы. И не затем описывается мною так подробно один экземпляр этой редкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвестному тебе) обращению с людьми этой породы: тебе ни одного такого человека не видать; твои глаза, проницательный читатель, не так устроены, чтобы видеть таких людей; для тебя они невидимы; их видят только честные и смелые глаза; а для того тебе служит описание такого человека, чтобы ты хоть по наслышке знал, какие люди есть на свете. К чему оно служит для читателей и простых читателей, это они сами знают.

Да, смешные это люди, как Рахметов, очень забавны. Это я для них самих говорю, что они смешны, говорю потому, что мне жалко их; это я для тех благородных людей говорю, которые очаровываются ими: не следуйте за ними, благородные люди,

западать в память — mällu sööbuita
запасть *
достоверность — õigsus
был слух — oli kuuludus

редкая порода — haruldane liik
по наслышке — kuulduse järgi
забавный — naljakas, veider

говорю я, потому что скуден личными радостями путь, на который они зовут вас; но благородные люди не слушают меня и говорят: нет, не скуден, очень богат, а хоть бы и был скуден в ином месте, так не длинно же оно, у нас достанет силы пройти это место, выйти на богатые радостью, бесконечные места. Так видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них её сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли. . .

скудный (бедный) — vaene
(за)глохнуть — häävuma
(про)киснуть — hapuks minema

задыхаться — lämbuma
задохнуться*
букет (вина) — (veini)lõhn, aroom
двигатель — tõukejõud

РАССКАЗ О ЖИЗНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

По Г. К. Бочарову.

Это было больше ста лет тому назад, в холодный осенний вечер, на одной из улиц Петербурга. Моросил дождь. Дул от Невы сырой, пронизывающий ветер. Мигали тусклые уличные фонари. Пустели петербургские улицы. Люди спешили поскорее обогреться в тёплых домах. В этот вечер у дверей небольшого магазина сидел худой, бледный юноша. Ветхое пальтишко и рванный шарф не защищали его от холода. У него не было дома, и ему негде было ночевать. Его только что прогнали с квартиры, где он занимал угол, прогнали потому, что ему нечем было заплатить. Он дрожал от холода. Люди проходили мимо него равнодушно. Им не было никакого дела до него.

Обессиленный и голодный, он задремал. Вдруг его разбудил детский голос:

— Подайте Христа ради копёчку.

Юноша открыл глаза. Перед ним стоял старик-нищий с мальчиком.

— Что ты? — сказал старик. — Не видишь разве, он сам к утру околёнёт? Эх, голова! Чего ты здесь?

— Ничего.

— Ничего, ишь гордый! Прибьту нет, видно. Пойдём с нами.

Так и нашёлся в этот вечер человек, который сумел понять и утешить бездомного юношу. Это был старик-нищий. Он свёл юношу в ночлёжку, приютил и накормил его.

Шли годы. Юноша стал зрелым человеком. Он жил и трудился в Петербурге. Он прожил в этом городе почти сорок лет и уже не был одиноким. Когда он умер, за его гробом шли тысячи людей. Они провожали в последний путь дорогого и любимого человека. Это были такие похороны, каких не видел Петербург.

моросил дождь — tibutas vihma
пронизывающий — läbilõikav
тусклый — tuhm
ветхий (старый) — vana
равнодушно — ükskõikselt
обессиленный — jõuetu

околёнеть — külmast tarduma
прибьту — ulualune
бездомный — kodutu
ночлёжка — õõmaja (linna vaestele)
зрелый — küps

Кто же был этот человек? Что он сделал для людей своей родины и чем заслужил такую любовь к себе?

Километрах в двадцати от города Ярославля, почти на самом берегу Волги, стоит небольшое село Грешнево. Неширокая здесь Волга, но привольно течёт она в низинных берегах. Кругом неоглядные просторы лугов, вдали синеют леса. Весной, в половодье, становится Волга могучей рекой, и тогда её не окинешь глазом.

Больше ста двадцати лет тому назад владел селом Грешневым и его мужиками небогатый помещик Алексей Сергеевич Некрасов. Пока он был молод и служил офицером, крестьяне его видели редко. Но вот он женился, оставил военную службу и приехал с женой и детьми жить в своё имение. Тяжкой каторгой стало теперь крестьянское житьё. Очень жесто́к был помещик. Целыми днями пропадал он на охоте, гонялся за волками и зайцами, а когда бывал дома, пировал и буянил. Угодить ему было невозможно. Угрюмый невежда, свирепый дикарь, он запарывал людей до беспамятства. Порол не за провинности, а по капризу. Не щадил он и своей семьи. Одиноким стадалицей жила в доме его жена Елена Андреевна. Это была очень образованная, умная женщина с большим, чутким сердцем. Муж невежда не стоил её, он обижал её, и даже издевался над ней. Дети не любили отца, а только боялись его. Не любил отца и Коля Некрасов, но зато как он тянулся к матери! Отец был груб и жесто́к. Чему можно было научиться у него? Пьянствовать, играть в карты да мучить людей? Мать уберегла Колю от этого. Она была нежной и ласковой. Она помогла ему понять, что мужики, которых порет отец, не рабы, а люди. Она научила Колю ненавидеть жесто́кость.

Елена Андреевна знала много сказок, рассказов и стихов. По вечерам она, бывало, соберёт детей в кружок и рассказывает им или читает. Очень любил Коля её рассказы. Это она научила Колю любить книгу и чтение. Когда ему было семь лет, он сам попробовал писать стихи. В день рождения матери Коля поднёс ей «стихотворение»:

Любёзная маменька, примите
Сей слабый труд
И рассмотрите —
Годится ли куда-нибудь.

неоглядный (необозримый) — ääre-
tu, avar
простор — avarus
половодье — suurvesi
не окинешь глазом — ei haara pil-
guga
буянить — mürgeldama
угрюмый (неприветливый) — mogn
невежда — harimatu inimene

пороть — peksma
запарывать — surnuks peksma
провинность — süü, eksimus
(по)щадить (д/ж) — halastama
страдалица — kannataja
чуткий — tundeline
издеваться — mõnitama
жесто́кость — julmus

«Труд» семилетнего поэта, конечно, никуда не годился. Но Коля не огорчался. У него было много любимых занятий. Особенно любил он деревенских ребят. Но беда была в том, что отец строго запрещал Коле играть с ними. Зато мать была рада, когда видела сына с деревенскими детьми. Бывало, как только уедет отец на охоту, сейчас же через лазейку в решётке лезут в барский сад вихрастые ребята и начинают весёлые игры.

— ... Я дельвал с ними грибные набёги,
Раскапывал листья, общаривал пни,
Старался примётить грибное местёчко,
А утром не мог ни за что отыскать.

Так вспоминал позднее Некрасов о детских играх с крестьянскими детьми.

С детства у Коли сложился твёрдый, настойчивый характер. Он умел добиваться своего.

Однажды Коля охотился на озере и подстрелил дикую утку. Дело было поздней осенью, и озеро кое-где затянулось льдом. Даже собака, и та испугалась холодной воды. Но Коля не испугался, он бросился в ледяную воду, поплыл за уткой и достал её.

Был и другой случай. Как-то он услышал от няни, что в саду по ночам гуляют черти. В ту же ночь Коля тихонько вскочил и выбежал в сад. Ему было страшно, но он не хотел сознаться в этом даже самому себе. Три раза обошёл он пруд, но ни один чёрт не показался. Страх теперь уже как не бывало, и Коля спокойно вернулся домой.

Больше всего любил Коля Некрасов встать пораньше и убежать на берег Волги. На заре там было особенно хорошо.

О Волга, колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользят
По тёмно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам...
... И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою.

лазейка — auk
решётка — võre
барский сад — härraste aed
набег — ginnak
общарить (обыскать) — läbi tuhnima
пень — känd

настойчивый — visa
затянуться льдом — kattuma jääga
заря — koit
колыбель — häll
челнок (лодка) — paat
удаль — uljus

Но на берегу родной реки Коля видел не только красивые картины природы. Он видел тяжкое горе народное, он слышал стоны людей.

Коля видел, как потные, измученные бурлаки, проваливаясь в песок, тащат тяжело-гружённые баржи. Он слышал однажды, как больной бурлак жаловался на растёртое лямкой плечо и просил у бога смерти.

Коля горько плакал. Он рассказывал матери, и она плакала вместе с ним. Но слезами горю не поможешь. И вот однажды Коля собрал своих деревенских друзей и поклялся жить не так, как живут помещики. Он поклялся любить свой народ и помогать ему. А слово своё он умел держать.

Но вот пролетело детство. Коле пошёл одиннадцатый год. Подрос и его брат. Грамоте мальчиков кое-как научил деревенский дьячок. Теперь нужно было начинать серьёзно учиться. Пришлось родителям отправить детей в Ярославль. Там была гимназия. Мальчикам наняли квартиру и приставили к ним крепостного дядьку. В гимназии было скучно и противно. Хороших учителей там не было, и научиться было нечему. Но зато появились у Коли новые друзья. Они помогали переносить Коле неприятную ярославскую жизнь. Этими друзьями были книги. Больше всего любил Коля Пушкина. Было у него и другое любимое занятие. Он научился писать стихи, и скоро их накопилось целая тетрадка. Так прошло четыре года.

Когда Коля был в пятом классе, отец решил, что сын довольно уже обучен и нечего тратить на него деньги. Колю взяли из гимназии, и вот он снова в Грешневе.

Теперь Коля ещё чаще писал стихи. Они уже не помещались в толстой тетради.

Быстро прошли два года, и Коле исполнилось семнадцать лет.

Однажды отец позвал его к себе и сурово сказал: «Поезжай в Петербург. Будешь учиться в дворянском полку. Выучишься — станешь, как я, офицером».

Коля обрадовался. В Петербург ему поехать очень хотелось. Но стать таким, как отец, он не хотел. У него были другие планы. Об этих планах Коля рассказал только матери.

В те времена от офицера не требовалось больших знаний, а Коля хотел стать образованным человеком. Он хотел учиться в университете, но ничего не сказал об этом отцу. Сел в телегу, махнул рукой на прощанье, и скрылся родительский дом.

Ехал в Петербург уже не мальчик Коля, а юный Николай Алексеевич Некрасов. Что ожидало его там?

стон — oie
гружённый — laaditud
баржа — lodi, pargas
растёртый — katki hõõrutud

лямка — rakmerihm
(по)клясться — vanduma
дьячок — kõster

И вот, наконец Петербург. Какой громадный город! Какие прямые, широкие улицы! Сколько чудесных дворцов! А Невá! Как она широка, шире родной Волги! Как много богатых магазинов, и сколько там всяких товаров! В этом городе, конечно, люди живут счастливо.

Так казало́сь Некрасову в первые дни. Но не скоро узнал он настоящее счастье. Нелáсково приняла его столица. Среди тысяч людей он был одино́к, и никому́ не было до него дела. Живи, как хочешь, и сам себе пробива́й дорогу.

Теперь надо было ему выбирать. Может быть, исполнить волю отца, идти в дворянский полк. Там одевают и кормят. Да и отец обеща́л помогать. Но тогда — прощай, университет, прощай, образова́ние! Нару́шить волю отца, идти в университет — это значит голода́ть. Отец оставит без помощи. Но зато открыта широкая дорога к науке. А может быть он станет по-этом. Ведь он привёз с собою завёрнутую тетрадь со стихами. Может быть, люди прочтут его стихи и скажут: смотрите, вот появился новый великий поэт Некрасов!

Недолго он колеба́лся. Твёрдо решил: «Пусть нужда́ и голод. Вытерплю, перенесу́, но пойду своей дорогой».

И началась жизнь в Петербурге. Эта жизнь оказа́лась ещё труднее, ещё суровой, чем думал Некрасов.

Несча́стья посыпались одно за другим. Экзамен в университет он не выдержал. Для этого надо было долго гото́виться. Но Некрасов не уныва́л и не сдался. Он добился разреше́ния посеща́ть университет и слуша́ть лекции.

Отец разгне́вался и, действительно, остави́л сына без помощи. Надо было зарабо́тать на пропита́ние. А чем? Его никто не знал, а таких, как он, ищущих работы, в Петербурге было много. Ночевал он в подва́лах и на чердака́х. Редко удава́лось ему зарабо́тать за день 15—20 копеек. Бывало́ так, то у Некрасова и у его товарища на двоих были одни сапоги́. Нищета́, голод и холод сдави́ли его.

Стыдно и горько было ему, но приходилось иногда заходить в рестора́н, где позволя́ли читать газе́ты, ниче́го не зака́зывая. Некрасов брал газету, закрыва́лся ею — будто читает, а сам придвига́л к себе хлеб и ел.

Нужда́ сва́лила Некрасова. Он заболел и попал в больницу, а когда опра́вился и пришёл на квартиру — там был уже друго́й жиле́ц. Некрасова прогнали, а вещи взяли за долг. Остались на нём только худая шинелька да рванный красный шарф. Этот шарф никому́ не отдал бы Некрасов: его связа́ла мать.

пробива́ть дорогу — teed rajama
пробить*
заветный — armas, salajane, ihaldatud
колеба́ться — kahtlema, kõikuma

уныва́ть — meelt heitma
разгне́ваться (рассерди́ться) — vihasutama
подва́л — kelder
черда́к — põõning

И ещё одна неудача свалилась на него. Долго копил он деньги, чтобы напечатать свои стихи из заветной тетради. Ему казалось, что эти стихи принесут ему славу и избавят от нужды. Своих денег не хватало. Тогда один из друзей помог ему, и вот напечатана книжечка его стихов. Теперь кончены его мучения! Пройдут две-три недели, люди узнают, что появился новый поэт Некрасов, и потекут к нему деньги, и можно будет спокойно работать. Он отдал книжки купцу в книжной лавке и стал ждать славы и денег. Каждый день ходил он в лавку и робко спрашивал — не покупают ли его стихи. «Нет», — отвечал продавец, — не берут». Скоро Некрасов понял, что стихи его ещё плохие, незрелые, что надо ещё ему много учиться. Другой махнул бы рукой и бросил писать стихи. Но Некрасов не сдался. Ещё упорнее стал он работать и учиться; писал стихи, рассказы, небольшие пьесы для театра.

И вот, наконец, настал день, когда великий человек, большой знаток литературы, Виссарион Григорьевич Белинский сказал ему: «Некрасов, вы большой поэт, у вас огромный талант».

Теперь Некрасов одно за другим печатал свои стихотворения в журналах. Люди жадно читали их, заучивали наизусть. Имя Некрасова сделалось известным и любимым.

А когда его стихи были собраны в одну книжку и напечатаны, то книжку раскупили в несколько дней. Так пришла к Некрасову слава.

Почему же Некрасов сделался великим поэтом?

Потому что он умел бороться за свой талант, умел работать и учиться. Великим поэтом Некрасов сделался ещё и потому, что в своих стихах он показал, как живёт народ, как тяжело живётся городскому бедняку и деревенскому мужику, как грабят их помещики и царские слуги.

Некрасов показал, как умеют трудиться и как умны русские крестьяне.

А сколько чудесных стихов написал он для детей!

Некрасов любил нашу родину, наши леса, поля и реки, наши песни и сказки.

И русские люди любили Некрасова. Когда он умер, гроб его провожали тысячи лучших людей России.

У раскрытой могилы писатель Достоевский говорил речь. Когда он сказал, что Некрасова можно поставить вслед за Пушкиным и Лермонтовым, то из толпы раздались крики: «Выше! Выше!»

Так высоко ценили русские люди великого поэта.

Некрасов умер в январе 1878 г. Но великие люди никогда не умирают, потому что после них остаётся их огромный труд.

ПОЭМА Н. А. НЕКРАСОВА «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ».

В поэме «Русские женщины», написанной в 1871—1872 годах, великий русский поэт Некрасов Н. А. прославил подвиг жён декабристов — Е. Трубецкой и М. Волконской.

Образованные, любящие искусство, знатные, богатые молодые женщины бросили всё и последовали за мужьями в Сибирь, чтобы поддержать их дух, разделить с ними тяжёлую участь, помочь им в беспросветной, трудной жизни на сибирской каюте. Они подписали страшную бумагу, составленную по приказанию царя, где они отреклись от своих прав, от богатства, от прав своих будущих детей, которые «поступят в казённые заводские крестьяне», как было написано в этой бумаге.

Смелых женщин не могли отговорить и родные, а они применяли все средства, чтобы удержать их. Особенно трудно было М. Н. Волконской, которая очень любила своего отца, героя войны 1812 года, Н. Н. Раевского. У молодой женщины хватило силы и настойчивости, чтобы убедить, упросить этого человека твердой воли и уехать, оставив дома ребёнка-сына.

Разрыв Трубецкой и Волконской с «высшим светским обществом» был полным. Они правильно поняли своекорыстие, подлость и трусость этого общества:

Там люди заживо гниют,
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины рабы.

Только среди самых передовых русских людей своего круга они встретили полное сочувствие. Так, в Москве, в салоне Зинаиды Волконской, собрались и родственники и многие друзья,

(про)славить (в/вл) — ülistama
(по)следовать за кем? — jälgima
поддерживать — toetama
поддержать*
участь (судьба) — saatus

отрекаться от чего? — loobuma
отречься*
своекорыстие — omakasupüüdlikkus
подлость — alatus
(с)гниль — mädanema
гроб — kirst

чтобы проводить в Сибирь М. Н. Волконскую. Среди них был и А. С. Пушкин.

Не боясь жестокой кары, Пушкин, только что возвращённый из шестилётней ссылки, одобряет подвиг Волконской и просит передать горячий привет сосланным друзьям. Позже, с женой декабриста М. М. Муравьёва, Пушкин послал им своё знаменитое стихотворение «В Сибирь», в котором высказал не только глубокое, искреннее сочувствие декабристам, но и уверенность в том, что они будут свободны и вновь станут в ряды борцов.

Большое сочувствие жёны декабристов встретили и у простого народа. Если во время самого восстания 14 декабря из толпы народа «едва ли сотый понимал, что делается тут», то после, когда царь подавил восстание и народ узнал, за что казнены, сосланы на каторгу декабристы, он их понял и полюбил.

Воспевая славный подвиг жён декабристов, Некрасов тем самым прославляет и самих декабристов, не пожалевших ни свободы, ни жизни ради блага народа. Прямо их изобразить, написать о них было невозможно — не позволяла цензура. Поэт всё же сумел в кратких, но полных глубокого содержания сценах дать образы Трубецкого, Волконского, упомянуть Муравьёва, Оболенского, Борисовых.

В арестантской одежде, в кандалах, в тюрьме и в рудниках, они не были сломлены, подавлены, не считали ошибкой то, что сделали, не раскаивались, не падали духом.

Тридцать лет декабристы пробыли в ссылке и были возвращены уже после смерти Николая I, в 1856 году. Из ста двадцати выжили и вернулись лишь девятнадцать человек; остальные, не выдержав суровых условий каторги и ссылки, остались в недрах сибирской земли. В 1854 году в Сибири умерла Трубецкая. Волконская с мужем и детьми вернулась, прожила ещё несколько лет на свободе и успела написать свои записки о жизни в Сибири.

В эпилоге, который Некрасов написал к поэме «Княгиня Трубецкая», но не напечатал, поэт восклицает:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны

кара — karistus
одобрять — heaks kiitma
одобрить *
восстание — ülestõus
воспевать (прославить) — ülistama
воспеть *
благо — hüvang
кандалы — ahelad
рудники — kaevandus

раскаиваться — kahetsema
раскаться *
падать духом — meelt heitma
(вы)жить — vastu panema, ellu jää-
ma
недра — maardõ
пленительный (очаровательный) —
võluv

Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны!

И они не забыты нашим народом, и велика заслуга Н. А. Некрасова, обессмертившего эти пленительные образы в своей поэме. Здесь всё правда. Некрасов изучил и использовал большой исторический материал, записки и воспоминания современников, изданные за границей, а также ещё и не напечатанные в то время.

Среди борцов за свободу было много женщин, и, назвав свою поэму «Русские женщины» (а не «Декабристки», как предполагал сначала), поэт как бы прославляет в ней русских женщин, участниц борьбы за свободу.

Читатель как живых видит перед собою героинь поэмы, вместе с ними переживает их горе, разделяет их настойчивость, любит их мужеством, восхищается благородством характеров, энергией, их умением от слов переходить к делу. Читатель как бы совершает с ними далёкий и трудный путь и радуется достижению цели, радуется и за них и за тех, к кому они стремились.

Всё действие поэмы происходит зимой, как и было в действительности. Но Некрасов не просто описывает, как происходили события, а заставляет читателя понять и почувствовать, как этот холод, эта скованная морозом и покрытая снегом земля замечательно соответствует тяжёлым думам, щемящей тоске героинь поэмы.

Их глазами показывает нам поэт далёкий путь через всю Россию, от Петербурга до окраин Сибири, рисует широкие просторы нашей родины, большие дороги, оживляемые обозами, медленно бредущими пешеходами, скачущими тройками, с криками фельдъегерей, печальными песнями ямщиков да кандалным звоном еле шагающих ссыльных. Бедные деревни, спящие под снегом, угрюмые леса, пустынная тундра, остроги, рудники — всё вызывает тяжёлое чувство. Поистине это «царство нищих и рабов».

В поэме «Дедушка» Некрасов показал, как прекрасно устроили жизнь сосланные в Сибирь и забытые начальством люди. На свободе, вдали от власти и господ, предоставленные самим себе, они дружным трудом покорили суровую природу, создали счастливую, богатую жизнь, так как

-
• заслуга — teene	щемящий — ängistav
• обессмертить — surematuks tegema	фельдъегерь — военный или правительственный курьер
• современник — kaasaegne	острог (тюрьма) — vangla
• предполагать — oletama	поистине — tõepoolst
• предполагать * предположить *	• покорять — alistama, vallutama
• благородство — suursugusus	покорить *
• соответствовать — vastama	

Воля и труд человека
Дивные дива творят!

Эти мудрые, прекрасные слова Некрасова в полную силу осуществились в наше время, когда совершилось действительное дивное диво: воля народа уничтожила самодержавный гнёт, свободный труд сделал всю нашу страну, включая и Сибирь, богатой и счастливой. Освободившийся от царя и богачей народ наш помнит и любит своего поэта. Если в старой России Некрасова читали и знали десятки тысяч людей, то теперь его сочинения знают сотни миллионов читателей в нашей стране и далеко за её пределами.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

ПОЭМА.

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

(Бабушкины записки.)

(1826—1827 гг.)

Глава I.

Прокáзники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портрётной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Ещё что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успёете слушать; рассказов моих
Достáнет на целые томы,
Но вы ещё глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!

Я всё рассказала достúпное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

диво (чудо) — ime
самодержавный — izevalitsuslik
гнёт — surge
предел (граница) — piir

прокáзник (шалун) — vallatleja
том — kóide
достúпный (понятный) — káttesaadav, arusaadav

И вот, не желая остаться в долгу
 У внуков, пишу я записки;
 Для них я портреты людей берегу,
 Которые были мне близки,
 Я им завещаю альбом — и цветы
 С могилы сестры-Муравьевой,
 Коллекцию бабочек, флору Читы
 И виды страны той суровой;
 Я им завещаю железный браслет...
 Пускай берегут его свято:
 В подарок жене его выковал дед
 Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
 Под Киевом, в тихой деревне;
 Любимая дочь я была у семьи.
 Наш род был богатый и древний,
 Но пуще отец мой¹ возвысил его:
 Заманчивей славы героя,
 Дороже отчизны — не знал ничего
 Боец, не любивший покоя.
 Творя чудеса, девятнадцати лет
 Он был полковым командиром,
 Он мужеством добыл и лавры побед
 И почести, чтимые миром.
 Войнская слава его началась
 Персидским и шведским походом,
 Но память о нём нераздельно слилась
 С великим двенадцатым годом:
 Тут жизнь его долгим сраженьем была.

Походы мы с ним разделяли
 И в месяц иной не запомним числа,
 Когда б за него не дрожали.
 «Защитник Смоленска» всегда впереди
 Опасного дела являлся...
 Под Лейпцигом раненный,

с пулей в груди,

оставаться
 остаться* в долгу у кого? — jääma
 võlgu
 завещать кому? что? — pärandama
 Муравьева А. Г. — жена декабриста
 Никиты Муравьева, последовавшая
 за ним в Сибирь и умершая там
 в 1832 году
 флора — taimestik, floora

браслет — käevõngu
 пуще — больше
 заманчивый (привлекательный) —
 meelitav
 чтимый (уважаемый) — lugupeetav
 нераздельно (неразделимо) — lahu-
 tamatult
 сливаться
 слиться* с чем? — kokku sulama

¹ Раевский Н. Н. — генерал, известный участник войны 1812 года.

Он вновь через сутки сражался.
 Так летопись жизни его говорит:
 В рядú полковóдцев России,
 Покúда отéчество наше стоит,
 Он памятен будет! Витий
 Отца моего осыпáли хвалóй,
 Бессмёртным его называя;
 Жуковский почтил его громкой строфóй,
 Российских вождéй прославляя;
 Под Дашковой личного мужества жар
 И жертву отца-патриóта
 Поэт воспеваает. Войнственный дар
 Являя в сраженьях без счёта,
 Не силой одною врагов побежда́л
 Ваш прадед в борьбé испо́линской:
 О нём говорили, что он сочетáл
 С отвáгою гений воинский.

Войной озабóчен, в семействе своём
 Отец ни во что не мешáлся,
 Но крут был порóю; почти божеством
 Он матери нашей казáлся,
 И сам он глубóко привязан был к ней.
 Отца мы любили — в герóе.
 Окончив походы, в усадьбе своей
 Он медленно гас на покóе.
 Мы жили в большом подгорóдном дому́.
 Детей поручив англичáнке,
 Старик отдыхáл. Я училась всему,
 Что нужно богатой дворянке.
 А после уроков бежала я в сад
 И пела весь день беззаботно,
 Мой голос был очень хорош, говорят,
 Отец его слушал охóтно;
 Записки свои приводил он к концу,
 Читал он газеты, журналы,
 Пирь задава́л; наезжа́ли к отцу
 Седые, как он, генералы,
 И шли бесконечные споры тогда;
 Меж тем молодёжь танцевала.
 Сказать ли вам правду? была я всегда́

вновь — снова
 летопись — запись исторических со-
 бытий
 вития (м. р.) — оратор, поэт
 строфа́ — стих
 без счёта — очень много

испо́линский — гигантский
 сочетáть что? с чем? — kooskõlasta-
 ma, ühendama
 *крутой (вспыльчивый) — äge
 божество — jumalus
 пир, бал — pidu, ball

В то время царицею бала:
 Очей моих томных огóнь голубóй,
 И чёрная с синим отливом
 Большая косá, и румянец густóй
 На личике смуглом, красивом,
 И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
 И гордая поступь — пленяли
 Тогдашних красáвцев: гусáров, улán,
 Чтó близко с полкáми стояли.
 Но слушала я неохóтно их лесть...
 Отец за меня постарáлся:
 «Не время ли замуж? Жених уже есть,
 Он славно под Лейпцигом дрался,
 Его полюбил госудáрь, наш отец,
 И дал ему чин генерала.
 Постáрше тебя... а собóй молодéц,
 Волкóнский! Его ты видáла
 На царском смотрú... и у нас он бывал,
 По парку с тобой всё шатáлся!»
 — Да, помню! Высокий такой генерал...
 «Он самый!» Старик засмеялся...
 — Отец! он так мало со мной говорил! —
 Заметила я, покраснела...
 «Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
 Старик, — возражáть я не смела...
 Прошло две недели — и я под венцóm
 С Сергеем Волкóнским стояла,
 Не много я знала его женихóm,
 Не много и мужем узнала, —
 Так мало мы жили под кровлей одной,
 Так редко друг друга видали!
 По дальним селёням, на зимний постóй,
 Бригáду его разбросáли,
 Её объезжáл беспрестáнно Сергей.
 А я между тем расхворáлась:
 В Одессе потом, по совету врачéй,
 Я целое лето купáлась;
 Зимой он приехал за мною туда,
 С неделю я с ним отдохнула
 При главной квартире... и снова
бедá!

отлив — helk
 гибкий — paindiv
 стан (талия) — piht
 чин — auaste
 возражáть — vastu gääkima
 возразить * кому?

кровля — крыша
 селёнье — селó, деревня
 постóй — стойнка воинских частéй
 беспрестáнно — всё время
 расхворáться → заболéть

Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он
был.

Камин затопила я живо.
Из ящичков муж мой бумаги сносил
К камину — и жёг торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три
дня,

Сергей был угрюм, торопился,
Довёз до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II.

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он женё ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернётся домой!
Под сердцем залог драгоценный

• бегло — быстро, не слишком внима-
тельно
• угрюмый — неприветливый, невесе-
лый
• усадьба — имение

терзать кого? что? чем? — мучить
превратности жизни — неожиданные
перемены в жизни
залог — rapт

Ты носишь: теперь ты берёшься должна!
Всё кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встрéтит, ребёнка качая!..»

Увы! предсказáнье его не сбылось!
Увидется с бедной женою
И с пёрвенцем-сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!
Как дорого стоил мне пёрвенец мой!
Два месяца я прохворáла.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Ещё не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускака́л.
«А брат мой?» — Уехал тудá же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма́,
И брат и отец ускака́ли, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
• И как ни старáлась упрáшивать дочь
Старушка, я твёрдо реши́лась;
Припóмнила я ту послéдную ночь
И всё что тогда соверши́лось,
И ясно созна́ла, что с мужем моим
Недóброе что-то творится...

Стоя́ла весна, по разли́вам речным
Пришлось черепа́хой тащиться.

Доéхала я чуть живая́ опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молда́вию муж твой ушёл воева́ть.
«Не пишет он?..» Глянул уны́ло
• И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислу́га молча́ла, вздыха́я.
Заметила я, что со мною хитря́т,
Забóтливо что-то скрыва́я;
Ссыла́ясь на то, что мне нужен поко́й,
Ко мне никого не пуска́ли,

• первенец — esimene poeg
ускака́ть куда? — уехать на лоша-
дях
• разли́в — üleujutus
• черепа́ха — kilpkonn

• гляде́ть
глянуть * на кого? — (по)смотреть
• ссыла́ться на кого? на что? — viita-
ma
сосла́ться *

Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы!
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец
Жалёя удваивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низвержёнью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые;
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжёлый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он женё ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молодá,
Когда ж он со мной расставáлся,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть бедá великá,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

• клятва — vanne
удваивать — увеличивать (в два ра-
за)
удвóить* — увеличить*
приговор — kohtuotsus
заговорщик — vandetseltslane
настороже — valvel

низвержёнью властей — võimude ku-
kutamine
вникать
вникнуть* во что? — вдумываться,
вдуматься
роковой — saatuslik

Всю ночь я горела, мечтаю о том,
 Как буду лелéять Сергея.
 Под утро глубóким, крепительным сном
 Уснула, — и встала бодрее,
 Поправилось скоро здорóвье моё,
 Приятельниц я повидála,
 Нашла я сестру, — расспросила её
 И горького много узнала!
 Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
 (Сказала сестра) содержáлся
 В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
 Вчера только с ним повидáлся
 Отец. Повидáться с ним можешь и ты:
 Когда приговóр прочитали,
 Одели их в рубище, сняли кресты,
 Но право свидáнья им дали!..»

Подрóбностей ряд пропустила я тут...
 Остáвив следы роковые,
 Донéне о мщенье они вопиют...
 Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестро́й.
 Пришли мы сперва́ к «генерáлу»,
 Потом нас привёл генерал пожилóй
 В обширную мрачную залу.
 «Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
 Расклáнявшись вежливо с нами,
 Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
 Минуты казались часами.
 Шаги постепенно смолкали вдали
 За ними я мыслью летела.
 Мне чудилось: связку ключей принесли,
 И ржавая дверь заскрипела,
 В угрюмой камóрке с железным окном
 Измученный узник томился.
 «Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
 Он весь задрожал, оживился:
 — Женá!.. — Коридóром он быстро бежал,
 Довериться слуху не смéя...

лелéять — беречь, заботиться
 бодрый — *ergas, energiline*
 рубище — одежда из грубой, толстой
 ткáни; бедная, рваная одежда
 донéне — до сих пор
 мщенье (месть) — *kättemaks*

вопиют — кричат
 обширный — большо́й
 княгиня — *vürstinna*
 мне чудилось — мне казало́сь
 ржавый — *roostes*

— Вот он! — громогласно сказал
генерал.

И я увидáла Сергея...

Недáром над ним пронеслáся грозá:
Морщи́ны на лбу появи́лись,
Лицо было мертвенно-бледно, глаза́
Не так уже ярко свети́лись,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знако́мой печа́ли;
С мину́ту пытли́во смотре́ли они
И радостью вдруг заблести́ли,
Казáлось, он в душу мою загляну́л...
Я горько, припа́в к его груди,
Рыда́ла... Он обнял меня и шепну́л:
«Здесь есть посторо́нние люди».
Потом он сказал, что полéзно ему
Узнать добродéтель смире́нья,
Что, впрочем, легко́ перенóсит тюрьму́,
И несколько слов одобре́нья
Приба́вил... По комнате важно шага́л
Свидéтель: нам было нелóвко...
Сергей на оде́жду свою показáл:
«Поздра́вь меня, Маша, с обно́вкой, —
И тихо приба́вил: — *Пойми́ и прости́*».
Глаза засверка́ли слезо́ю,
Но тут согляда́тай успел подойти́,
Он низко пони́к голово́ю.
Я громко сказа́ла: «Да, я не ждалá
Найти тебя в этой оде́жде».
И тихо шепну́ла: «*Я всё поняла́,
Люблю тебя больше, чем прежде...*» —
«Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наскúчит*)».
«Ты жив, ты здоро́в, так о чём же тужить?
(*Ведь каторга нас не разли́чит?*)»
«Так вот ты какáя!» Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул плато́к, на окно положи́л,
И рядом я свой положи́ла,
Потом, расставáясь, Серге́ев плато́к

громогласно — очень громко (как
гром)

пытливо — внима́тельно

(за)рыда́ть — сильно (за)пла́кать

добродéтель — *voogus*

смире́нье — *alandikkus, alistuvus*

одобре́нье — *julgustamine, erguta-
mine*

обно́вка — новая одежда, вещь

согляда́тай — шпион, сыщик

ка́торга — *sunnitõõ*

тужить — печа́литься, горевáть

Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его увидела
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
*«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»*

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем ещё повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моём,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.

миновать — пройти
пенять — упрекать
родня — родственники
знать — высшая аристократия

испытать — испробовать
пытаться — стараться
пришло — наступило (время)

Они убежда́ли, проси́ли,
 Но волю мою сам господь подкрепля́л,
 Их речи её не сломи́ли!
 А много и горько попла́кать пришло́сь...
 Когда собрали́сь мы к обе́ду,
 Отец мимохо́дом мне бросил вопро́с:
 «На что ты реши́лась?» — Я еду! —
 Отец промолча́л... промолча́ла семья́...
 Я вечером горько всплакну́ла,
 Кача́я ребёнка, задума́лась я...
 Вдруг входит отец, — я вздрогну́ла...
 Ждала́ я грозы́, но, печа́лен и тих,
 Сказал он сердёчно и кротко:
 «За что обижа́ешь ты кровных родны́х?
 Что будет с несча́стным сироткой?
 Что будет с тобою́, голу́бка моя?
 Там нужно не женскую силу!
 Напрáсна великая жертва тво́я,
 Найдёшь ты там только моги́лу!»
 И ждал он отве́та и взгляд мой лови́л,
 Ласка́я меня и целу́я...
 «Я сам виновáт! Я тебя погуби́л! —
 Воскли́кнул он вдруг негоду́я: —
 Где был мой рассу́док? Где были глаза́?
 Уж знала вся армия наша...»
 И рвал он седе́е свои волоса́:
 «Прости́! не казни́ меня, Маша!
 Оста́нься!..» И снова моли́л горячо́...
 Бог знает, как я устоя́ла!
 Припа́в голово́ю к нему на плечо́,
 «Поеду!» я тихо сказала...
 «Посмо́трим!..» И вдруг распрями́лся старик,
 Глаза его гневом сверка́ли:
 «Одно повто́ряет твой глупы́й язык:
По́еду! Сказать не пора ли,
 Куда и заче́м? Ты подумай сперва́!
 Не знаешь сама, что болта́ешь!
 Умеет ли думать твоя голова́?
 Врага́ми ты, что ли, счита́ешь
 И мать и отца? Или глупы́ они...
 Что споришь ты с ними, как с ровней?
 Поглуб́же ты в сердце своё загляни́,
 Вперёд посмотри хладнокро́вней,
 Подума́й!.. Я завтра уви́жусь с тобою́...»

госпо́дь — бог
 мимохо́дом — между прóчим
 негодова́ть — põrdima, pahane olema

рассу́док — разум, ум
 ровня — õheväärtne, omasugune

Ушёл он грозный и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III.

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелёгкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трёх языках
Читала. Замётна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всём,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.
Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнёт,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томилась сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.

истома — roidumus
светский бал — kõrgema seltskonna
ball
искусно — osavalt

под венец — laulatusele viima
томить — piinama, väsitama
бессменно — всё время

Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец! —
«За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждёт меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днём,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моём
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я, — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шёпоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место моё не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

моли́ть — проси́ть
уси́лие — pingutus
пали́ть — жечь
нестро́йно — korgaräratult
беспло́дна — naprasna
обрека́ть кого? на что? — määgata
millelegi, pühendama
обречь *

(ис)терза́ть — (за)му́чить
разлу́ка — lahusolek
уко́р (упре́к) — ettheide
пы́шный — бога́тый
узник — vang
терза́ться — мучи́ться
люто́й — зло́й
опо́ра — tugi

Простите, родные! Мне сердце давнó
Моё подсказало решенье.
И верю я твёрдо: от бога онó!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должнá
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я тудá, гдé я больше нужнá,
Иду я к томú, кто в небле!
Я сына оставлю в семействе роднóм,
Он скоро меня позабúдет.
Пусть дедушка будет малúтке отцóm,
Сестра́ ему матерью́ будет.
Он так ещё мал! А когда подрастёт
И страшную тайну узнаёт,
Я верю: он матери чувство поймёт
И в сердце её оправдáет!

Но если останусь я с ним... и потóm
Он тайну узнаёт и спросит:
«Зачем не пошла́ ты за бедным отцóm?..»
И слово укóра мне бросит?
О, лучше в могíлу мне зáживо лечь,
Чем мужа лишítь утешенья
И в будущем сына презренье́ навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренье́!..

А может случíться — подúмать бою́сь! —
Я первого мужа забúду,
Услóвиям новой семьи́ подчиню́сь
И сыну не матерью́ буду,
А мачехой лютой?.. Горю́ со стыдá...
Простí меня, бедный изгнáнный!
Тебя позабы́ть! Никогдá! никогдá!
Ты сердца́ едíнный избрáнный...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначáла,
В блестящем наряде, на гордом конé,
Его пред полкóм я видáла;
О подвигах жизни его боево́й
Расскáзы товарищей боя
Я слушала жадно — и всюю́ душо́й
Я в нём полюбила герóя...

утешенье — troost
презренье — pölgus

навлекать что? на кого? — peale
tõmbama
навлечь *
изгнанный — väljasaadetu

Позднее я в нём полюбила отца
Малютки, рождённого мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твёрдо стоял под грозью...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клеветы,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бесмечно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!

*

Вот что я подумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
И вышел; молчали уныло
И братья и мать... Я ушла наконец...
Тяжёлые дни потянулись:
Как туча, ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала.
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен.) Письмо отвезла

клеветы — ложь
безупречный — laitmatu
величие — suigus
терновый венец — okaspärg

взор — взгляд
(по)щадить — säästma
(на)дуться — сердиться
молва — слухи

Сестра́ моя, Катя Орлова.
 Сам царь отвеча́л мне... Спаси́бо, нашла
 В отве́те я доброе слово!
 Он был элeгáнтен и мил (Никола́й
 Писа́л по-французски). Снача́ла
 Сказа́л государь, как ужáсен тот край,
 Куда я поeхать желáла,
 Как грубы там люди, как жизнь тяжeла́,
 Как возраст мой хрупок и нежен;
 Потом наме́кну́л (я не вдруг поняла́)
 На то, что возврáт безнаде́жен;
 А дальше — избóлил хвало́ю почти́ть
 Что, долгу́ покóрный, не мог пощади́ть
 Решимóсть мою, сожалeя́,
 Престу́пного мужа... Не смея́
 Проти́виться чувствам вы́соким та́ким,
 Давáл он своe позволéнье;
 Но лучше желáл бы, чтоб с сыном моим
 Оста́лась я дома...

Волне́нье

Меня охвати́ло. «Я еду!» Давно́
 Так радостно сердце не билось...
 «Я еду! я еду! Теперь решeно́!..»
 Я плакала, жарко моли́лась...
 В три дня я в далeкий мой путь собралась,
 Всe ценное я заложила́,
 Наде́жною шубой, бельeм запаслась,
 Простую́ кибитку купи́ла.
 Родные́ смотре́ли на сборы мои,
 Зага́дочно как-то вздыхáя;
 Отъезду не верил никто́ из семьи́...
 Последнюю́ ночь провела́ я
 С ребёнком. Нагну́вшись над сыном моим,
 Улыбку малю́тки родно́го
 Запóмнить старáлась; игра́ла я с ним
 Печáтью письма́ роково́го.
 Игра́ла и думала: «Бедный мой сын!
 Не знаешь ты, чем ты игра́ешь!
 Здесь участь твоя: ты просне́шься один,
 Несча́стный! Ты мать потеря́ешь!»
 И в горе́, упáв на ручóнки его
 Лицо́м, я шепта́ла рыдая́:

хрупкий — habras
 намека́ть кому? на что? — vihjama
 наме́кнуть *
 возврáт — возвращeние
 (по)щадить (д/ж) — argmu heitma
 (по)моли́ться — palvetama

закладывать что? — pantima
 заложить *
 запасаться чем? — varuma
 запастись *
 печáть — pitser

«Прости, что тебя для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»
А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щёчки его заалели.

С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое,
Теряю... нет счёта печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря ещё и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он подаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я,
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!»
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»

(за) алеть — (по) краснеть
личико — милое лицо
не сводить глаз — ainiti vahtima
колыбель — häll
заклинать — vannutama

понуро — скучно, невесело
бодрость — geirus
негодовать — pahane olema, nõrdima
чело — лоб
зловещий — kurjaennustav

Старик на меня поглядёл наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — проклянú!..»

Я упала...

Глава IV.

«Довольно, довольно объятий и слёз!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыха с лишком три дня;
Меня быстротá увлекáла,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новёлл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюблённый в неё безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла»...
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житьё
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили её
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь веселá!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти тёмные тучи прогнать?»

пристально — очень внимательно
объятие — embus
святыня — pūhadus
грация — красота, изящество
стансы — стихи

Коринна — греческая поэтесса, жила
в VI веке до н. э.; разносторонне
одарённая женщина, посвятившая
себя искусству; героиня одноимён-
ного романа французской писатель-
ницы де Сталь (1766—1817).

Как мы распротѣмся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повёсы,
Любимые песни твои мы споём,
Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москвѣ уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье судá,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка ¹:
«В Европе — сапожник,
 чтоб барином стать,
Бунтуёт, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потёмкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старики
С отменно-учтивым привѣтом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
«Какое героѣство!.. Какая порá!..»
И в такт головáми качáли.

Ну, словом, что было в Москве повиднѣй,
Что в ней мимоѣздом гостило,
Всѣ вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,

распротѣаться с кем? — hüvasti jät-
та
распротѣться*
повеса — бездѣльник, шалун
оглашаться — стать извѣстным
огласиться *

цугом — в две-три пары лошадей
гуськом
туз — äss
статс-дама — женщина из прибли-
жённых к царю

¹ Шутка Ф. А. Ростопчина, видного сановника, известного своими консервативными взглядами.

Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилкой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе¹ он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы и Чёрное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибкая, высокая не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперёд
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распушенной длинной
косой,

Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добежала,
Когда же прилив возвращался опять

ушедший — который ушёл
Одоевский В. Ф. (1803—1869) — пи-
сатель
Вяземский П. А. (1792—1878) — поэт
и критик, друг Пушкина
поклонник — austaja
кузина — двоюродная сестра

почить — умереть
проказы — шалости
курчавый — kahaŕpäine
полуденный — keskpäeva-
палить, — жечь
взор — взгляд
прилив — (mere)tõus

¹ Юрзуф — Гурзуф, на крымском побережье, где Пушкин был вместе с семьей Н. Н. Раевского в 1820 году, во время ссылки на юг.

И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идёт гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли.) Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я старá, так далéки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюблённым в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья её и печали...

Юрзу́ф живописен: в раскошных садах
Долины его потону́ли,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льну́ли
К подно́жию скал; виноград выбега́л
На кручу лозой отягчённой,
И тополь местами недвижно стоял
Зелёной и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скало́й,
Поэт наверху́ приюти́лся.
Он нам говори́л, что дово́лен судьбо́й,
Что в море и горы влюбился.
Прогу́лки его продолжа́лись по дня́м
И были всегда одино́ки,
Он у́ моря часто броди́л по ноча́м.
По-а́нглийски брал он уро́ки
У Лены, сестры́ моей: Байрон тогда́
Его занима́л чрезвычайно.

грядá — reastik, ahel
настига́ть кого? что? — kätte saama,
tabama
настичь*
(про)мочи́ть — määrjaks tegema
(по)тони́ть в чём? — urpima
(при)лнóуть к чему? к кому? — lii-
bita
подно́жие — jalam

круча — järsak
лоза́ — viipamarjakobar
отягчённый чем? — gaske
тополь — rappel
нависа́ть над чем? — gippima
нависну́ть*
(при)юти́ться — жить в тесноте́
чрезвычайно — очень сильно

Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...

Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повестует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовёт
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далёком Юрзүфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,

подбирать — üles korjama
подобрать *
лоскуток — кусочек
конфузить — смущать
досуг — свободное от работы время
кипарис — küpress
беспечный — беззаботный

туземный — pärismaalane
смолкать — (за)молчать
смолкнуть *
пернатый — sulis-
ропот моря — mere kohin
истинный — настоящий

С любовью, с тоской бесконечной,
 С участием брата напутствовал он
 Подругу той жизни беспечной!
 Со мной он по комнате долго ходил,
 Судьбой озабочен моею,
 Я помню, родные, что он говорил,
 Да так передать не сумею:
 «Идите, идите! Вы сильны душой,
 Вы смелым терпением богаты.
 Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
 Пусть вас не смущают утраты!
 Поверьте, душевной такой чистоты
 Не стоит сей свет ненавидный!
 Блажен, кто меняет его суеты
 На подвиг любви бескорыстной!
 Что свет? опостылевший всем маскарад!
 В нём сердце черствеет и дремлет,
 В нём царствует вечный, рассчитанный хлад
 И пылкую правду объёмлет...

Вражда умирится влиянием годов,
 Пред временем рухнет преграда,
 И вам возвратятся пенаты отцов
 И сени домашнего сада!
 Целебно вольётся в усталую грудь
 Долины наследственной сладость,
 Вы гордо оглянете пройденный путь
 И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
 Гнев царский не будет же вечным...
 Но если придётся в степи умереть,
 Помянут вас словом сердечным:
 Пленительен образ отважной жены,
 Явившей душевную силу
 И в снежных пустынях суровой страны
 Сокрывшейся рано в могилу!

напутствовать — reisile saatma (sõ-
 padega)
 утрата — potëria
 блажен — счастлив
 суета — askeldus
 бескорыстный — omakasupüüdmatu
 опостылевший — который надоёл
 черствеет — kalgistuma
 хлад — холод
 пылкий — горячий
 объёмлет — hõlmab
 вражда — vaen

рухнуть — kokku varisema
 пенаты отцов — родной, отчий дом
 пенаты — боги домашнего очага у
 древних римлян
 сени сада — aia vari, lehestik
 целебно — ravivald
 помянуть — вспомнить *кого-нибудь*
 пленительный — очаровательный
 явивший — который показал, про-
 явил
 сокрывшийся — который скрылся

Умрѣте, но ваших страданій рассказ
Поймѣтся живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Бесѣды не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осущатся полные чаши!..
Пускай долговѣчнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой¹ ещё не забыл,
А Бирона² нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачёва» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придётся.
Поеду весной, поскорѣй захвачу,
Что путного там соберётся,
Да к вам и махну, переѣхав Урал...»

Поэт написал «Пугачёва»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержатъ это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица

чаша (бокал) — peeker
нет и в помине — никто больше не
помнит

¹ Долгорукая Н. Б. (1714—1771) последовала в ссылку в Сибирь за своим мужем, сосланным в правление императрицы Анны Иоанновны.

² Бирон — любимец императрицы Анны Иоанновны; пользовался при ней неограниченной властью и жестоко расправлялся с негодными ему лицами.

Без грусти, без думы печальной!
 Черты неподвижных, суровых старух
 Утратили холод надменный,
 И взор, что, казалось, навеки потух,
 Светился слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я песни прелестней
 Той песни-молитвы о добром пути,
 Той благословляющей песни...
 О, как вдохновенно играли они!
 Как пели!.. и плакали сами...
 И каждый сказал мне: «Господь вас
 храни!»,
 Прощаясь со мной со слезами...

Глава V.

Морозно. Дорога белá и гладка,
 Ни тучи на всём небосклоне...
 Обмёрзли усы, борода ямщика,
 Дрожит он в своём балахоне.
 Спина его, плечи и шапка в снегу,
 Хрипит он, коней понукая,
 И кашляют кони его на бегу,
 Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая красá
 Пустынного русского края,
 Угрюмо шумят строевые леса,
 Гигантские тени бросаая;
 Равнины покрыты алмазным ковром,
 Деревни в снегу потонули,
 Мелькнул на пригорке помещичий дом,
 Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
 Толпа богомолка-старушек.
 Почтовая тройка, фигура купца
 На груди перин и подушек;

надменный — üleolev
 потухать — (по)гаснуть
 потухнуть*
 умиленный — heldinud
 превосходить кого? в чём? — ületa-
 та
 превзойти*
 небосклон — taevalaotus

балахон — просторный, длинный ха-
 лат
 понукаать — sundima
 строевой лес — ehitumets
 церковные главы — kirikutornid
 обоз — voog
 богомолка — которая молится богу
 перина — sulekott

Казённая фу́ра! С десяток подво́д:
Нава́лены ружья и ранцы.
Солда́тики! Жидкий, безу́сый наро́д,
Должно быть, ещё новобра́нцы;
Сыно́в провожа́ют отцы-мужики́
Да матери, сёстры и жёны:
«Уво́дят, уво́дят серде́чных в полки́!»
Донóсятся горькие стоны...

Подня́в кулаки́ над спиной ямщика́,
Нейстово мчитс́я фельдье́герь.
На самой доро́ге догна́в русака́,
Уса́тый поме́щичий егерь
Махну́л через ров на проворном коне́,
Добы́чу у псов отбива́ет.
Со всей своей свитой стои́т в стороне́
Поме́щик — борзы́х подзывает...

Обы́чные сцены: на станциях ад —
Руга́ются, спорят, толку́тся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята́ глядя́т,
Продро́гшие куры деру́тся;
У кузницы бьётся лоша́дка, в станке́,
Выходи́т весь сажей покры́тый
Кузне́ц, с раскалённой подко́вой в руке́:
«Эй, парень, держи́ ей копы́ты!..»

В Каза́ни я сделала́ первый прива́л,
На жёстком дива́не усну́ла;
Из окон гостини́цы видела́ бал
И, каю́сь, глубо́ко вздохну́ла!
Я вспомнила: час или два с небольшо́м
Оста́лось до нового́ года.
«Счастли́вые люди́! как весело́ им!
У них и поко́й и свобода́,
Танцую́т, смею́тся!.. а мне не знава́ть
Веселья... я еду́ на му́ки!..»
Не надо́ бы мысли́й таких допускáть,
Да молодость, молодость, внуки́!

казённая (фура) — kroonpi-
подво́да — küüdivanker
новобра́нец — noogsõdur, liisupoiss
нейстово — усердно
фельдье́герь — военный или прави-
тельственный курье́р, доставляю-
щий важную́ почту
руса́к — заяц
егерь — охотник
ров — кана́ва

махну́ть *через что?* — перепры́гнуть
отбива́ть *у кого? что?* — отнимать
отбить* — отнять
свита — saatjaskond
борза́я — hurt
ад — põgu
раскалённый — hõõgav
подко́ва — hobuseraud
копы́то — kabi
прива́л — отдых

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто её воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробьили,
Пора! я оделась. — Готов ли ящик?
«Княгиня, вам лучше дожидаться
Рассвета», заметил смотритель-старик:
«Метель начала подыматься!»
— Ах! то ли придётся ещё испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бокá,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ящика:
Бугор намелó между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.

Ящик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ящика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув цинóвку, гляжу я вперёд —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Свой у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ящика.
«Зимовка тут есть недалёко, —
Сказал он: — рассвета дождемся мы в ней!»

воротить — возвратить
позволение — разрешенье
ни зги не видать — pilkane pimedus
грядá — madalate mägede ahelik
бугор — lumehang

шарахаться — kõrvale hüppama
шарахнуться*
рогожа — rogusk
пружинка — vedru
цинóвка — piinmatt
скорбь — глүбóкая грусть

Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феде
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи!

Потом он улёгся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лёжа в углу
На мёрзлой и жёсткой рогожке...
Сначала весёлые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задрывные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И, подумав о нём,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продёрнувший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защитит,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою, —
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А всё-таки я подвигаюсь вперёд!
Так ехала я три недели...

убогий — vaene, armetu
ночник — ночная лампа
пасынок — võbraspoeg

одолевать — jagu saama
одолеть *
продёрнувший — külmanud
(за)реветь — undama

Однѣжды, заслышав какой-то содѣм,
Цинѣвку мою я открьла,
Взглянула: мы едем обширным селѣм,
Мне сразу глазѣ ослепило:
Пылали костры по дорѣге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки»,
Сказал мой ямщик: «мы увидим её,
Она, чай, идѣт недалече...»

Сибирь высылала богатство своё,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидая...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головой,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известно ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Какого-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —
И, выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!...»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он: — я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!...»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.

содѣм — здесь: шум
табун лошадей — hobusekari
серебрянка — обоз с серебром
нахально — ülbelt

каторжный — sunnitöoline
презрительный — põlastav
варварский — barbaarne

Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молёбен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слёз
Упали на жёсткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прось об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затёранный храм!
В нём плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Горá была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слёзы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль её было: я плакала в ней
И думала, думала много!

убогий — бедный
плита — kiviplaat
молящийся — тот, кто молится

непритворно — искренне
каземат — тюрьма
терзать — мучить

Доро́га без сне́гу — в теле́ге! Сперва́
Теле́га меня́ занима́ла,
Но вско́ре потом, ни жива́ ни мертва́,
Я прелесть теле́ги узна́ла.
Узна́ла и голод на этом пу́ти, —
К несча́стию, мне не сказа́ли,
Что тут ничего́ невозмо́жно найт́и,
Тут почту́ буря́та держа́ли.
Говя́дину вялят на солнце́ они
Да греются чаем кирпи́чным,
И тот ещё́ с салом! Госпо́дь сохрани́
Попробова́ть вам, непривы́чным!
Зато́ под Нерчи́нском мне задали бал:
Како́й-то купец тарова́тый
В Ирку́тске заме́тил меня, обогна́л
И в честь мою́ праздни́к бога́тый
Устро́ил. . . Спасибо! я ра́да была
И вкусным пельме́ням и бане. . .
А праздни́к, как ме́ртвая, весь проспала́
В гости́ной его на дива́не. . .

Не знала я, что вперед́и меня́ ждёт!
Я утром в Нерчи́нск прискака́ла,
Не верю глаза́м, — Трубецка́я идёт!
«Догна́ла тебя, я догна́ла!»
— *Они в Благода́тске!* — Я бросилась к ней,
Счастли́вые слёзы роня́я. . .
В двена́дцати только́ верста́х мой Сергей,
И Катя со мной Трубецка́я!

Глава VI.

Кто знал одино́чество в дальнем пу́ти,
Чьи спутники́ — горе да вьюга,
Кому́ провиде́ньем дано́ обрести́
В пусты́не нега́данно друга,
Тот нашу́ взаи́мную радость пойме́т. . .
— Уста́ла, уста́ла я, Маша́!
«Не плачь, моя́ бедная Катя! Спасе́т
Нас дружба́ и молодость наша́!
Нас жребий́ один неразры́вно связа́л,
Судьба́ нас равно́ обману́ла,
И тот же пото́к твоё́ счастье умча́л,
В котором моё́ потону́ло.

вялить — kuivatama
тарова́тый — lahke

жребий — судьба́
пото́к — река́, ручей

Пойдём же мы об руку трудным путём,
Как шли зеленёющим лугом,
И обе достойно свой крест понесём,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья. . . Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранных богов!
Найдём мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешением,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страдание осилим терпением.
Опораю гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной! . .
Чиста наша жертва, — мы всё отдаём
Избранныкам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу. . .»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо. . .
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку;
Двугривенный дали — я брать не хотел;
— Возьми, паренёк, пригодится. . .»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику, прямо в острог.
«Эй, други, не дайте в обиду!»
Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали. . .»

тщеславье — auahnus
скорбный — печальный
палач — timukas

опора — tugi
обет — tōtus
тучный (тучен) — полный, толстый

— Застряла, застряла, голу́бушка, там!
«Вот копия, нам её дали. . .»
— Что копия? с ней попадѣшься впроса́к!
«Вот царское вам позволѣнье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мучѣнье!
«Вы видите подпись царя: Никола́й?»
До подписи нет ему дѣла,
Ему из Нерчи́нска бума́гу пода́й!
Поѣхать за ней я хотѣла,
Но он объявил, что отпра́вится сам
И к утру бума́гу добу́дет.

«Да точно ли? . . .» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет! . . .

И мы добра́лись до какой-то избѣ,
О завтрашнем утре мечта́я;
С о́концем из слюды, низка́, без трубы́,
Была наша хата така́я,
Что я голово́ю касалась стѣны́,
А в дверь упира́лась нога́ми;
Но мелочи эти нам были смешны́,
Не то уж случалось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла́
И самые трудные му́ки. . .

Просну́лась я рано, а Катя спала́.
Пошла́ по дере́вне от скуки:
Избу́шки такие ж, как наши, число́м
До сотни, в овра́ге торча́ли,
А вот и кирпи́чный с решѣтками дом!
При нём часовые стоя́ли.
— Не здесь ли престу́пники? — «Здесь, да ушли́».
— Куда? — «На рабо́ту вестимо!»
Какие-то дети меня повелі́. . .
Бежа́ли мы все — нестерпимо
Хотѣлось мне мужа увидеть скорѣй;
Он близко! Он шѣл тут неда́вно!
— Вы видите их? — я спросила́ детей.
«Да, видим! Пою́т они славно!
Вон дворца. . . гляди́ же! Пойдѣм мы теперь,
Проща́й! . . .» Убежа́ли ребята́. . .

попадѣшься впроса́к — jääd vahele
слюда́ — vilgukivi

решѣтка — võre
вестимо (извѣстно) — teadagi

И словно под землю ведущую дверь
 Увидела я — и солдата.
 Сурово смотрел часовой, — наголо
 В руке его сабля сверкала.
 Не золото, внуки, и здесь помогло,
 Хоть золото я предлагала!
 Быть может, вам хочется дальше читать,
 Да просится слово из груди!
 Помедлим немного. Хочу я сказать
 Спасибо вам, русские люди!
 В дороге, в изгнании, где я ни была,
 Всё трудное каторги время,
 Народ! я бодрее с тобою несла
 Моё непосильное бремя.
 Пусть много скорбей тебе пало на часть,
 Ты делишь чужие печали,
 И где мои слёзы готовы упасть,
 Твои уж давно там упали! . .
 Ты любишь несчастного, русский народ!
 Страдания нас породнили. . .
 «Вас в каторге самый закон не спасёт!»
 На родине мне говорили;
 Но добрых людей я встречала и там,
 На крайней ступени паденья,
 Умели по-своему выразить нам
 Преступники дань уваженья;
 Меня с неразлучною Катей моей
 Довольной улыбкой встречали:
 «Вы — ангелы наши!» За наших мужей
 Уроки они исполняли.
 Не раз мне украдкой давал из полы
 Картофель колодник клеймённый.
 «Покушай! горячий, сейчас из золы!»
 Хорош был картофель печёный,
 Но грудь и теперь занывает с тоски,
 Когда я о нём вспоминаю. . .
 Примите мой низкий поклон, бедняки!
 Спасибо вам всем посылаю!
 Спасибо! . . Считали свой труд ни во что
 Для нас эти люди простые,

наголо — paljastatult
 непосильный — очень тяжёлый, не по
 силам
 бремя — тяжесть, трудность
 ступень — aste
 полá — hõlm

украдкой — vargsi
 колодник — vang
 клеймённый — tembeldatud, häbimär-
 gistatud
 золá — tuhk

Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные! . .

Рыдάνьям моим часово́й уступил,
Как бога его я проси́ла!
Свети́льник (род факела) он засвети́л,
В какой-то подва́л я вступи́ла
И долго спуска́лась всё ниже; пото́м
Пошла́ я глухи́м коридо́ром,
Усту́пами шёл он; темно́ было в нём
И душно; где плесень узо́ром
Лежа́ла, где тихо струи́лась вода́
И лужами книзу стека́ла.
Я слышала шорох; земля́ иногда́
Комка́ми со стен упада́ла;
Я видела страшные ямы в стена́х;
Казало́сь, такие ж доро́ги
От них начина́лись. Забы́ла я страх,
Прово́рно несли́ меня ноги!

И вдруг я услы́шала крики: «Куда́,
Куда вы? Уби́ться хоти́те?
Ходи́ть не позво́лено дамам туда́!
Верни́тесь скорей! Погоди́те!»
Бедá моя! видно, дежу́рный пришёл
(Его часово́й так боя́лся),
Крича́л он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шаго́в приближа́лся. . .
Что делать? Я факел заду́ла. Вперёд
Впотьма́х науга́д побежа́ла. . .
Господь, коли хочет, вездé проведёт!
Не знаю, как я не упáла,
Как голову́ я не оста́вила там!
Судьба́ берегла́ меня. Мимо
Ужасных расселин, прова́лов и ям
Бог вывел меня невреди́мо:
Я скоро уви́дела свет впереди́,
Там звёздочка словно свети́лась. . .
И вылетел радостный крик из груди́:
«Ого́нь!» Я кресто́м осени́лась. . .
Я бросила шубу. . . Бегу́ на огонь, —
Как бог уберёт во мне душу!
Попáвший в трясину испуганный конь
Так рвётся, завидевши сушу. . .

горечь (ж. р.) — kibedus
плесень (ж. р.) — hallitus
расселина — lõhestik

осенить кресто́м (перекреститься) —
risti ette lõõma
трясина (болото) — õõtsik

И стало, родные, светлѣй и светлѣй!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени за ней..
Чу... молот! рабѣта, движенье..
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчётливей стали..
Вот ближе, сильнѣй замелькали огни.
Должно быть, меня увидали..
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в
раю.

Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу, я поднялся стрелой!
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...¹
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья..
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаём для Россіи,
Как видите, нас не убили труды!»
Весёлые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой женѣ,
Утешила я Трубецкого;

дерзость (ж. р.) — julgemine, söan-
datine
оковы — ahelad

¹ Перечислены декабристы: Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), Борисовы Андрей Иванович (1798—1854) и Пётр Иванович (1800—1854), Оболенский Евгений Петрович (1796—1868).

Все письма, по счастью, были при мне,
С привѣтом из края родно́го.
Спешила я их передать. Между тем
Внизу́ офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда́ и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово моё,
Убьётесь! . . . Эй, лестницу, черти!
Живей! . . . (Но никто не подста́вил её. . .)
Убьётесь, убьётесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы? . . .» Но мы
Всё вглубь уходили. . . Отвсю́ду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывало́му чуду.
Они пролагали мне путь впереди́,
Носилки свои предлагали. . .

Орудья подзёмных работ на пути́,
Провалы, бугры́ мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездно́й!
Стучались в упру́гую грудь руднико́в
И заступ и молот желе́зный.
Там с ношею узник шагал по бревну́,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели́ в глубину́,
Там люди кара́бкались выше
По шатким подпóркам. . . Какие труды́!
Какая отва́га! . . . Сверкали
Местами добы́тые глыбы руды́
И щедрую дань обеща́ли. . .

Вдруг кто-то воскликнул:

«Идёт он! идёт!»

Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канáва была перед нами.
«Потйше, потйше! Ужели затем
Вы тысячи вёрст пролетели»,
Сказал Трубецко́й, «чтоб на горе нам всем
В канáве погйбнуть — у цели?»
И за руку крепко меня́ он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»

кара́бкаться — лезть
шаткий — неустойчивый, качающийся
подпóрка — tugi

Сергей торопился, но тихо шагáл.
Окóвы уныло звучáли.
Да, цепи! Палáч не забыл ничегó
(О, мстительный трус и мучитель!),
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступáлись, молчáнье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простёр ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержáли.
По бледным щекáм его слёзы текли,
Простёртые руки дрожáли...

Душе моей милого голоса звук
Мгновённо послáл обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «Иду!» я бежáла бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстрéчу призывному звуку...
«Иду!..» Посылáло мне ласку свою
Улыбкой лицó испитое...
И я побежáла... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в рудникé роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев окóвы на муже моём,
Вполнэ поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!
Невóльно пред ним я склонила
Колéни — и, прежде чем мужа обнять,
Окóвы к губáм приложила!..

И тихого ангела бог ниспослáл
В подзёмные копи, — в мгновенье
И говор и грохот работ замолчáл,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезáми в глазах,
Взволнованы, бледны, сурóвы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука окóвы,

мстительный — kättemaksuhimuline
простёртый — väljasirutatud
угроза — ähvardus

зияющий (раскрытый, обнаруживаю-
щий глубинú) — haigutav
испитой (истощённый) — kurnatud

И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казáлось, что каждый здесь с нами делил
И гóречь и счастье встречи!
Святáя, святая была тишинá!
Какóй-то высóкой печáли,
Какóй-то торжéственной думы полнá.
«Да где же вы все запропáли?» —
Вдруг снизу донёсся нейстовый крик.
Смотритель работ появилcя.
«Уйдите! — сказал со слезáми старик: —
Нарóчно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Порá! Забранят!
Начáльники — люди круты́е...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родны́е!
По-русски меня офицёр обругáл,
Внизу́ ожида́вший в трево́ге,
А сверху́ мне муж по-францúзски сказа́л:
«Увидимся, Маша, — в остро́ге!..»

нейстовый — необыча́йно сильный

НА ВОЛГЕ.

Некрасов бывал в Гермáнии, в Итáлии, во Франци и видел немало красíвейших рек, но больше всех рек на свете он любил свою родную Волгу, на берега́х которой прошло его детство. С любовью говорил он о ней:

Благословéнная река,
Корми́лица народа!

Поэту редко удавалось вырваться к любимой реке. В стихотворении «На Волге» он рассказывает, как однажды после долгой разлу́ки ему посчастливилось снова увидеть её. Но радость его была коротка́: вдруг невдалекé, на берегу, он заметил толпу бурлако́в; шага́я по берегу, они тащи́ли за собо́й на бечевé тяжёло́ гружённые судá и баржи.

Пароходов в те времена́ ещё не было. Судá могли плыть только вниз по течéнию, а против течéния, вверх по реке, их чаще всего волокли́ бурлаки.

Работа у бурлако́в была очень тяжёлая. Сгиба́ясь под ляжкой, они стона́ли от натúги и боли. В бурлаки шли самые бедные, безземéльные, бездо́мные крестьяне, которые ни в деревне, ни в городе не могли найти другой работы.

О Волга! после многих лет
Я вновь принёс тебе привёт.
Уж я не тот, но ты светла́
И велича́ва, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монасты́рь
На острову́, среди песко́в,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслышав звон колоколо́в.

.

благословéнный — õnnistatud
корми́лица — toitja
вырывáться — siin: pääsema, end
lahti rebima
вырваться*
разлу́ка — lahusolek
бурла́к — burlakk, lodjavedaja
бечевá — kõis, tugev nõõr
гружённый — laaditud
судно, мн. ч.: судá — laev, laevad
баржа — pargas, lodi, praam
воло́чь (тащи́ть) — rebima, tirima
tassima

сгиба́ться — küüru jääma
согнуться*
ляжка — rakme- või rinnarihm
стона́ть — oigama
натúга — pingutus
бездо́мный — kodutu
велича́вый — suursugune
даль — kaugus
ширь — avarus
монасты́рь — klooster
трепет — värin, judin
ощущáть — tundma, meelestama
ощутить*

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водою,
Усёвшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несётся крик перепелов.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.

Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки.
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга! . . . колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам,
То, как играющий зверёк,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки

плотный — tihe
(за)ковать — siin: siristama
кузнечик — rohutirts
перепёл — põlvvutt
позабиться — unustusehõlma langema
зной (жара) — kuumus
царить (царствовать) — valitsema
стон — oie
обвивать что? чем? — ümber punuma,
põimima
обвить *
обувать — jalga paņema
обуть *

лапти — viisud
гурьба — gühm, jõuk
дикий (дик) — metsik
ясный (ясен) — selge
мерный (ритмичный) — rütmiline,
ühetasane
похоронный — matuse-
колыбель — häll
заря — koit
алый — ярко-красный
челнок — лодка
круча — järsak

Бегу́, броса́я камешки,
 И песню́ громкую́ пою́
 Про уда́ль раннюю́ мою́...
 Тогда́ я думать́ был го́тов,
 Что не уйду́ я никогда́
 С песча́ных эти́х берего́в.
 И не ушёл́ бы никуда́ —
 Когда́ б, о Волга! над тобо́й
 Не раздава́лся этот вой!

Давно-давно́, в такой же час,
 Его́ услышав в первый раз,
 Я был испуган, оглушён,
 Я знать хотел, что значит он, —
 И долго́ берегом река́
 Бежа́л. Уста́ли бурлаки́,
 Котёл с расш́ивы́ принесли́,
 Уселись, развели́ костёр,
 И меж собо́ю повели́

камешек (маленький камень) — kivi-
 ke
 уда́ль — uljus
 вой — ulgumine

оглушённый (оглушён) — põrutatud,
 kurdiks tehtud
 расш́ива — большое парусное судно

Неторопливый разговор.
 — Когда-то в Нижний попадём? —
 Один сказал: — Когда б попасть
 Хоть на Ильё. . . — «Авось, придём, —
 Другой, с болезненным лицом,
 Ему ответил: — Эх, напасть!
 Когда бы зажило плечо,
 Тянул бы ляжку, как медведь,
 А кабы к утру умереть —
 Так лучше было бы ещё. . .»
 Он замолчал и навзничь лёг.
 Я этих слов понять не мог,
 Но тот, который их сказал,
 Угрюмый, тихий и больной,
 С тех пор меня не покидал!
 Он и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможённые черты
 И выражающий укор
 Спокойно-безнадёжный взор. . .
 Без шапки, бледный, чуть живо́й,
 Лишь поздно вечером домой
 Я воротился. Кто тут был —
 У всех отвёта я спросил
 На то, что видел, и во сне
 О том, что рассказали мне,
 Я бредил. Няню испугал:
 «Сиди, роди́менький, сиди!
 Гулять сего́дня не ходи!»
 Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
 Я не узнал реки родной:
 С трудом ступает на песок
 Моя нога: он так глубок;
 Уж не манит на острова

Нижний — Нижний Новгород, те-
 перь город Горький
 Илья — двадцатое июля старого
 стиля
 авось — может быть
 напасть — беда, несчастье, несчаст-
 ный случай
 заживать — рагапета
 зажить *
 кабы — если бы
 навзничь — вверх лицом, на спину
 угрюмый — суровый, неприветливый,
 мрачный

лохмотья — избрванная одежда
 жалкий — vilets, haletsemisväärne
 нищета — viletsus, kehvus, vaesus
 изнеможённый — kurnatud
 укор — etteheide
 безнадёжный — lootusetu
 воротиться — вернуться
 бредить — сонима
 роди́менький — родимый, родной
 бог весть (бог знает) — jumal teab
 (за)манить — meelitama

Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!
О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Создав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмелял!

прибрежный — kaldaäärne
зловещий — kurjaennustav
пронзительный (пронзителен) — läbi-
lõikav
рабство — orjarõli

замышлять (задумать) — sepitsema,
kavatsema
замыслить *
клятва — vande
осмеивать — välja naerma
осмеять *

Картина И. Е. Релина «Бурлаки».

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН.

(1844—1930)

«БУРЛАКИ».

В одной из первых своих картин «Бурлаки» Репин осудил существующий строй, — он показал грубейшую эксплуатацию человека человеком.

Однажды утром Репин со своим другом Савицким отправился на прогулку на пароходе вверх по Неве. Илья Ефимович был в хорошем настроении. По берегу реки гуляли нарядно одетые девушки. Но вдруг Репин заметил вдали движущееся «коричневое пятно», тянувшее за собой барку. Это были бурлаки. Репин присмотрелся к ним и увидел угрюмые, потные лица, грязную, обрванную одежду, жилистые загорелые руки...

Илья Ефимович был поражён контрастом между бурлаками и людьми, беспечно гулявшими по берегу. С этого дня он не мог отделаться от образа бурлаков. Он поставил себе задачу изобразить их на полотне. Сперва ему захотелось изобразить, как «чёрная рука» поднимает бечеву, чтобы дать дорогу нарядным девушкам.

Для написания бурлаков в 1870 году, в сопровождении двух художников — Макарова и Васильева — Репин поехал на Волгу, где, как ему сказали, можно встретить «настоящий традиционный тип бурлака».

Репин со своими товарищами решил остановиться в Ширяеве. Здесь он стал сначала приглядываться к партиям бурлаков, изучая их характеры, а затем делая альбомные зарисовки. После долгих наблюдений ему встречается замечательный тип

осуждать кого? что? — hukka mõist-
та

осудить *

строй — riigikord

коричневый — pruun

барка — pargas, lodi, praam

угрюмый — morn

потный — higine

жилистый — sooneline

поражать кого? чем? — rabama

поразить *

беспечно (беззаботно) — muretult

полотно (картина) — lõuend

зарисовка — visand

бурлака — Кáнин, нарисова́в которого Репин смог «запечатлеть самую сущность этого неслыханного и жуткого явления».

Репин так говорил о Канине: «Боже, как дивно повязана у него тряпницей голова, как закурчавились волосы на шее, и, главное, цвет лица». «Что-то в нём восточное, древнее». «Была в его лице особая незлобивость человека, стоящего неизмеримо выше своей среды». «А вот глаза, глаза! Какая глубина взгляда, приподнятого к бровям, тоже стремящимся на лоб. А лоб — большой, умный, интеллигентный лоб; это не проста́к. Рубаха без пояса, и порты обтрепались у босых чёрных ног». Репину удалось написать Канина в лямке, привязанной к барке. Илья Ефимович решил поставить его вперёд бурлаков, возглавляя им шествие этих измученных людей.

Работа над «Бурлаками» всецело поглотила Репина.

В 1871 и 1872 годах Репин работал над «Бурлаками»; он многое менял, постепенно улучшал картину. «Так, например, он уничтожил горы, тянувшиеся у него вначале длинной зеленоватосерой грядой по ту сторону Волги, — и сделал чудесно. Картина бесконечно выиграла. Теперь чувствуешь чудную ширь и раздолье, взглянув на эту Волгу, разлившуюся безбрежно во все края» (Стасов).

В 1873 году картина была закончена. По берегу Волги идёт, как покорное стадо, ватага из одиннадцати бурлаков. Впереди выступают два «коренных» бурлака с бронзовой от солнца грудью, включенными волосами и повисшими словно плети руками. За ними третий «богатырь», похожий на индейца, в лохмотьях, с волосами, повязанными тряпкой. Дальше, стараясь поменьше везти, идёт высокий, жилистый отставной солдат; за ним — больной, иссохший старик старается набить трубку из кисета. Рядом мальчик в розовой рубашке, с сердитым взглядом. За ним солдат в сапогах и в жилёте с единственной пуго-

запечатлевать — jäädvustama
запечатлеть *
сущность — olemus
жуткий — õudne, jube
тряпница (тряпка) — lapp, kalts
(за)курчавиться — lokki minema
незлобивость (добродушие) — hea-
südamlikkus, leebus
неизмеримо (во много раз) — mää-
ratult rohkem
средá — keskkond
порты — püksid
шествие — rongkäik
всецело (полностью) — täielikult
поглощать (т/щ) — haarama, pee-
lama
поглотить *

грядá — reastik, ahel
ширь (широта, простор) — avarus
раздолье (простор) — avarus
разливаться — üle kallaste tõusma,
laiuma
разлиться *
безбрежно (не имеющий берегов) —
ääretult
покорный — alandlik
ватага (толпа, артель) — salk, trobi-
kond
коренной — aisahobune, peamine
включенный (лохматый) — sassis
отставной солдат — erusoldat
кисет — tubakakott

вицей. За солд́атом — бродя́чий грек, беспоко́йно озира́ющийся вокруг. Шестви́е замыка́ет лапотник, опу́стивший голову́ на грудь, отста́вший от своих товарищей.

Репин сумел показáть характер, всё существо бурлака. Возьмём, например, Канина. По выражéнию его глаз, по высокому лбу видно, что это умный и честный человек. Он изо всех сил тянет бече́ву, стара́ясь везти как можно больше, чтобы помочь своим товарищам.

Репин докáзывает, что бурлаки прежде всего люди, имеющие свои переживáния и стремлéния, что они как и весь народ, должны иметь право на жизнь, что на них нельзя смотреть, как на покóрную и дешёвую рабочую силу и нельзя сравнить с рабочим скотóм. Репин выступает против непосильного бурла́цкого труда́ и выража́ет своё доброжелáтельное отношéние к бурлакам.

Репин показал реальную жизнь. Применение труда бурлаков было распространено́ почти во всех больших реках. В своей картине Репин изобразил типическую для того времени вата́гу бурлаков. Но бурлаки его разл́ичны. Одни из них (Канин, «индеец») полны энергии и тянут барку в полную силу, — другие же (старик, стоящий пятым, лапотник) разочарова́лись в жизни, не верят в своё будущее и идут, опу́стив голову́ вниз. Некрасов как бы выража́ет их мысли, приводя́ слова бурлака: «А кабы к утру умереть — так лучше было бы ещё...» (Из стихотворения «На Волге».) Этим Некрасов, так же как и Репин, бросает вызов существующему строю.

Некрасов посвяти́л бурлакам несколько стихотворéний. В них он подмеча́ет общие черты бурлаков. В стихотворении «На Волге» он пишет:

Почти пригну́вшись головой
К ногам, обв́итым бечево́й,
Обу́тым в лапти, вдоль реки
Ползли гу́рьбо́у бурлаки.

Некрасов показал «покóрного», «сумрачного» бурлака́, не протестующего против своей доли. С сочувствием Некрасов говорит о жизни бурлака, сравнивая её с жизнью узника в цепя́х.

грек (гречáнка) — kreeklane
озира́ться — ümber vaatama
лапотник (тот, кто ходит в лап-
тях) — viisukandja
переживáние — elamus
стремлéние — püüdlus
скот — kariloomad
непосильный (не по силам) — очень
тяжёлый

применение — kasutamise, rakenda-
mine
вызов — väljakutse
обвивáть что? чем? — ümber punuma,
rõimima
обвить *
сумрачный (угрю́мый, непривéтли-
вый) — mogn
доля (судьба) — saatus
узник — vang

В другом стихотворении («Бурлак» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо») показан бурлак, который после того, как «плеча́ми, грудью и спиной» «до места барку дотяну́л», «зашёл в каба́к и молча кинул на верста́к трудом добы́тые гроши́».

Передовая часть общества приняла картину Ильи Ефимовича Репина восторженно, а консерваторы ополчились против неё. Успех картины был ошеломляющим. Репин сам говорил, что «с «Бурлаков» началась моя слава по Руси великой».

каба́к — kōrts
верста́к — siin: lett
восторженно — vaimustatult

ополча́ться *против кого?* — vaenuja-
lale asuma
ополчи́ться *
ошеломляющий — rabav

СОДЕРЖАНИЕ.

Александр Сергеевич Пушкин.

I. Повесть о Пушкине. По В. Воеводину	3
II. Стихотворения:	
В Сибирь	26
Ответ Пушкину. А. И. Одоевский	27
Арион	28
И. И. Пущину	29
Я вас любил	29
Зимний вечер	30
III. Роман в стихах «Евгений Онегин»	31
Глава первая	31
Глава вторая	36
Глава третья	41
Глава четвёртая	49
Глава пятая	52
Глава шестая	61
Глава седьмая	66
Глава восьмая	75
IV. Повести Белкина	
Метель	85

Михаил Юрьевич Лермонтов.

I. Из жизни Лермонтова. По Г. К. Бочарову	97
II. Стихотворения:	
1. Беглец	108
2. Сосна	113
3. Утёс	114
4. Три пальмы	114
III. Герой нашего времени	
Тамань	117

Иван Сергеевич Тургенев.

I. Записки охотника	
Живые мощи	128

Николай Гаврилович Чернышевский.

I. Роман «Что делать?»	
Особенный человек	141

Николай Алексеевич Некрасов.

I. Рассказ о жизни Н. А. Некрасова. По Г. К. Бочарову	154
II. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины»	160
Княгиня М. Н. Волконская	163
III. Стихотворение «На Волге»	202
IV. Илья Ефимович Репин	208

Пентре Наталья Васильевна
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

для X класса

На русском и эстонском языках

Обложка В. Варе

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Toimetaja N. Lassmann

Tehniline toimetaja I. Vahre

Korrektorid N. Kruglova ja A. Zinišenko

Ladumisele antud 17. I 1962. Trükkimisele antud

24. II 1962. Paber 60 × 90, 1/16. Trükipoognaid 13,5.

Arvutuspoognaid 12,63. Trükiarv 5000. Tellimise

nr. 542. Hans Heidemanni nimeline trükikoda,

Tartu, Ülikooli 17/19. II

Hind 24 kop.

24 kop.

